

4
1971

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫМ

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

В НОМЕРЕ:

Р. Пересветов ЧЕМОДАН ИЗ ЖЕЛТОЙ КОЖИ	2
ПРИЗ ЗАВОЕВАЛ «БОЯН»	7
А. Сергеев ЮНЫЙ КОММУНАР. На приз нашего журна- ла.	8
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	10
В. Крапивин БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ. Повесть	12
А. Адамов, Л. Лапцуй СТИХИ	34
Э. Бояршинова СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Очерк	35
А. Никитин САБЛЯ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ.	42
А. Коровин КАМЫШЛОВЦЫ — СОЛДАТЫ КУТУЗОВА	43
Г. Альтов НОВЫЕ РУБЕЖИ ФАНТАСТИКИ	44
А. Марков КАК ПОПАЛА В ЭРМИТАЖ «МАДОННА БЕНУА»	49
М. Сомов ОРИЕНТИР — ВЕТЕР	52
А. Санин ИДУ НА ОГОНЬ!	59
из книги ПРИРОДЫ	64
В. Житников ПОЧЕМУ ТЬМА «КРОМЕШНАЯ»	71
П. Казанцев «ЖАЛОВАННЫЙ» КАФТАН	73
Е. Мюссар МИШКА КРУТИКОВ — ВОЖДЬ АПАЧЕЙ Юмористический рассказ	74
Л. Румянцев НЕПОВТОРИМ ЧЕЛОВЕК	76
Б. Казанков ПИСЬМА ЕГИПЕТСКОЙ ЦАРИЦЫ	77
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна
На второй странице обложки фото
И. Тюфянова «Разлив».

У Р А Л Ь С К И Й **4**
С Л Е Д О П Ы Т **1971**

ЧЕМОДАН ИЗ ЖЕЛТОЙ КОЖИ

Р. ПЕРЕСВЕТОВ

Писатель Роман Тимофеевич Пересветов, автор широко известных книг — «Тайны выцветших строк», «По следам находок и утрат», «Поиски бесценного наследия» и других — был активным автором «Уральского следопыта» и другом его, участником первого Всевуральского слета следопытов в 1962 году. Последние годы своей жизни (он умер в 1965 году) Роман Тимофеевич продолжал работать над книгой очерков на тему, особо интересовавшую его, — о поисках ленинских рукописей и документов. Сестра писателя, Е. Т. Пересветова, любезно предоставила нашему журналу один из очерков этой незаконченной книги.

История чемодана с двойным дном не имеет, строго говоря, прямого отношения к судьбе ленинских рукописей, возможно, и хранившихся некоторое время в этом чемодане. Но злоключения этого многострадального чемодана дают живое представление об опасностях, подстерегавших на каждом шагу Ленина с первых лет его революционной деятельности, а значит, и о том, почему были утрачены и многие его рукописи.

Чемодан из желтой кожи был приобретен Владимиром Ильичем в 1895 году во время заграничной поездки, предпринятой для установления связи с группой «Освобождение труда». С помощью ее руководителей — Плеханова и Аксельрода — Ленин хотел наладить в Швейцарии выпуск новых пропагандистских изданий, необходимых для усиления революционной борьбы в России. Конечно, соблазнительно было на обратном пути захватить с собой некоторое количество уже изданной за рубежом революционной литературы, в которой первые русские марксистские кружки испытывали в то время острую нужду. Но именно для Ленина это было связано с большим риском. У Владимира Ильича сперва и не было таких намерений — везти с собой что-нибудь недозволенное. Он знал, что после казни старшего брата полиция не спускает с него глаз. По одной уже этой причине он дол-

жен был быть особенно осторожен. Хотя ему и удалось добиться разрешения на выезд в Швейцарию «для лечения», он знал, что за ним будут усердно следить и там, и по возвращении. Что для таких опасений у Владимира Ильича имелось достаточно оснований, подтверждается и документами, найденными после Октябрьской революции в делах департамента полиции. Вот что они рассказывают.

Второго мая 1895 года петербургский градоначальник генерал-лейтенант фон Валь известил директора департамента полиции об отъезде за границу состоявшего под негласным надзором «сына действительного статского советника» Владимира Ильича Ульянова. А затем этот департамент разослал начальникам жандармских пограничных пунктов два циркулярных списка лиц, «за возвращением которых в пределы империи надлежит установить наблюдение» и «на коих падает подозрение в принадлежности к социал-революционному обществу». В обоих списках можно было прочесть имя В. И. Ленина, «брата казненного государственного преступника». Второй список даже открывался этим именем. В полицейской же характеристике упоминалось также, что В. И. Ульянов стоит во главе кружка, «занимающегося революционной пропагандой среди рабочих, и в интересах этого кружка (департамент полиции успел уже кое-что разнюхать. — Р. П.) для приобретения революционных связей выбыл за границу».

В случае возвращения Ульянова в Россию предписывались тщательный досмотр багажа и возобновление негласного надзора.

О выезде Ульянова из России департамент предупредил и заведующего заграничной агентурой, пресловутого П. И. Рачковского. Цель поездки Ульянова за границу, говорилось в этом секретном письме, «заключается в приискании способов к водворению в империю революционной литературы и устройства сношений рабочих революционных кружков с заграничными эмигрантами»¹. За деятельностью и зарубежными сношениями Ульянова Рачковский должен был установить тщательное наблюдение.

Не собираясь искушать бдительность полиции, Владимир Ильич в то же время, конечно, не упустил случая позаботиться об усилении притока революционной литературы.

В Берлине Ленин виделся с одним представителем виленской социал-демократической организации, переправлявшим для нее нелегальную литературу. Вместе с бывавшим в России немецким социал-демократом Бухгольцем он помог Владимиру Ильичу наладить пересылку такой литературы и для «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Немецкие товарищи порекомендовали Ленину переплетчика, очень искусно изготавливавшего чемоданы с двойным дном и стенками, в которых можно было перевозить любую нелегальщину. Ленин нашел эти чемоданы весьма удобными и не устоял — заказал и для себя такой чемодан из великолепной желтой кожи, одним своим солидным видом, казалось, рассеивавший подозрения в «неблагонадежности» его владельца. А уж раз такой чемодан приобретен, надо попытаться его волшебные свойства — до отказа набить тайные хранилища запрещенными изданиями.

Риск, конечно, был немалый. Но Владимир Ильич надеялся, что не станут же на границе с одинаковой тщательностью проверять весь его багаж. А вот среди других вещей проскочит и этот чемодан. Однако он пережил несколько тревожных минут, когда при осмотре на границе таможенный чиновник именно этот чемодан, из желтой кожи, перевернул вверх дном да еще щелкнул по нему пальцем! К удивлению Владимира Ильича, этот щелчок по дну чемодана не повлек за собой никаких неприятных последствий.

В делах департамента полиции сохранился рапорт жандармского ротмистра из пограничного пункта Вержболово от 7 сентября 1895 года, доносившего в Варшаву и Петербург о приезде из-за границы «указанного в циркуляре» сына действительного статского советника — Владимира Ильича Ульянова — и об отъезде его, «судя по купленному билету», в Вильно.

«По самому тщательному досмотру его багажа ничего предосудительного не обнаружено»², — говорится в этом рапорте.

Анне Ильиничне запомнилось, что брат приехал из-за границы в отличном настроении. Особенно доволен он был тем, что ему удалось перехитрить полицию. Привезенная литература досталась участникам марксистских кружков. Одна-

ко уже тогда у Ленина и его близких мелькнуло подозрение: не пропустили ли жандармы этот чемодан намеренно, чтобы выследить, кому будет передано его содержимое, и получить улики для ареста. Сохранившиеся в архиве департамента документы не дают четкого ответа на этот вопрос. Но по ним во всяком случае видно, что уже через три месяца после возвращения Ленина в Россию департамент сильно заинтересовался содержимым чемодана.

В отношении, полученном в декабре 1895 года начальником Петербургского жандармского управления, прямо сказано, что цель поездки Ульянова за границу, по-видимому, была достигнута. «На это указывает появление вслед за возвращением Ульянова заграничных революционных изданий в значительном количестве...»¹.

силение пропаганды и распространение нелегальных изданий побудило департамент полиции, как можно судить по тому же письму его директора Сабурова, признать своевременным «приступить к немедленной ликвидации С.-Петербургской социал-демократической партии».

Владимир Ильич вынужден был несколько раз менять свой домашний адрес. Полицейские сыщики бегали за ним по пятам. Об усилении слежки Надежда Константиновна Крупская узнала благодаря такому случаю. Двоюродная ее сестра, служившая в адресном столе, сообщила, что ночью туда приходил сыщик. Просматривая адреса, он бормотал: выслежен, мол, важный государственный преступник Ульянов — брат повешенного. «Приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет», — хвалился он, уходя².

Даже пустой чемодан с двойным дном мог, в случае обыска, стать серьезной уликой против его владельца. Но, по словам двух встречавшихся в те дни с Владимиром Ильичем участников марксистского кружка — студента Сильвина и инженера-технолога Названова, Ленин не очень торопился избавиться от своей удачной покупки или хотя бы превратить ее в чемодан обычного типа, без вторых стенок³. Этот чемодан мог еще пригодиться, и его нужно было переправить в безопасное место. Но после того как полиция взяла на заметку квартиру Ульянова, сделать это было нелегко. Один знакомый профессор, слышавший «чистым», то есть не выслеживаемый шпиками, предложил свои услуги, но план этот сорвался. Тогда Владимир Ильич передал чемодан Анатолию Ваневу, всегда особенно старательно выполнявшему ленинские поручения. За Ваневым тоже велась уже слежка. Поэтому он взял себе в помощники инженера-технолога Названова и студента Серержникова. А те, со своей стороны, привлекли к этой операции еще двух студентов — Митрофанова-Шеманова и Попова, а также двух курсисток — Сибирскую и Катаурову.

¹ Там же, стр. 89.

² Воспоминания о В. И. Ленине, Ч. 1, М., 1956, стр. 78.

³ «Пролетарская революция», 1931, № 2—3, стр. 100.

¹ Опубликовано в журнале «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 79.

² «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 81.

Такое обилие помощников оправдывалось, очевидно, тем, что, как вспоминает живший вместе с Ваневым Сильвин, никто из них не имел отдельной квартиры. «Сжечь или иным способом уничтожить кожаный чемодан у себя дома было невозможно, не вызвав подозрений и сообщения дворнику, т. е. в участок...»¹.

В одном из полицейских донесений было отмечено, что 17 сентября 1895 года Ванев вышел из квартиры не в обычной своей студенческой форме, а в «статском платье». На нем был плащ, в поднятый воротник которого он прятал нижнюю часть лица. Шапка была надвинута на уши. Полицейский агент проследил его маршрут. Ванев отправился к инженеру-технологу Названову. К нему же вскоре приехала и курсистка Елена Сибирская.

В то же время к дому, в котором проживал Названов, подошел и Ульянов, «но, не заходя в дом, вскоре же удалился», — доносит агент². Удалился, очевидно, потому, что заметил слежку.

Сам Названов, вспомнив, что «извлечение этого чемодана организовал Анатолий Ванев при помощи какой-то барышни», добавляет: «...объехал этот чемодан весь Петербург. Был он завезен этой барышней ко мне (угол Можайского и Загородного), но ввиду слежки, увезен Ваневым из моей квартиры»³.

Полицейские агенты проследили, что спустя четверть часа Ванев вышел из дому вместе с Сибирской, и они на извозчике отправились в дом № 48 по Гороховой улице, где жил студент Виктор Серезников. Ванев зашел к этому студенту, а Сибирская ждала его целых полчаса в извозничьей пролетке. Из квартиры Серезникова Ванев вышел со студентом Николаем Шемановым, «причем они вынесли и поставили на извозчика чемодан из желтой кожи, который Сибирская и отвезла на свою квартиру»⁴.

Как известно, в декабре 1895 года Ленин был арестован. Вскоре после этого на квартире у Сибирской был сделан обыск, но никакого чемодана, конечно, не нашли. Были произведены обыски и у других подозреваемых в хранении или перевозке желтого чемодана, но след его утерялся. Неуловимый чемодан не раз упоминается в докладе вице-директора департамента полиции по делу «о возникших в Петербурге преступных кружках». Уже на первом допросе, происходившем 21 декабря 1895 года, Владимира Ильича спрашивали об этом чемодане, что видно из его ответа, занесенного в протокол следователем: «Когда я приехал за границу, я имел при себе чемодан, которого теперь у меня нет, и где я его оставил, не помню»⁵.

Вскоре же после этого допроса Ленину удалось передать на волю зашифрованное письмо

Надежде Константиновне с просьбой сообщить его родным в Москве, чтобы они, во избежание ареста, купили чемодан, похожий на привезенный им из Берлина, и, в случае обыска, сказали, что это и есть тот самый чемодан. Но никто из его близких не знал, как выглядел тресловутый желтый чемодан, оставшийся в Петербурге. И это очень беспокоило Анну Ильиничну. Не смогла этого толком объяснить и приехавшая отсюда Крупская. Анна Ильинична долго ходила по магазинам и, в конце концов, купила один желтый чемодан, как потом выяснилось, совсем не похожий на тот, с двойным дном. Выезжая в Петербург на свидание с братом, она захватила свою покупку с собой, в надежде, что после поездки чемодан утратит вид только что приобретенного. В первых зашифрованных письмах, которыми она обменивалась с братом, и в беседах сквозь тюремную решетку этот чемодан упоминался очень часто, и для него пришлось придумать даже специальный псевдоним — «лампа». Анна Ильинична потом вспоминала, что причиненные этим чемоданом волнения заставляли ее отворачиваться от витрин, где был выставлен этот предмет, так он осточертел!

Показания Ульянова на первом допросе по поводу желтого чемодана противоречили имевшимся у следователей сведениям. Но выпытать что-либо им не удалось и у других обвиняемых.

«Мне никогда не случалось выносить от Серезникова какой-либо чемодан. А с Сибирской я вообще не знаком», — заявил на допросе Ванев¹.

Дочь священника, курсистка Елена Сибирская, и студент Николай Митрофанов-Шеманов показали, что в сентябре они никакого чемодана не привозили и отрицали всякое знакомство с Ваневым, Названовым и Ульяновым.

Вызванный в качестве свидетеля полицейский агент Коротков, доносящий о перевозке чемодана, вынужден был признать, что это происходило вечером и поэтому трудно было разглядеть лица сидевших в извозничьей пролетке людей. Он считал, что это были студенты, жившие как раз в этих домах, возле которых останавливался извозчик. Перевозившая чемодан женщина, по словам агента и полицейского надзирателя, была закутана в башлык. Подъехав к дому № 39 по Второй линии Васильевского острова, она вошла с чемоданом во двор и о чем-то спросила дворника.

«Не Сибирская ли это была?» — только на следующий день догадался навести справку надзиратель. — «Она башлыка не носит», — ответил дворник. Это подтвердила и ее квартирная хозяйка, добавившая к тому же, что у курсистки никогда не было никакого чемодана. По ее словам, разыскиваемая полицией женщина могла скрыться через проходной двор.

И Ванев и Названов отрицали знакомство с Сибирской. Воспользовавшись тем, что следователь перепутал дату перевозки чемодана, Названов сумел доказать, что в этот вечер его вообще не было дома, он уезжал в Коллино на именины к сестре. У Сибирской и ее сожительницы, правда, нашли две книжки, считавшиеся крамольными: пьесу Гауптмана «Ткачи»²

¹ «Старый большевик», 1933, № 2 (5), стр. 167.

² «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 89.

³ «Пролетарская революция», 1931, № 2—3,

⁴ «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 90.

⁵ Там же, стр. 98.

¹ «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 97.

² Эта пьеса была переведена с немецкого сестрой Владимира Ильича, Анной Ильиничной Елизаровой, но следователь этого не знал.

и брошюру «Рабочий день». Но девушка, заведовавшая библиотекой бывших женских курсов, ответила: «Читательницы иногда заносят книги и ко мне на дом. Вероятно, кто-нибудь из них оставил эти брошюры».

уда же на самом деле девался купленный Лениным в Берлине желтый чемодан? На этот счет существует две версии, из которых ни одна не была опровергнута, быть может, потому, что его владелец не был в

этом заинтересован.

Близко знавший Ванеева и даже живший с ним в одной комнате Сильвин рассказывает, вероятно, со слов своего друга, что как только закутанная в башлык курсистка Сибирская со своей сожительницей Катауровой привезли этот чемодан к себе домой, в передней раздался звонок. Два каких-то субъекта осведомились у открывшей им двери хозяйки, не сюда ли зашли девицы с чемоданом. Хозяйка не только не выдала жиличек, но сумела направить непрошенных гостей по ложному следу. Они сразу же умчались, как только она им сообщила, что двор проходной. Курсистки же, вооружившись ножами и ножницами, быстро изрезали чемодан и остатки его бросили в печь.

Участовавший в сокрытии чемодана инженер-технолог Названов рассказал другую версию. Ванеев якобы с большим трудом потопил этот чемодан в Обводном канале, предварительно набив его камнями. «Может быть, и теперь лежит где-нибудь на дне Обводного канала этот исторический чемодан, занесенный, вероятно, илом», — высказал свое предположение Названов¹.

Познание в привозе Владимиром Ильичем из-за границы революционной литературы в чемодане с двойным дном потонуло, по мнению Анны Ильиничны, в других обвинениях, «относительно которых нашлись более веские улики». Такого же мнения придерживался и сам Владимир Ильич. Когда Надежда Константиновна в одной статье, подготовленной в 1917 году для «Солдатской правды», написала, что Ленин в 1895 году, возвращаясь из заграничной поездки, привез чемодан с нелегальной литературой и за это, а также за попытку издать в Петербурге нелегальную литературу был арестован, Владимир Ильич вычеркнул все, что было сказано о чемодане, и вместо этого вписал: «За социал-демократическую работу в Питере»².

А между тем, в руках следствия, как выяснилось потом, уже тогда были нити, с помощью которых можно было проследить судьбу, если не самого чемодана, то значительной части привезенной в нем литературы, к чему, собственно говоря, следствие и стремилось. Но эти нити ведут уже к другому делу, также найденному в архиве департамента полиции — делу Лахтинской типографии.

В перечне тайных типографий, обнаружен-

¹ «Пролетарская революция», 1931, № 2—3, стр. 100.

² Записки Института Ленина, вып. II, 1926, стр. 149.

ных полицией в последнее десятилетие прошлого века, приложенном к докладу министра юстиции Муравьева о деятельности революционных организаций, упоминается и Лахтинская¹. «В одной из дач, расположенных близ станции Лахта Приморской железной дороги, — говорится в примечании к перечню, — у проживающих в помещении типографии дворян Алексея Белевского и Екатерины Прейсс отобрано более десяти пудов шрифта, наборная касса, станки с валиками и свежотпечатанные листы, составляющие брошюру «Иван Гвоздь», изготовленную в 3500 экз... В течение одного только лета 1895 года типография отпечатала 4500 революционных сочинений, всего же около 16 000 изданий противуправительственного содержания...»

Полиция не ограничилась конфискацией имущества этой типографии и довольно большого количества отпечатанной в ней литературы, обнаруженной в разных местах, даже в квартире директора, помещавшейся вблизи больницы для умалишенных. В ночь на 24 июня 1896 года был произведен обыск и в доме № 4/23 по Крюкову каналу, где эта типография помещалась до переезда на Лахту. Там полиции досталась скудная добыча — единичные экземпляры уже распространенных прокламаций и брошюр и несколько заграничных брошюр, возможно, намеченных к переизданию; рукописные заметки личного характера, сделанные наборщиками типографии и содержавшие также некоторые сведения об их работе. Жандармы, очевидно, заинтересовались неосмотрительными записями одного из наборщиков, еще очень неопытного в конспиративных делах, молодого портного Михаила Тулупова. Вопреки предостережениям главного организатора группы Василия Приютова не вести никаких дневников, этот юноша заносил в тетрадь такие рассуждения: «Во-первых, надо узнать, для чего у нас царь со своими министрами, губернаторами, и со всей остальной дрянью...» Он легкомысленно записывал на клочках бумаги даже подробности конспиративных встреч: «Нужно сесть в вагон от паровоза последний, 3-го класса, щетка должна быть подвязана белым, а в руке сверток...»².

Но от внимания полиции ускользнуло изъятое вместе с бумагами Михаила Тулупова письмо его более осторожного брата — Григория³, наборщика той же типографии, в котором, между прочим, говорилось: «По обширной территории Петербурга, из конца в конец, ношу я с одушевлением по гостям и по знакомым и не вижу, как бегут дни. Дальше сообщалось, что автор письма побывал на именинах у некой А. Ш., что она приняла его «как следует» и «что же бы вы думали? С первого же раза подарила мне букет из разных цветов, какие на нашем бедном севере и не водятся...»

В этом сообщении, по-видимому, не возбудившем у следователя никаких подозрений, го-

¹ Революционное движение в России в докладах министра Муравьева. СПб, 1907, стр. 105.

² Там же, стр. 34—35.

³ Слесарь по своей основной специальности был между прочим изобретателем подпольного типографского станка, весьма оригинальной конструкции, одобренной Лениным. Небольшой по размерам, он был легок и удобен для переноски и обладал высокой производительностью.

ворится о содержании привезенного Лениным из-за границы желтого чемодана, хотя имя Владимира Ильича в письме ни разу не упомянуто.

А. Ш. — курсистка Анна Шулятникова — была членом недолго просуществовавшей подпольной группы молодых народозольцев, с которой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» поддерживал связь сначала через Ванеева, а потом, после его ареста, через других лиц. В типографии этой группы печаталась ленинская брошюра «О штрафах» и готовилась к набору другая его работа — «О стачках». Букет из разных цветов, не родящихся на нашем севере, — это пачка брошюр, привезенных Лениным из-за границы между стенками чемодана и переданных в типографию для переиздания. В письме дальше говорится, что передавая этот роскошный «букет» с заморскими цветами, А. Ш. сказала: «Они стоят 48 рублей».

опоставим это сообщение с показаниями арестованной по тому же делу активной деятельницы подпольной группы Екатерины Прейсс. По ее словам, группа приобрела транспорт заграничных нелегаль-

ных изданий, возместив их стоимость в сумме 100 рублей. Посредницей была Аполлинария Якубова, в то время близкая знакомая Надежды Константиновны. Именно через нее была передана в типографию рукопись ленинской брошюры «О стачках». Наборщику Григорию Тулупову, очевидно, было вручено около половины полученных Прейсс изданий. Если бы следователь догадался, о каких цветах упоминалось в письме Григория Тулупова, он, конечно, не преминул бы добавить еще один пункт к предъявленному Владимиру Ильичу обвинению. Часть «цветов» из того же букета досталась, по-видимому, одному из товарищей Ленина по самарскому марксистскому кружку, члену неразлучной «тройки», Исааку Христофоровичу Лалаянцу. Такой вывод можно сделать из воспоминаний его жены, познакомившейся с Лениным в те же годы и также приобщившейся к революционной борьбе, Пракскови Ивановны Кулябко.

«Помню, — рассказывала она, — что Лалаянц привез с собой в Пензу подарок от Владимира Ильича — штук десять новеньких брошюр заграничного издания (вероятно, из того знаменитого чемодана с двойным дном, в котором Владимир Ильич привез литературу...). Брошюры мы взяли с собой в Екатеринослав, где они нам очень пригодились...»

СЛЕДОПЫТАМ И ТУРИСТАМ

«Историко-революционные памятники и памятные места города Тюмени» — таким общим названием объединены пять книжечек-буклетов, выпущенных Тюменским отделением общества охраны памятников истории и культуры. Фотографии и короткие тексты к ним рассказывают об архитектурных и скульптурных памятниках старейшего сибирского города, о деятельности тюменских большевиков, о прославленных людях нашей Родины — дипломате Л. Б. Красине, полковнике В. К. Блюхере, разведчике Н. И. Кузнецове, партизанке М. Мельникайте и других.

Буклеты — хорошее пособие для следопытов и туристов, изучающих историю своего края.

Ю. РЯБОВ

ПРИЗ ЗАВОЕВАЛ «БОЯН»

Загадочная река Каяла! Именно на ней, у Дона Великого, стояли насмерть храбрые русичи. Но где она протекала, куда девалась? Помочь ученым и литературоведам решить эту задачу взялись следопыты общества «Боян» поселка Шолоховский Ростовской области. Около десяти лет ребята вели большую исследовательскую работу. Они собрали много интересных материалов и библиотечку редких изданий «Слова о полку Игореве», в том числе и зарубежных. «Бояне» создали интересный музей и установили на горе Караул возле города Белая Калитва первый и единственный в стране памятник героям древнерусского эпоса. Очерк юных следопытов «Как прыпок хмель веков!» опубликован в № 11 за 1970 год.

Много работ, поступивших на конкурс «Уральского следопыта», посвящено теме героизма советских людей в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Среди них — увлекательный поиск школьников из села Подберезцы Львовской области. Следопыты поставили перед собой задачу разыскать место, где, судя по страницам романа, был ранен герой книги Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин. Поиск ребят завершился успешно. О нем рассказано в девятом номере за 1970 год.

Горьковские следопыты прошли по местам боевой славы своих земляков, воевавших на Курской дуге, на Днепре, в Одессе, Николаеве, Севастополе, и рассказали об их подвигах (№ 5, 1970 г.). Поиск ребят Свердловской школы № 17 посвящен выпускнику школы Николаю Найденову, который в фашистском концентрационном лагере вместе с другими героями вел подпольную работу (№ 1, 1971 г.). Следопыты Ирбита рассказали о балтийском моряке, герое гражданской войны, зверски замученном белобандитами, — Прокопии Тимофеевиче Буланове (№ 10, 1970 г.).

Ребята из Марксовской школы Оренбургской области написали историю своего совхоза за пятьдесят лет. Они нашли любопытные документы и фотографии первых годов Советской власти (№ 12, 1970 г.). А туристы из Караганды рассказали о последней малоизвестной экспедиции русского путешественника Григория Потанина в Центральный Казахстан (№ 8, 1970 г.).

Итак, 28 апреля, в день рождения «Уральского следопыта», мы в четвертый раз присуждаем приз лучшему отряду — участнику конкурса. В этом году его завоевали члены общества «Боян» поселка Шолоховский Ростовской области.

Значками «Следопыт» награждаются следопыты поселка Марксовский Оренбургской области и Карагандинского городского клуба туристов.

Наш конкурс продолжается.

ЮНЫЙ КОММУНАР

 **НА ПРИЗ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА**

ТРОПОЮ ГЕРОЕВ. Отряд «Роза ветров» Барнаульской детской туристской станции вот уже пятые сутки шел по тайге. У озера тропинка повернула к редколесью. Перевалили береговую террасу и оказались в долине реки Пыжи. Командир отряда Галя Кайдашова вдруг остановилась. Редколесье кончилось, терраса оборвалась крутым спуском в огромную низину. По гриве стояли могучие лиственницы.

Все столпились на спуске. Впереди, сколько хватал глаз, — простиралась заболоченная пойма. Сама река несколькими рукавами растекалась между густым чахлым осинником, ивами, тальником. Справа, за левым берегом, поднималась тайга на крутом склоне хребта Алтын-ту. Слева терраса уходила все выше и выше. Время было к обеду, и солнце еле угадывалось.

— Да какие же здесь шли коммунары, как они могли гнать скот?! — спросил кто-то из ребят.

— Саша и Женя! Отправляйтесь вперед, разведайте путь. А ты, Аркаша, лезь на самое высокое дерево, осмотри окрестности. Остальным — отдыхать, готовить обед, — скомандовала Галя Кайдашева.

— Есть!

Получившие задание быстро разошлись. Но ни готовить обеда, ни отдыхать не пришлось.

— Эге-гей! Ребята, сюда!.. — послышался вскоре голос Саши.

Все побежали на голос и увидели такую картину. Саша сидел. Левая штанина у него была разорвана, колено в крови. А Женя ползал на корточках, разгребая небольшой холмик под громадной лиственницей.

— Идем мы, — рассказывал Саша, — смотрим по сторонам, и я споткнулся о корень. Наклонился, а это не корень, а железная трубка. Откуда, думаю, она в тайге? Выдернул, и вот... — Он подал сильно заржавленный ствол винтовки, обломанный по шейке. Ребята ахнули и тут же бросились к Женке на помощь. И вот неожиданно появился истлевший круглый кожаный мешок. В нем находились жестяные банки с порохом, спички, дробь, патроны, капсулы, головка пятилинейной лампы со стеклом, кинжал с наборной ручкой и плотная пачка денег — расчетных знаков РСФСР выпуска 1921 года. На самом низу лежала связка свечей, обернутых газетой.

— Вот это находка! — радовались ребята.

— А газета того же времени, когда организовали коммуны в монастыре. Наверняка и мешок принадлежал коммунарам, — рассудил Женя.

— Это было летом двадцатого, а в мешке, видишь, деньги двадцать первого года. Они могли попасть сюда и в двадцать втором, и в двадцать третьем, — возразил Саша.

— Ну и что? — не сдавался Женя. — Чоновский отряд освободил коммуны от белых в феврале двадцать второго года?

— Двадцать второго, — согласился Саша.

Ребята все бережно собрали. А когда вернулись из похода, в беседах со старожилыми начали сопоставлять факты.

В АПРЕЛЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО. — Так что же, товарищи, будем голосовать? — Председатель собрания Илюшин глянул на подавших заявление о приеме в партию. Они сидели кучкой на скамейке, придвинутой к мельничному ларю.

— Да чего там, Гриша, давай, зачитывай, — заторопилась жена председателя Татьяна.

— А ты, мать, за всех не решаи. Ишь какая прыткая, — ответил тот.

— А ты мне голос не зажимай, я теперь тоже партийная.

Мельница дрогнула от дружного хохота.

— Так его, Татьяна, крой!

Илюшин смутился.

— Ладно вам. Давай, товарищ Нагих, — махнул рукой Григорий Николаевич.

Сразу стало тихо. Инструктор-организатор укома РКП(б) встал, одернул гимнастерку, пропустил палец за узкий ремешок, потрогал коротко стриженные усы, кашлянул в ладонь и медленно начал писать:

— «Мы, члены коммуны «Свободный труд», заслушали доклад по текущему моменту нашей Советской власти и о всех ее трудностях, которые чинили нам капиталисты всех стран. Но, по окончании всех фронтов, кроме фронта разрухи, мы видим, что наша рабоче-крестьянская власть идет к улучшению нашей жизни гигантскими шагами, и мы вполне убеждены, что скоро мы увидим хорошую жизнь нашей республики. А поэтому мы приветствуем товарища Ленина и других вождей республики и просим о принятии нижеподписавшихся в партию, так как мы вполне и безусловно признаем программу и устав РКП, которые будем выполнять полностью и сознательно...» Все. Подпишитесь, товарищи.

— Так ведь, того, товарищ уполномоченный... Мы неграмотные. — Со скамейки неловко привстал Осип Андреевич Чуприянов. — Не успели мы, значит, бандиты не дают грамотой заняться.

— Ладно. — Илюшин взял карандаш. — Напишем так: «В том и подписываемся неграмотные: Пономарев Иван, Чуприянов, Шетинин, Хромов, Антипова, Пономарева, Илюшина, а по безграмотности их и их личной просьбе и за себя расписались Антипов, Рахвалов, Попов, Илюшин, Серебряный».

— И меня подпиши, — послышался голос.

Ниже Илюшин вывел: «Инструктор-организатор Нагих».

Подшел секретарь партячейки Петр Васильевич Серебряный, взял карандаш и внизу листка приписал: «С подлинным верно: секретарь Серебряный, председатель совета коммуны — Пономарев. 9 апреля 1921 года».

— Ставь, Иван Родионович, печать.

Пономарев протиснулся, развернул промасленную тряпицу, поклонявил карандаш, поводит по печатке и прижал к протоколу. На фиолетовом оттиске четко обозначилось: «Сельскохозяйственная и промысловая коммуна «Свободный труд».

Воцарилась тишина, а потом дружно грянуло:

Вставай, проклятем заклейменный.

Весь мир голодных и рабов...

Дверь открылась, и на пороге показалась мальчишечья фигура.

— Пашенька, иди сюда, сыночек, — Варвара Спиридоновна потянулась к сыну.

— Вы чего распелись, слышно далеко. Я прибежал, думал, что случилось.

— Ничего, Паша, — к нему подошел Нагих. — Пусть слышат, нас теперь много. Ты где дежуришь?

— На балыкчинской дороге, а на телецкой Минька Чуприянов.

— А там кто? — Нагих махнул в сторону хребта.

— Там Чагадайка, не подведет.

— Хорошо. Иди-ка позови его.

Павлик выскочил за дверь. Когда он вернулся, на мельнице остались одни руководители Челушманской коммуны.

— Знаю, тяжело тебе будет, но больше некому, — говорил Нагих Ваньше Семенову. — Приведешь красноармейцев — устоим, а то гады не дадут посеять. До перевала тебя проводит Чагадайка, а там по Пыже ты быстро скатишься. Осенью мы, глядишь, и свадьбу тебе сыграем.

Павлик впился глазами в Семенова. Ваньша недавно вернулся из армии и вступил в коммуну.

«Вот бы меня послали, — размышлял Паша, — я бы вмиг доскочил. Никогда не прощу белым смерти отца. Ведь это он организовал нашу коммуну. Хотел, чтобы люди жили по-новому».

— Сколько тебе лет, Павел Тимофеевич, — спросил Нагих, обращаясь к Павлику.

— Пятнадцать исполнилось.

Старый партиец усадил Павлика рядом.

— Вот что, брат, надо создавать в коммуне комсомольскую ячейку. Как ты думаешь?

— Вы еще осенью говорили об этом, — ответил паренек. — А ячейки все нет.

— Верно. Вот отсеемся и соберем молодежь. Готовься.

— Я что... Я давно готов, — улыбнулся Павлик.

ЗА НАМИ ВСЯ КОММУНИЯ. Зима выдалась лютая. Бывшие монастырские строения утонули в снегу, стояли почти пустые. Церкви так ни разу и не открылась за эти два года. Просили девчата организовать в ней клуб, но все было некогда. Минька Чуприянов, коммунарский конюх, осенью вступил в партячейку, отошел от молодежных дел. Он теперь расставлял дозоры, следил за нарядами. Павел помогал ему во всем. Жить было тревожно, опасно. Бандитские шайки

есаула Кайгородова прорвались в долину. В одиночку и без оружия ходить было нельзя. Многодетные семьи покинули коммуну. Но она продолжала жить. Председателем ее стал Петр Иванович Попов, а заместителем Илюшин, он же секретарь партячейки.

19 декабря Петр Иванович приказал отозвать ближних часовых. Минька с Павликом мигом обежали посты. Все собрались в коммунарском общежитии. Это был одноэтажный четырехквартирный дом, крепко сколоченный, с большими светлыми окнами. Все коммунары помещались теперь в нем — так их стало мало.

Павлик и Минька остались на карауле.

— Я собрал вас, видимо, в последний раз, — сказал Петр Иванович. — Вчера мы напоролись на крупный отряд беляков. Их было не меньше роты. Нас, горсточка, оружия мало, бомб и вовсе нет.

Коммунары молчали.

— Я так думаю, товарищи, негоже коммунарам сдаваться, — поднялся Илюшин. — Мы мировую коммуну утверждаем, так неужели испугаемся недобитых колчаковцев? Отряд Семена Попова в Кебезени накапливает силы, там много наших. Надо сделать так...

Он не договорил. В дом вбежали запыхавшиеся Павлик и Михаил Чуприянов.

— Белые! — в один голос прокричали они.

Первым опомнился Илюшин. Он выхватил из-за пазухи револьвер, выскочил на улицу и оказался лицом к лицу с бандитами. Илюшин успел сделать несколько выстрелов и упал на руки подоспевших товарищей.

— Где комиссар? — рычал главарь.

— Ваше благородие, вот он, — балыкчинский кулак указал на тело Илюшина.

— Убит? Туда ему и дорога. Остальных арестовать, выпороть.

Солдаты прикладами вытолкнули из коммунарского дома женщин и детей, заколотили ставни, поставили караул.

Павлик с девочкой Лушей носили еду арестованным коммунарам, брошенным в подвал.

Однажды Петр Иванович позвонил Павлика, зашептал:

— Вот что. Ты обязательно проберись в Чибит, к пограничникам. Передай, чтобы пришли на выручку. Приведешь красных — спасешь коммуни. — И сообщил, где спрятан его маузер.

Через два дня Варвара Спиридоновна провела сына.

За первую ночь Павлик проскочил посты за речкой Кайрой, миновал урочище Кудэргэ, во вторую прошел аил Ак-Курум. Здесь тоже был разъезд белых. На третью ночь он достиг перевала Кату-Ярык.

Все дальше на юг уходил связной, все короче становился путь до цели. Но враг уже вполосился. Началась погоня.

...Павлик приотился под сваленной вековой лиственницей и уснул как убитый. Неожиданно до слуха донеслось:

— Сюда, вашскородь, следы здесья.

Павлик увидел бандитов. Одни спешили, рассматривая следы, другие на конях остановились подальше. Первым выстрелом он свалил балыкчинского кулака-проводника.

Офицер выхватил и бросил гранату. От

взрыва лиственница осела и придавила Павлика. Он потерял сознание.

Солдат таскал воду из ручья и лил подростку на голову. Павлик очнулся.

— Ну, змееныш, говори, куда шел? — офицер наотмашь ударил его по лицу.

— Ничего я не скажу! — твердо ответил паренек. — Коммуну вам не погубить, придут наши...

Бандиты накинули на шею Павлика аркан, прицепили к седлу и пустили лошадей вскачь.

На правом берегу Челушмана стоит памятник. На мраморной плите высечено:

Попов П. П.	— 1889
Илюшин Г. Н.	— 1884
Тырышкин Г. Н.	— 1878
Щетинин И. С.	— 1882
Жеребятев В. А.	— 1888
Чуприянов О. А.	— 1871
Чуприянов М. О.	— 1899
Хромов Н. П.	— 1865
Рахвалов П. С.	— 1865
Волков П. Т.	— 1906
Волкова В. С.	— 1867

Одиннадцать героев-коммунаров, погибших в 1921 году. И среди них — пятнадцатилетний Павлик Волков.

А. СЕРГЕЕВ

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Какие изменения происходят в птичьей населении Урала в результате хозяйственной деятельности человека, в чем причины колебания численности некоторых видов птиц в различные годы — вот вопросы, на которые должна была ответить экспедиция юных орнитологов Свердловского Дворца пионеров, работавшая минувшим летом на границе Свердловской и Челябинской областей.

Здесь, в районе озер Окункуль, Синара, Карагуз, 50 лет назад изучал птиц профессор И. Б. Волчанецкий. Сравнивая результаты своих наблюдений с данными ученого, ребята установили, что пернатые привлекают определенные преимуще-

ства из хозяйственной деятельности человека.

Правда, некоторых птиц, особенно водоплавающих, стало меньше. Это, в частности, заметно на таких озерах, как Синара и Окункуль, которые наиболее «населены» летом отдыхающими. Но и сейчас в камышах озера Карагуз гнездятся еще немало хохлатой чернети и кряквы. Сбитающие здесь утки поражают своей доверчивостью, и часто можно видеть их табунки, кормящиеся у берега вблизи домов деревни Знаменка. На озере Ямском ежегодно выводит потомство пара лебедей-кликунов, а в обширных болотах по соседству селятся журавли.

За последние годы возросла

численность некоторых видов птиц. Особенно много стало городских ласточек и стрижей, а 50 лет назад их здесь почти не было. Птицы облюбовали для гнездования многоэтажные дома и другие строения.

Бурное развитие садоводства, замена на значительных площадях хвойных пород лиственными явились причиной появления в этих местах птиц, о которых И. Б. Волчанецкий даже не упоминает в своей сводке: зеленой пересмешки, дрозда-белобровика, дубоноса, зеленушки.

Значительно далее к северу распространились грачи. Большинство исследователей XIX и начала XX веков считали, что они не гнездятся севернее

А. Лысяков (г. Свердловск)

ТАК НАЧИНАЮТСЯ ДОРОГИ

Свердловска. Сейчас гнездвая колония этих птиц известна в Невьянске, а одиночных птиц видели даже под Ивделем.

Наблюдения юных исследователей Дворца пионеров лишней раз подтвердили, что своей деятельностью человек способствует широкому распространению некоторых лесных обитателей.

Школа № 10 города Тюмени носит имя 368-й стрелковой дивизии. Это имя школе присвоено благодаря большой работе следопытов. Они разыскали пятьдесят ветеранов дивизии. Бывшие воины передали следопытам много документов, фотографий, газетных вырезок военных лет. Они дали ребятам адреса од-

нополчан, живущих в разных городах Советского Союза.

Следопыты открыли комнату боевой славы 368-й стрелковой дивизии, а во дворе установили обелиск в память о погибших воинах.

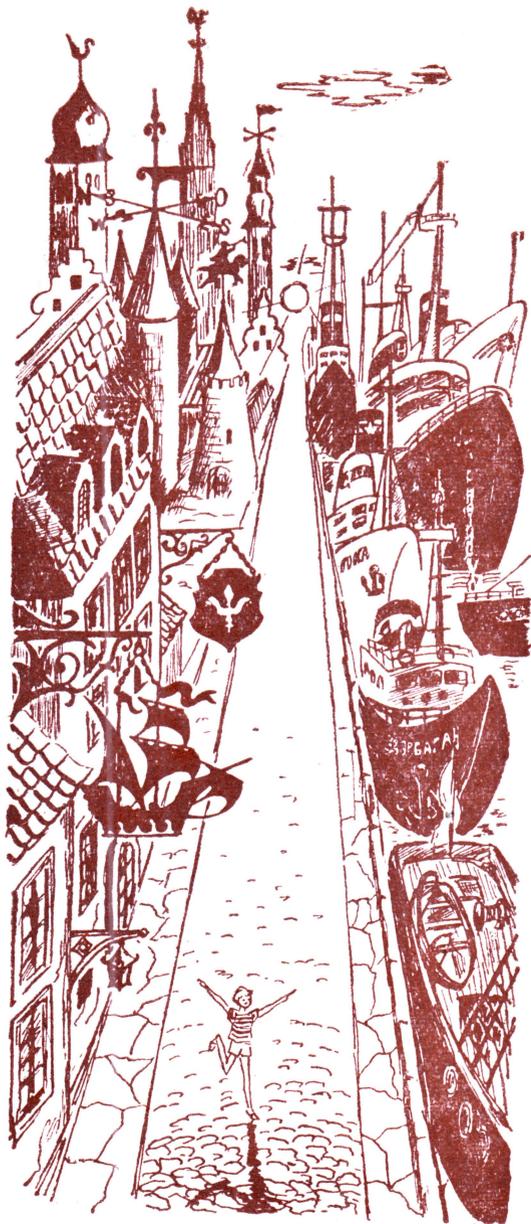
Совершили ребята и поход по местам боев дивизии в Карелии.

Следопыты Больше-Могильской школы Любинского района Омской области собирают материалы о литературной жизни Сибири, о писателях, чья жизнь была связана с городом Омском. В Омске отбывали ссылку декабристы и великий русский писатель Ф. М. Достоевский. Здесь жил советский поэт Павел Васильев, здесь провел

свои детские годы русский поэт П. П. Ерисов. Через Омскую область пролегал путь А. П. Чехова, совершавшего путешествие на остров Сахалин.

Материалы, собранные ребятами, заняли солидное место в экспозиции школьного музея. Здесь же находится сборник пятисот пословиц, поговорок и народных песен, которые были записаны следопытами во время походов по селам и деревням области.

В июне 1971 года юные краеведы школ Российской Федерации, совершившие самые интересные походы в мир литературы и искусства, соберутся в Пскове, чтобы здесь, на земле, богатой историческими и литературными памятниками, поделиться со своими сверстниками опытом работы.

Баркентина, или шхуна-барк,— большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, все остальные мачты — сухие, т. е. несут лишь косые паруса.

Краткий морской словарь для юношества

— А все же этот парень держит судно в руках,— сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. Красный корсар.

Дамба

Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны Картой. Считали, что она помогает Мальчику лучше изучать Природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привез с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем непохожим на прежний. Этот город был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, у тяжелых ворот поскрипывали на ветру железные фонари.

А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбацкие — с растянутыми для просушки сетями, грузовые —

БАРКЕНТИНА СИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

с черными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские — совсем белые. Плескались флаги и бегали неумолимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и все-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами были перекрещенные стрелы — они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их накопниках чернели жестяные буквы N, S, O, W. Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят: «Дует ветер с северо-запада». Они говорят: «Дует норд-вест».

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду. Мальчик не обижался. В ветре было Дыхание Атлантики.

— Папа,— сказал Мальчик за ужином,— дай мне рубль и пятьдесят копеек... пожалуйста. Я куплю словарь.

— Что за сумасшедшие цены! — сказала мама.— Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

— Это не учебник,— сказал Мальчик и стал качать ногой под столом.— Это так... Морской словарь.

— Не болтай ногами,— велела мама.— Что еще за новости — «морской словарь»? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет «Английского языка» для пятого класса.

Днем у нее на работе были Неприятности, а сейчас Плохое Настроение.

— Зачем же тебе морской словарь? — спросил отец.

— Так просто... — неловко ответил Мальчик, но тут же подумал, что лучше отвечать прямо.— Я буду Моряком Дальнего Плавания.

— Не царапай вилкой скатерть,— сказала мама.— Моряком Дальнего Плавания! Этого еще не хватало.

— Ну, хорошо, хорошо,— торопливо

сказал отец.— Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать Моряками Дальнего Плавания и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его Мальчик по темному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где какой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холла. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и отчистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в звене якорной цепи? Между прочим, называется она «контрфорс».

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А в городе больше всех мест ему нравилась Старая гавань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега добежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отстаивались перед ремонтом рыбацкие сейнеры, которые вернулись из бурной Атлантики. Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками.

В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарик, рассыпанные по темной воде, а стебли уходили в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от широкой реки. Она была похожа на длинную букву Г. Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили ее в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи — плотно друг к другу, в два ряда, потом навалили между этими рядами бу-

лыжники и насыпали щебень — вровень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка ее поднималась над водой. Это была защита от волн. Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но трагитали на это много сил и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на торцах как в цветочных горшках, выростали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и теплым. Здешний край, прославленный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбил.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и теплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое

загар. На незаметных волосинках рассаживались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно вырастает в речной мир и превращается в подводного принца или русалкиного сына. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и верткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб Мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего соседа — ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.) Мальчик, между прочим, был прав: окунь Пантелей Осьминогович, действительно, был склочник и сплетник. Он собирал все неприятные новости и разносил их среди рыбьей общественности.

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чаек. Среди них были знакомые. Иногда на брющем полете они проносились над Мальчиком — наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А еще они провожали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли-сухогрузы, плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с веселыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шепотом говорил им «до свиданья». И, хотите верить, хотите нет, многие корабли откликлись ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придет. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную переключку рыбацких экипажей и сирены катеров.

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатыва-

лось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда. В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши...

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей тополями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлым. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

— Где ты пропадал целый день? Ты меня сведешь в могилу!

— На реке,— отвечал Мальчик.

— С ума можно сойти! А если ты утонешь?!

— Зачем? — удивлялся Мальчик.

— Что за глупый вопрос! Люди тонут ни за чем.

— Я не утону,— успокаивал Мальчик.— Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

— Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в этот ужасный футбол, обдирал колени, лазил по деревьям и получал синяки... Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живешь без товарищей.

Тогда папа брал ее за плечи и негромко уговаривал:

— Ну перестань. Придет время — будут товарищи. Их же не выписывают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живет, как хочет.

— Но у него совершенно нет друзей! — сокрушалась мама.

Однако она ошибалась.

Удивительный Чип

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлепнулось ему на колено. Конечно,

Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга.

Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зеленый лягушонок. Сидел и улыбался большим веселым ртом.

— Ха-ха! — отчетливо сказал лягушонок.— Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя в общем-то совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумленно заморгал и даже шепотом сказал: «Вот так штука», но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незваный гость вправду не подумал, что Мальчик боится.

— Чего это я буду перепугиваться,— возразил Мальчик и пожал плечами.— Ты же не тигр, и не змея, и не... ихтиозавр какой-нибудь.

— Конечно! — весело согласился лягушонок.— Не тигр.— И добавил с чуть заметной грустинкой: — Я просто маленькая лягушка... Между прочим, меня зовут Чип.

Он оказался размером с наперсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зеленой, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки блестели, словно черные стеклянные дробинки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке арифметики.

— Откуда ты взялся? — спросил Мальчик.— Шлепнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку.

— Вон от-туда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву «р». И не было в его речи лягушечьего кваканья. Лишь в слове «квартира» Чип едва заметно приквакнул, но это ведь протительно.

— Я тебе не мешаю? — вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика.— Я немножко мок-кр-рый.

— Сиди, сиди,— торопливо сказал Мальчик.— Я же не сахарный... А как ты научился говорить?

— П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел, как игр-ра-ют мальчики. И слу-

шал. Я часто на них смотрел, когда мне было грустно...

— А почему тебе было грустно? — осторожно спросил Мальчик.

— Ну... Это бывает. Я тебе потом расскажу... Если мы по-дружимся, — сказал Чип. И добавил совсем тихо: — Если ты хочешь.

— Конечно, хочу! — сказал Мальчик.

И они, правда, подружились.

Им было хорошо вдвоем.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впереди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал, как зеленая пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Чип усаживался на колени у Мальчика и вежливо говорил:

— Можно, я задам вопрос?

Он задавал разные «вопросы». И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человеческую жизнь, про хоккей, про марки, про кино «Неуловимые мстители» и сложную науку арифметику.

Один раз он спросил:

— Ты очень удивился, что я говорящий?

— Да нет, не очень, — сказал Мальчик. — Бывают ведь говорящие птицы. Скворцы, галки, попугаи. Почему же лягушонок не может. Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а все равно дурак. А ты прямо как человек.

— Правда? — обрадовался Чип.

— Конечно... Наверно, в воде звери умней, чем на суше, получают. Я читал про дельфинов, которые даже с учеными разговаривают.

Чип осторожно спросил:

— А про говорящих лягушек ты не читал?

— Ну, про лягушек только так... Про царевну-лягушку, про всяких принцев, которые сперва лягушатами были... Про лягушку-путешественницу.

Чип вздохнул, надув брюшко:

— Это мы проходили... Принцы и царевны. Они потом превращались в человека. Это хорошо, но это сказки.

— Проходили? — удивился Мальчик. — У вас есть школа?

— А как же. Надо же учиться, как себя вести. Чтобы тебя не слопала щука или не унесла чайка. А еще есть класс хорового пения, только я туда совсем не хожу...

Он помолчал и вдруг добавил:

— А лягушка-путешественница — дурра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

— Зачем она разорвалась, когда утки несли ее по воздуху? — сердито спросил Чип. — Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не крикнул, хоть и говорящий.

Чип еще помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

— Ведь она могла попасть в Южные моря...

Мальчик почувствовал, как часто бьется крошечное сердечко лягушонка.

— А тебе хочется в Южные моря? — не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул:

— Там Африка, — шепотом проговорил он. — Там приключения. Коралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят

зимой, а я не люблю. Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-риспосабливаюсь.

— У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушечья кровь, — задумчиво сказал Мальчик.

Считалка

Они сидели допоздна. Яркая Звезда — та самая, что загоралась раньше других, — уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту Звезду и знал ее певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была теплая и ясная, как маленькое солнышко.

Оказалось, что Чип тоже любит ее.

— Когда я смотрю на эту Звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, — сказал однажды Чип. — Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу Южные моря, если очень захочу... А потом, когда Звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, — закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

— Но ты совсем не смешной! — возразил Мальчик. — Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно... А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своем болоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

— А чего же ему хотеть? — удивился Чип. — Он и так живет в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

— Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него все равно, что для нас эти тополя на берегу.

— А ему... не хочется увидеть эти тополя? — недоверчиво спросил Чип. — Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.

— Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и все.

— Такой большой и такой дурак, — сказал Чип с грустным недоумением.

— А ты думал, среди больших не бывает дураков?

Чип не ответил. Он опять неподвижно смотрел на Звезду, и она отражалась в его глазах золотыми точками.

Эта Звезда была громадным огнедышащим шаром, чужим неизученным солнцем, которое висело в далекой от нашего

Солнца черной пустоте. Может быть, вокруг этого ослепительного шара летали свои голубые и зеленые шарики-планеты. И, может быть, на них жили и мечтали о дальних морях свои Мальчики и лягушата. И жили бегемоты. Но это ничего не значило. Здесь, на Земле, дальняя Звезда была нужна двум друзьям и потому принадлежала им.

— Когда я сделаюсь капитаном, — сказал Мальчик, — я попрошу, чтобы мой корабль назвали так же, как эту Звезду.

Чип снова сидел неподвижно. Только смотрел уже не на Звезду, а просто так.

— Что же ты молчишь? — с легкой тревогой спросил Мальчик. — Я с тобой говорю, а ты не отвечаешь. Будто ты и не говорящий.

— Потому что мне грустно, — сказал Чип. — Ты станешь капитаном, и тебе хорошо. А я превращусь в обыкновенную большую лягушку.

— И ничего подобного! — решительно возразил Мальчик и так бултыхнул в воде ногами, что старый полосатый сплетник Пантелей Осьминогович, который подслушивал разговор, тут же скончался от разрыва плавательного пузыря и всплыл кверху брюхом. Его немедленно унесла чайка.

— Ничего подобного! — повторил Мальчик. — Говорящий лягушонок не может превратиться в обыкновенную лягушку. Так не бывает! И, кроме того, я тебя не брошу. Как только я стану капитаном, я возьму тебя в плавание.

Чип подскочил, как зеленая пробка, и шлепнулся животом.

— Как? — спросил он, и от удивления у него получилось: «Квак»?

— А вот так. Слушай...

Мальчик придумал это лишь сейчас, но говорил, словно все решил давно:

— Ты будешь жить в моей каюте. В таком стеклянном ящике. Там будет разная трава и вода и маленькие кочки. Это называется террариум. А когда мы приплывем в Южные страны, я тебя отнесу на берег. И ты увидишь там все, что хочешь. Там такие громадные цветы, что в каждом ты можешь устроить целый дом. И можешь путешествовать по джунглям и зарослям, и будут у тебя такие приключения, которые здесь никому и не снились. Только смотри, чтобы тебя не слопала какая-нибудь африканская цапля... А то я приплыву, а тебя нет...

— А ты приплывешь? — обрадовался Чип.

— Конечно. Ты ведь, наверно, соскучишься когда-нибудь.

— Наверно... — сказал говорящий лягушонок Чип.

Мальчик понимал, что давно пора домой.

— Пойду, — сказал он наконец. — Наверно, будет нахлобучка.

— Выдер-рут? — с беспокойством спросил Чип.

— Ну, что ты! Просто будут говорить всякие скучные слова.

Лягушонок посмотрел на небо.

— Вон светлая тучка. Вон Звезда. Ты скажи волшебную считалку, и все будет пр-ре-красно.

— Какую считалку? — удивился Мальчик.

Тогда удивился и Чип:

— Ты не знаешь? Я думал, все мальчики знают эти волшебные слова. Я их подслушал на земле, когда ребята играли в пр-рятки. Вот какие:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя п-р-рошу:
Разгони мою беду,
Позови мою Звезду.
Пусть она, как светлый лазер,
Луч пошлет на землю сразу.
Пусть дрожат мои враги.
Кто не верит мне — беги!

Чип, видимо, гордился, что выучил эти стихи.

— Никогда не слышал, — сказал Мальчик. — Ну, все равно. Это же обыкновенная считалка. Что в ней волшебного?

— Нет, не все р-равно, — возразил Чип. — Один р-раз был случай. Маленький мальчик хотел спрятаться и не успел. Его уже почти нашли, а он взял и сказал эту считалку. И стал пр-росто совсем невидимка.

— Показалось тебе, — сказал Мальчик. — Не может этого быть.

— А говорящие лягушонки могут быть? — обидчиво спросил Чип. От досады он даже стал ошибаться в словах. — Ты думал, что не могут, а я есть.

— Ладно, — сказал Мальчик. — Я попробую. Только... там говорится: «Пусть дрожат мои враги»... Мне ведь от мамы попадет, а разве она враг? Она ведь за меня же беспокоится.

18 — Мама, конечно, хор-рошая, — объяснил Чип. — А враги — это непр-приятно-

сти, которые тебя ждут. Пр-ротив них и нужны волшебные слова.

— Я попробую, — повторил Мальчик.

И попробовал. Пока бежал к дому, прошептал считалку. И знаете, что потом было?

— Ну, наконец-то, — сказала мама. — Я уже начала волноваться. Беги, умойся, а я разогрею ужин.

Вот и все. Согласитесь, что это чудо не меньше, чем говорящий лягушонок.

Баркентина

— Слушай, какая новость! — возбужденно встретил Мальчика Чип. — Корабль с таким именем, как у нашей Звезды, уже есть! Скоро его приведут сюда. Я узнал от чаек. Они кр-ричали об этом.

Было яркое утро, и солнце сверкало на мокрой спинке Чипа. Он весь светился, как зеленая лампочка. Только лампочки не прыгают как сумасшедшие и уж, конечно, не разговаривают. А Чип никак не мог успокоиться.

— Ну что ты скачешь, — сказал Мальчик. — Уймись.

— Это потому, что я пер-реживаю, — ответил Чип. — А что, если чайки ошиблись? Вдруг он не пр-ридет, этот корабль?

— Ну не придет — и не надо, — сказал Мальчик, чтобы успокоить Чипа. А на самом деле тоже слегка заволновался. Хотелось посмотреть на судно с таким хорошим названием.

А Чип возмущился:

— Как это «не надо»?! Ведь он же не пр-ростой! Он пар-русный!

И у Мальчика застучало сердце.

Ведь никогда-никогда он не видел настоящих белокрылых парусников. Много успел он здесь увидеть и многое полюбил, но, как и раньше, при слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с белыми грудками четырехугольных парусов или шхуна, косо летящая над волнами¹.

И в тетрадке своей рисовал он не лайнеры, а бриги и фрегаты. А перед сном шептал в постели названия парусов.

¹ Строго говоря, кораблем принято называть лишь фрегат. У него не меньше трех мачт, и на всех — прямые паруса. А остальные парусники: бриги, шхуны, бригантини, барки и баркентины — называют просто судами. Но не будем слишком придирчивы к Мальчику.

Лишь бы не ошиблись чайки!

Но чайки кричали правду.

Еще до полудня вдали над береговыми крышами показались верхушки мачт, а потом из-за поворота вышел парусник.

Правда, он был без парусов. Его тянул незаметный буксирчик. Но в корпусе и мачтах, в гибкой линии форштевня и бушприта была такая стройность, такая легкость, что сразу все видели: судно это рождено для ветра.

Первая мачта была перечеркнута тонкими реями — перекладами для прямых парусов. От второй и третьей протянулись над палубой длинные гики. Здесь ставились косые, как у шхуны, паруса.

— Шхуна-барк, — шепотом сказал Мальчик. — Трехмачтовая баркентина. Я такие только в кино видел.

— Какая красавица, — сказал Чип.

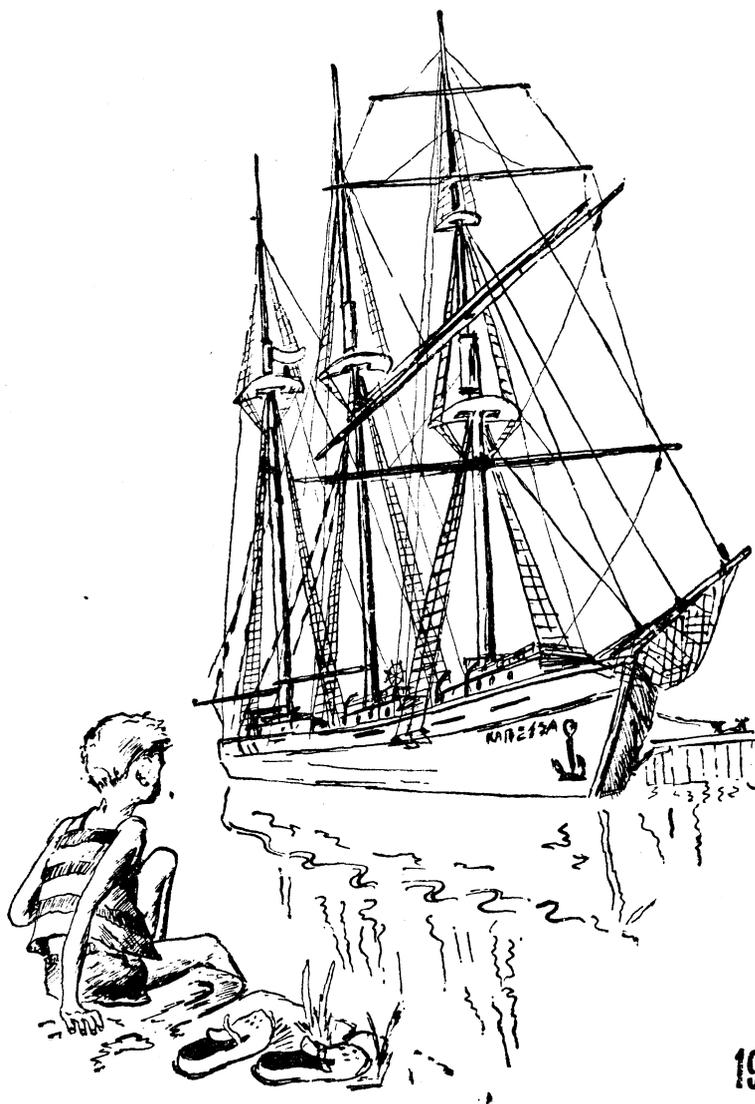
Буксирчик суетился и старательно натягивал длинный трос. Слишком неуклюжим и маленьким было это суднышко по сравнению с парусником. И поэтому казалось, что баркентина движется сама по себе. А под ней, чуть вздрагивая, плыло отражение: белый корпус с черными буквами названия, зыбкие желтые мачты и стеньги, опрокинутые в глубину. После неспокойного моря, где лишь пена да отблески на волнах, баркентина не спеша любовалась на себя в гладкой воде. Так, по крайней мере, думал Мальчик.

У штурвала стоял моряк в полосатой фуфайке. Широкоплечий и сутулый. Больше никого на палубе не было.

Буксир завел баркентину в гавань, к береговому причалу напротив дамбы. И сразу все изменилось вокруг. Парусник стал главным. Мачты в тонкой паутине такелажки вознеслись над острыми крышами, над тополями, над старой церковью, поднимавшейся в глубине квартала. Берег притих от удивления. Чайки перестали шуметь и совершали над баркентиной неторопливый торжественный облет.

Вы, конечно, догадались, что больше всего сейчас хотелось Мальчику: оказаться там, на палубе. Так хотелось, что он даже забыл про Чипа.

Но что он мог сделать? Пойти к трапу

и попроситься в гости? Никогда он не решился бы на это: не тот характер. Ждать случая? Или чуда?

Стоял яркий день, и не было, конечно, в высоте ни тучки, ни звезды. Но сам, того не заметив, Мальчик начал шептать:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу...

На палубе показался человек. Тот, который стоял недавно у штурвала. Он перебросил через фальшборт ведро на веревке, стараясь зачерпнуть воду.

...Позови мою Звезду... —

шепотом сказал Мальчик.

Веревка выскользнула из рук моряка. Мальчик пружинисто встал. Моряк, перегнувшись через планшир, видимо, поминал морских чертей и ведьм. Потом он исчез и тут же вернулся с багром. Но ведро успело отплыть от борта, а багор был короткий, и моряк не мог дотянуться.

— Подождите! Я сейчас достану! — крикнул Мальчик. И раскинул руки, чтобы ласточкой прыгнуть в воду.

— А я? — завопил забытый Чип. — Это пр-ре-д-дательство!

— Что ты, я же только примеряюсь, как прыгнуть, — торопливо сказал Мальчик. Ему стало очень неловко. — Лезь ко мне в карман, поплывем вместе.

Он оттянул нагрудный кармашек на рубашке и посадил Чипа.

— Не задохнешься?

— Как-нибудь пр-родержусь, — ответил Чип все еще слегка сердито.

Мальчик скользнул в воду. До баркентины было метров восемьдесят. Он плыл среди кувшинок и все боялся, что моряк не станет ждать, а найдет багор подлиннее. Но тот ждал.

Белый борт парусника вырос, навис над мальчиком. Белый почти весь, только внизу, ниже ватерлинии, — зеленый. «Может быть, здесь, у днища, торчат где-нибудь ракушки, приросшие в Южных морях», — мельком подумал Мальчик. Но ракушек не было. Были только рыжие проплешины да колечки ржавчины вокруг заклепок.

Мальчик подплыл к ведру, ухватился за него, как за поплавок, и глянул вверх. На фоне яркого неба он увидел голову и широкие плечи моряка. Серебристо просвечивали волосы, а лица было не разглядеть. Голосом глуховатым, но сильным моряк спросил:

— Что сначала вытаскивать? Ведро или тебя?

— Ведро! — крикнул Мальчик. — Я плаваю! Давайте багор!

Он подгрел поближе и зацепил дужку за крюк. Ведро взмыло вверх. А через две секунды рядом с Мальчиком упал конец веревочного трапа: два каната и просмоленные рейки-перекладинки.

— Ну, подымайся, пловец.

И Мальчик стал подниматься.

Много раз он читал, как лихие матросы взлетают на борт по таким трапам. А оказалось, что это очень даже не просто. Трап гулял по воздуху, изгибался, и два раза Мальчик так стукнулся колленками о борт, что глаза застлала влажная пелена. Но все-таки он не остановился ни на секунду. Вскрабкался до верха, перевалился через планшир и встал мокрыми босыми ногами на палубу. Доски были очень сухими и теплыми от солнца.

Так впервые в жизни Мальчик поднялся на баркентину — прямо из воды, по штормовому трапу.

От смущения, вместо того, чтобы поздороваться, он неловко сказал:

— Ну, вот... все в порядке.

С одежды струйками бежала вода и темными ручейками растекалась по чистой, почти белой палубе. Мальчик переступил и с опаской посмотрел на свои мокрые следы. Потом виновато поднял глаза на моряка. Капли на ресницах играли солнечными брызгами и мешали смотреть. Мальчик поморгал, чтобы стряхнуть их, и взглянул снова.

Он стоял перед стариком. Старик был большой, с седыми кудрями и густой серебристой щетиной на лице. Лицо было широкое и морщинистое, а глаза светлые, как голубая вода.

Старик улыбнулся, и Мальчик понял, что бояться не надо.

— По-моему, ты немного мокрый, — сказал старик. — Что же ты не разделся, и в воду?

— Боялся, что без меня ведро поймаете, — признался Мальчик.

— Да, ведро... За ведро спасибо. Ну, разденься и обсушись.

Мальчик хотел сказать, что пустяки, что он обсохнет и так. Но тут же сообразил: пока одежда будет сушиться на солнышке, он может с полным правом быть здесь, на судне.

Он расстелил мокрую рубашку и шорты на широком планшире фальшборта, а Чипа посадил на голое плечо.

— Не свались смотри, — сказал он, а старику объяснил: — Это у меня товарищ. Он маленький, но зато говорящий.

Чип застеснялся, но все-таки подтвердил:

— Пр-равда.

— Чудеса, — сказал старик. Но сказал таким спокойным голосом, что сразу стало ясно: за свою длинную жизнь он видел чудеса похлеще.

Мальчик встал у борта и наконец широко оглянулся.

В первый миг палуба показалась ему широкой, как стадион, а мачты — бесконечными. Над палубой, в путанице трапов, поручней, канатов и блоков поднимались белые надстройки. Синим стеклом и медью сверкали иллюминаторы. Но в этом блеске, в этом захватывающем душу переплетении такелажа и рангоута Мальчик сразу увидел главное: коричневый отполированный штурвал и узкую колонку нактоуза.

— Можно, я пойду... посмотрю? — шепотом спросил он.

— Иди. Смотри, — сказал старик. — Смотри и трогай. Можно.

Мальчик медленно подошел к штурвалу.

Солнце грело плечи и голову. С берега шел ровный теплый ветер. Чип затих на плече.

Мальчик взял в ладони рукояти штурвала.

«Бом-кливер и кливер поднять! Поставить оба марсея! Шпиль пошел! Руль — два шлага под ветер!»

Он крутил штурвал, и тот повернулся с неожиданной легкостью. Над палубой с криком пронеслись чайки. Словно приветствовали нового капитана.

Мальчик тихо отпустил штурвал. И подошел к мачте. Дерево было желтым и блестящим, как у скрипки. Оно было теплым.

Мальчик прижался к мачте плечом и щекой. Он услышал тихий и ровный гул. То ли ветер гудел в стеньгах и вантах, то ли в трюмах баркентины проснулось эхо прежних штормов...

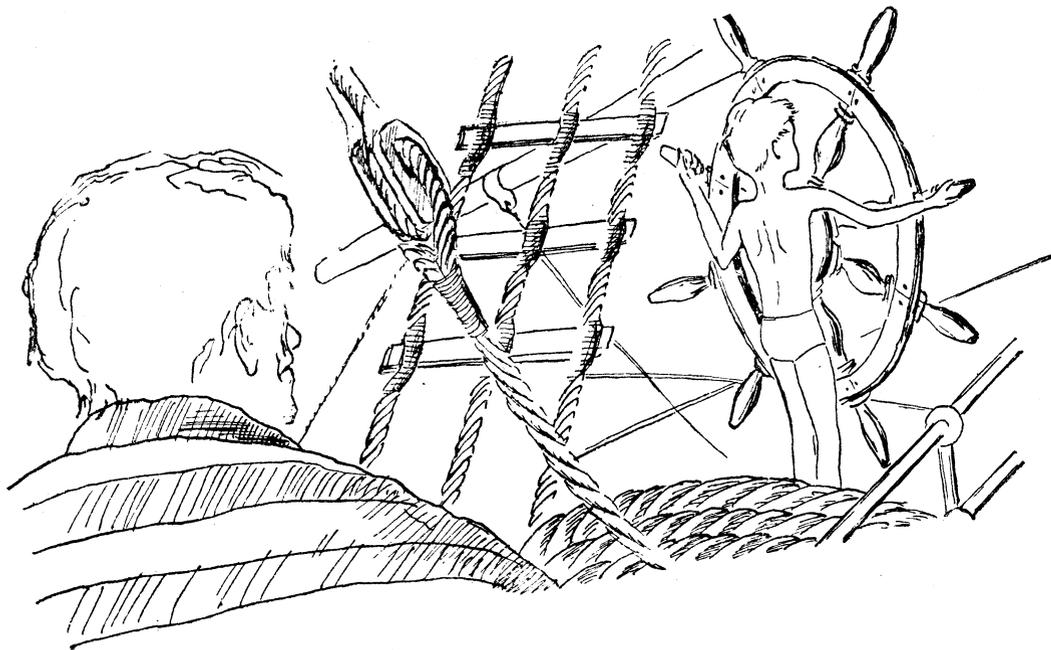
Старик теплыми глазами смотрел на Мальчика. И наконец сказал:

— Когда я был такой же, я тоже первый раз пришел на парусник. И тоже слушал...

Мальчик оторвался от мачты и взглянул на моряка: неужели седой могучий старик был когда-то мальчишкой?

Старик, видимо, понял.

— О-о, это было давно, — сказал он с коротким смехом. — Тебе надо прожить шесть раз столько, сколько ты жил, чтобы прошло таксе время. — Он подумал и тихо добавил: — Но это было...

Мальчику показалось, что старик слегка загрустил. Из-за него. И, чтобы изменить разговор, он деловито спросил:

— А что, весь экипаж сошел на берег? Никого, кроме вас, не видно.

Старик усмехнулся:

— Капитан сошел на берег. А экипаж — вот он. — И хлопнул себя по груди. — Мы сейчас к ремонту готовимся, поэтому большой экипаж ни к чему.

Старика звали Альфред Мартинович. Он был родом из латышской рыбацкой деревни и всю жизнь провел в море. Полным именем его редко называли: во все времена и на всех кораблях к нему обращались коротко и уважительно: «Мартыныч».

— Зови и ты меня так. Я привык, — сказал он Мальчику на прощанье. — И не забывай, в гости приходи.

Конечно, Мальчик пришел. На следующий же день.

На причале, недалеко от трапа, смуглый парень в разноцветных плавках обтесывал длинное бревно. Желтая щепка чиркнула Мальчика по ногам, и он ускорила шаг, чтобы еще не зацепило.

— Стой, пацан! — потребовал парень (а сам все махал топором). — Ты куда?

— Сюда, — Мальчик показал на трап. — На борт.

— Это зачем?

— Надо, — сдержанно сказал Мальчик. Он слегка рассердился. За щепку, ударившую по ногам, и вообще: «Размахваешь топором, даже не смотрит. Да еще допрашивает. Кто он такой?»

— Неизвестно еще, надо тебе сюда или нет, — сказал парень и воткнул топор в бревно. — Ты к кому?

— К Мартынычу.

— А по какому делу?

У него был круглый мясистый нос и подозрительные глаза.

— У каждого свое дело, — с досадой сказал Мальчик. — Я ведь тебя не спрашиваю, каким делом здесь ты занимаешься...

— А я могу сказать. Столб ставлю, чтоб электричество на ящик протянуть, а то аккумуляторов не хватает. А вот что тебе нужно?

«Это он баркентину ящиком обзывает», — подумал Мальчик. И не решил еще, что сказать, как парня окликнули:

— Рудик!

Окликнула девушка. Обыкновенная девушка с белой сумочкой. Она этой сумочкой нетерпеливо размахивала.

— Я уже давно готова, а ты...

Рудик повернулся к баркентине и завопил:

— Дед! Кинь из каюты мои манатки, я отчаливаю!

На борту появился Мартыныч. Улыбнулся Мальчику, а Рудик бросил сверток с одеждой. Рудик запрыгал, натягивая брюки.

— Тут к тебе какой-то салажонок просится, — ворчливо обратился он к Мартынычу. — Гляди, чтобы он не свинтил чего на судне.

— Вы, Рудольф Петрович, идите... — медленно сказал Мартыныч.

— Чего?

— Идите. Гуляйте. Ничего. Я тут побуду, мне все равно спешить некуда.

— Ах да... — Рудик чуть смутился. — Я и забыл, что сейчас моя вахта... Ну, ладно, дед, я ненадолго. Потом сочтемся. Гуд бай.

— Кто он? — спросил Мальчик у Мартыныча, когда поднялся на палубу.

— Рудольф? Ну как же... Капитан.

— Мартыныч! — жалобно сказал Мальчик. — Вы шутите, да?

— Почему? Я правду говорю. Начальство назначило.

Мальчик вздохнул:

— А я с ним поспорил...

Мартыныч ладонью накрыл его голову, повернул к себе, взъерошил волосы.

— Мальчик... Никогда ничего не бойся... Ну, поспорил. Разве это обязательно плохо?

— Я не боюсь. Просто обидно. Он не похож на капитана. Неужели он командовал баркентиной в морях и океанах?

Старик засмеялся.

— Он не командовал баркентиной. Тот, кто командовал, сейчас на четырехмачтовом барке «Лисянский». О, это настоящий моряк. Если даже ветер голосил в вантах, как тысяча ведьм, он все равно не спускал бом-брамсель. Вот так...

— А этот... Рудик?

— А у него дело простое: сдать судно в ремонт, когда в доке место освободится. Видишь, как вышло: он недавно закончил мореходку, назначили его на большой танкер младшим помощником. А танкер этот сейчас в плаванье. Ну вот, ему и велели здесь командовать. Пока нас в док не заберут.

— Ух, ну ясно,— обегченно сказал Мальчик.— Значит, он капитан просто так, пока. Не по правде.

— Ну, значит... По правде здесь надо паруса знать. А он фор-марсель от крюйс-топселя не отличит.

— Ну уж! Как это так?— сказал Мальчик, слегка гордясь своим знанием.— Можно кливер с фока-стакселем спутать или верхний марсель с брамселем. Но как можно спутать с чем-нибудь крюйс-топсель?

— О-о,— удивился Мартыныч.— Я вижу, что ты не просто так. Ты знаешь. Нам будет про что говорить. Не надо стоять на палубе, мы пойдем в каюту. И будем беседовать за кружкой крепкого... ну, не рома, конечно, а чая. Я думаю, это будет хорошо.

— Конечно! — радостно согласился Мальчик.— Только я сбегаю за Чипом, а то он обидится.

Некоторые взрослые говорят, что полного счастья не бывает. Это чушь. Спросите Мальчика, и он скажет, что был счастлив полностью в те дни. Утром он сажал в карман Чипа и спешил на баркентину. Без нее он не мог.

Они с Чипом изучили здесь каждый уголок. Чип прыгал по судну и прятался, а Мальчик искал. Это была отличная игра. Чип любил скакать по сухой теплой палубе, Мальчику нравилось забираться во все уголки. Только подниматься по вантам на высокие марсовые площадки Мартыныч не разрешал.

Иногда Мальчик вставал на спардеке — верхней палубе посреди баркентины — и поднимал голову. Шелестел в канатах южный ветер. Мачты уходили в синеву. И все вокруг было — как музыка.

Потом звал мальчика Мартыныч. Они сидели в боцманской каютке, пили коричневый чай с батоном и говорили о морской жизни. О плаваниях в Ла-Манше, когда туман дрожит от сотен корабельных сирен. О том, как отходить от пирса под гротом и стакселем в навальный ветер. О знойных штigliaх у экватора. Старик учил Мальчика вязать морские узлы и заплетать на концах пеньковых тросов тугие шарики — кнопы.

— Мартыныч, а вы были капитаном? — спросил один раз Мальчик.

— Не был... Не пришлось научиться. Парусные баркасы водил вдоль побе-

режья, но это не совсем капитанская наука. Был я, Мальчик, парусным мастером. Боцманом. Корабельным плотником. А когда начинал плавать, был вторым помощником на шхуне «Сирена».

— Помощником капитана?!

Мартыныч засмеялся:

— Помощником кока, Мальчик. Мыл кастрюли, чистил картошку. Это ведь тоже надо. Моряк — не обязательно капитан. Моряк — это кто не может без моря... Ну, ты, я думаю, будешь капитаном.

— А кто будет капитан баркентины, когда ее починят?

Мартыныч поставил кружку и вздохнул:

— Да уж никто. Она свое отходила.

— Как? Совсем?!

— Совсем. С виду она хороша, а внутри все расшаталось.

Это было так неожиданно и грустно. Даже Чип, который сидел у сахарницы, растерянно приоткрыл рот.

— Но тогда зачем?... — растерянно сказал Мальчик.— Почему же ее хотят ремонтировать?

— А вот почему. Решили ее пристроить для другого дела. Поставят ее у набережной и откроют плавучий ресторан. Говорят, много народу будет ходить, потому что интересно.

Мальчик вскочил, и сахарница опрокинулась, чуть не придавив Чипа.

— Но это же... Так же нельзя! Ведь она же — корабль! А не ресторан.

Мартыныч покачал головой.

— Я знаю. Я говорил, что это не будет хорошо. Корабли должны умирать, как корабли. Они это заслужили.

— Вас не послушали?

— Что же делать... — сказал Мартыныч.

Ночью был ветер, и Мальчику приснилось, что баркентина скрипит и жалуется. Она говорила двум сейнерам, которые пришвартовались по соседству:

— Лучше бы я разбилась о камни в том году, когда шторм прижимал меня к норвежскому берегу. Честное слово. Или сгорела бы вместе с танкером «Осака-мару» у Борнхольма. Он ведь был рядом, когда начался пожар. Это все-таки лучше, чем служить танцплощадкой и местом для выпивки. Страшно подумать, что на палубу станут капать соусом и все, кто захочет, будут хвататься за штурвал липкими от шашлыков руками... Если уж я ни на

что не гожусь, разобрали бы по-честному на дрова.

— Зачем же на дрова? — прошептал Мальчик. — Разве нельзя, чтобы ты стояла, как стоишь? Те, кто хочет, кто любит парусники, приходили бы к тебе и смотрели бы на мачты, на штурвал, на компас. Ребята играли бы в моряков, а Мартыныч рассказывал бы про дальние плаванья...

Но баркентина не слышала. Она скрипела и тихо жаловалась, а сейнера вежливо кивали короткими мачтами. Им не грозила такая судьба, их ждала Атлантика.

В просветах летучих и темных облаков разгоралась Звезда. Она тоже слышала баркентину, но, видимо, не знала, как помочь.

Мальчик продолжал ходить на баркентину. Теперь он не только любил ее, но и жалел, как больного друга. Она казалась живой, и однажды Мальчик признался в этом Мартынычу.

— Ну да, — согласился Мартыныч. — Так бывает. Для хорошего моряка корабль всегда живой.

— Но ведь я еще не моряк.

Мартыныч улыбнулся и промолчал.

Мальчик спросил:

— Говорят, парусников на свете все меньше и меньше остается. Говорят, их скоро совсем не будет. Правда?

Мартыныч умел объяснять коротко.

— Неправда. Когда появились машины, глупые люди говорили, что на свете не останется лошадей. Разве это так? Паруса будут всегда, пока есть три вещи.

— Какие?

— Ты и сам знаешь. Очень просто. Во-первых, море...

— Во-вторых, ветер! А в-третьих?

Мартыныч затянулся сигаретой и серьезно сказал:

— Люди, Мальчик. Такие, как ты.

Однажды они беседовали, сидя на палубе у брашпиля, и тут появился Рудик. Хмуρο глянул на Мальчика.

— Слушай, дед, что он все время здесь отирается? Сам знаешь, посторонним на судне делать нечего.

— Какой же он посторонний? — сказал Мартыныч.

— А кто он? Родственник твой, что ли?

— Может быть, родственник. Скажем, внук.

— Ты же говорил, что у тебя никого нет.

Мартыныч усмехнулся:

— С внуками, Рудольф Петрович, всегда так: сначала нет, а потом есть.

Рудик махнул рукой и ушел. На причале его опять ждала девушка.

Мальчик осторожно спросил:

— Мартыныч... А у вас, правда, никого?

— Да. Так вот вышло. На берегу жизнь не получилась. Только и знал я корабли. Это не очень хорошо. Надо, чтобы кто-то ждал на берегу.

«Теперь я буду ждать вас», — хотел сказать Мальчик, но постеснялся. И спросил:

— А когда баркентина... когда ее не будет, вы на какой парусник пойдете, Мартыныч?

— Ни на какой, — просто сказал старик. — Мы с ней кончаем вместе. Пора на пенсию.

— Совсем?

— Совсем. Когда-то надо кончать совсем. Поеду в деревню, где родился. Буду рыбу ловить и сети чинить рыбакам.

— Но ведь там, в деревне... У вас же там нет никого.

— Все равно. Берег там мой.

Зеркальце

— Какой ты кр-ра-сивый, — сказал Чип, когда Мальчик появился на дамбе. И даже приквкнул от удивленья.

Мальчик был в бело-голубом костюмчике, который делал его похожим не то на юнгу со сказочного брига «Семь ветров», не то на маленького воздушного гимнаста из цирка.

— Ты просто пр-ре-красно выглядишь, — продолжал Чип, и в голосе его проскальзывала легкая зависть.

Но Мальчик с досадой сказал:

— Что тут прекрасного... У взрослых смешная привычка: если у человека день рожденья, значит, надо его наряжать, будто куклу. Разве это правильно? В день рожденья должно быть весело, а тут ходишь и только смотришь, чтоб не запачкаться, не зацепиться, не порвать... Ну, я не спорил, конечно, чтоб настроение не портить родителям. Все же они для меня старались. И все равно взрослых не перевоспитаешь...

Но тут Мальчик подумал, что долго ведет разговор о себе, а для Чипа не сказал еще хорошего слова. Осторожно, чтобы не коснуться мокрых свай, он сел на корточки перед лягушонком.

— А как твои дела, Чип? Хорошо?

— Хор-рошо. А что такое день рожденья?

— Ну... Это такой праздник. У каждого человека. Ну, не обязательно у человека, а хоть у кого. В какой день кто родился, тогда и праздник у него... Вот ты, Чип, когда вылупился из икринки?

— Я не помню,— рассеянно сказал Чип.

Мальчику стало неловко. Ведь он знал, что Чип давно живет один, а родители у него неизвестно куда подевались. Кто же скажет Чипу, когда он появился на свет? А документов у лягушек не бывает.

— Это ведь неважно,— бодро сказал Мальчик, чтобы исправить ошибку.— Каждый имеет право выбрать себе день рожденья, какой хочет... Вот ты выбери себе день, и тебя будут поздравлять и дарить подарки...

— Кто? — удивился Чип.

— Ну... я буду.

— А если день рожденья, обязательно дарят по-дар-рки?

— Кажется, обязательно... Папа мне подарил толстый Морской словарь, а мама электрическую железную дорогу. Вот с такими вагончиками. Хочешь, пока-таю?

Чип немного помолчал, хитро блестя глазками. И спросил:

— У тебя есть удочка?

— Нет. Зачем? Я не люблю ловить рыбу.

— Ну тогда просто нитка. Или веревочка. И кр-рючок.

— А зачем?

— Ну, надо,— сказал Чип настойчиво и даже чуть капризно.

Мальчик выбрался на берег, отыскал кусочек медной проволоки и согнул крючок. Потом подобрал на причале обрывок пенькового троса. Трос он расплел, а прядки связал между собой. С такой вот «удочкой» Мальчик и вернулся к Чипу.

Чип лапками ухватил крючок и скакнул в воду.

Его не было минут пять. Мальчик так забеспокоился, что почти забыл про свой «именинный» костюм и хотел уже лечь животом на сваи, заглянуть в глубину: Чип, где ты?

Но смеющийся Чип ловко вылетел из воды и крикнул:

— Тащи!

Мальчик потянул «удочку».

Что-то серебристое моталось на крючке. Но не рыбка. Мальчик взял добычу на ладонь. Это было зеркальце.

Квадратное зеркальце, чуть поменьше карманного, аккуратненькое такое и довольно тяжелое. Оно было в металлической рамке с двумя винтами. У винтов были большие медные головки. За одну из них Чип и прицепил крючок.

И теперь он важно объяснил:

— Это от меня под-дар-рок.

Мальчик опять сел на корточки.

— Спасибо, Чип,— сказал он, стараясь догадаться, что же это за штука.

Чип ловко и привычно прыгнул ему на колено.

— Ты не думай, что это зеркальце простое.

И рассказал вот что.

В начале этого лета к дамбе, прямо вот здесь, пришвартовался рыбацкий траулер «Сан-Риоль». Однажды вечером на палубу поднялся человек, который назывался «Штур-рман». Он подошел к борту и стал вертеть в руках сложную штуку. Он то заглядывал в черную трубку, то поворачивал какие-то винты. Чип тогда еще только учился говорить и поэтому запоминал все незнакомые слова особенно старательно. Он запомнил, что сложная штука называется «секстант». Через него моряки за-чем-то смотрят на звезды.

«Штур-рман» был недоволен. Он громко разговаривал сам с собой и утверждал, что эта капризная штука называется не «секстант», а «утиль».

Но Чипу казалось почему-то, что это неправда.

Потом штурман стал вертеть секстант, уже не заглядывая в трубку. И вдруг с борта полетело и ушло под воду зеркальце.

Штурман громко охнул. Поднялся переполох, сбежались моряки. Шум был большой, а слова такие, что Чип не мог ни понять, ни запомнить. Два человека сняли штаны и рубахи и стали нырять, но зеркальца не нашли. Оно попало в щель между сваями.

Чип не решился сказать людям, где зеркальце. Он разговаривал тогда неважно и очень стеснялся. Через день траулер ушел, и Чип остался владельцем сокровища.

Конечно, это было для Чипа сокровище. Ведь он уже тогда мечтал о путешествиях. Он знал, что рыбацкие суда плавают по всем океанам и, значит, в зеркальце секстанта отражалась масса приключений, дальних берегов и незнакомых звезд. В том числе и знаменитый Южный Крест.

Иногда Чип садился перед щелью, где застряло зеркальце, и шепотом просил: «Расскажи». И казалось, что оно рассказывает. О пронзительно-синих глубинах дальних морей, где спят жемчужные раковины и затонувшие корабли, об удивительных рыбах, похожих на птиц, и громадных морских черепахах, о берегах, где шелестят пальмы и греются на солнце львы.

Наверно, это просто казалось. Но было Чипу хорошо.

А сейчас он подарил зеркальце Мальчику. Надо же что-то подарить! Обязательно. А кроме зеркальца у Чипа ничего не было.

— Милый мой, дорогой хороший Чип,— шепотом сказал Мальчик.— Это самый-самый чудесный подарок...

Сами понимаете, Мальчик тут же заглянул в зеркальце. Оно и вправду было непостижимым. Будто свет далеких звезд покрыл его невидимой волшебной пленкой. Небо отражалось в нем удивительно чистой и звонкой синевой, желтые кувшинки сверкали, как брызги салюта, а солнце сияло в два раза сильнее, хотя, казалось, ярче бы некуда.

А когда Мальчик увидел в зеркальце баркентину, ему почудилось на секунду, что с реев фок-мачты падают, распускаясь, и наливаются ветром легкие снежные паруса.

Только на секунду. Но секунда мелькнула, а радость не прошла. И Мальчик весело сказал:

— Чип, бежим к Мартынычу! Что нам здесь сидеть. Прыгай сюда! — И он оттянул нагрудный кармашек.

— Я же мок-р-рый,— засомневался Чип.— А карман новый.

— Ну, что за чепуха! Прыгай.

Чип катапультировал с колена вверх, перевернулся и головой вперед нырнул в карман — голубой, с белыми полосками и серебристым вышитым якорем. В другой такой же карман Мальчик положил зеркальце.

Потом он спросил у Чипа:

— Ну как?

— Здесь уд-дивительно пр-риятно,— сказал из кармашка Чип.

— У него сегодня день рождения! — сообщил Чип Мартынычу, едва Мальчик поднялся на палубу.

— Ну? — удивился Мартыныч.— Вот я и смотрю, что Мальчик похож на именинника. Прямо капитан. Столько якорей и полосок, что хоть сейчас на вахту.

— Да ну, Мартыныч, не смейтесь,— сказал Мальчик.

— Я только чуть-чуть смеюсь. А насчет вахты — правда. Я хочу купить сигарет. Можешь здесь побыть, пока я буду идти в магазин?

— Конечно! А что надо делать?

— Ничего. Играй. Если кто-нибудь спросит, скажи, что сейчас приду.

Мартыныч хитрил. В каюте у него лежала почти полная пачка сигарет «Рига». А пошел он, чтобы купить какой-нибудь подарок Мальчику...

Баркентина, как всегда, блестела удивительно чистым деревом и желтым лаком. Здесь можно было не бояться испачкаться, хоть катайся кубарем по всем палубам и трапам.

— Играем в пр-ряталки! — крикнул Чип и длинными прыжками помчался вдоль палубы. Играть с ним было непросто. Он забирался в такие щели, что и с фонарем не разыщешь.

Но сейчас Мальчик заметил, куда ускакал Чип. Лягушонок спрятался за стойку трапа, ведущего на спардек.

Мальчик подбежал, встал на колени и заглянул под нижнюю ступеньку.

— Вот ты где! Вылезай!

— Это неспр-раведливо! — завозмущался Чип.— Ты не сосчитал до пяти и ср-разу бр-росился!

— Нет, справедливо! Если я буду считать, ты ускачешь за тридевять земель!

— Нет, не за тр-ридевять...— Чип мелко и часто задышал. Это означало, что он обиделся.

И в этот миг Мальчик заметил краешком глаза чью-то тень. Она упала рядом с ним на солнечную палубу. Кто-то стоял над Мальчиком, и это был не Мартыныч: старик не мог подойти так бесшумно.

— Чип, в карман,— скомандовал Мальчик тихо, но так строго, что лягушонок в тот же миг прыгнул из укрытия в отвисший карман рубашки. Лишь тогда Мальчик оглянулся. И увидел Рудика.

— Где старик? — хмуро поинтересовался Рудик.

— Пошел за сигаретами.

— Он что, спятил? Оставил судно без присмотра!

— Мартыныч меня попросил здесь побыть, — заступился Мальчик. — Он же только на пять минут...

— Что старый, что малый, ума одинаково, — совсем разозлился Рудик. — Ну ладно, мы поговорим с ним.

Мальчик обиделся. Сильно. Не за себя, конечно, а за Мартыныча. Он сел на ступеньку трапа и снизу вверх бесстрашно посмотрел на Рудика.

— Между прочим, — отчетливо сказал он, — сейчас не Мартыныча вахта. Так что неизвестно еще, кто спятил.

Рудик поморгал растерянно, пожевал губами и наконец спросил:

— Слушай, а ты не думаешь, что за такие слова я могу треснуть тебя по шее?

— Можешь. Это ведь безопасно. Я сдачи дать не сумею.

Рудик отступил на шаг и взглянул на неожиданного спорщика с интересом.

— Слушай, а почему ты, между прочим, говоришь мне «ты»?

— А как надо? «Вы»? — язвительно спросил Мальчик.

— А почему бы и нет? Я, кажется, старше тебя.

— Мартыныч тебя тоже старше, а ты с ним как разговариваешь?

— Ну, вот что. Выметайся на берег и больше не суйся на судно.

Мальчик встал. Не обернувшись даже, он легко прыгнул вверх, на две ступеньки трапа и взбежал на спардек. Оттуда, с высоты двух метров, он совсем уже безбоязненно ответил:

— Зря распоряжаешься. Я не к тебе прихожу, а к Мартынычу.

— Больше не будешь приходить, — сказал Рудик, измеряя взглядом высоту трапа.

— Буду! — весело и отчаянно сказал Мальчик.

— Не будешь, — сказал Рудик. — Все равно завтра это корыто в док уволокут.

— Завтра? — спросил Мальчик растерянно. — Уже?

Он знал, что это будет, но не верил, что так скоро.

Значит, опустеет причал.

Уедет Мартыныч.

Останутся они вдвоем с Чипом. И будет им не очень-то весело.

И все же не это главное. Главное — сама баркентина.

— Значит, сделают из нее ресторан? — тихо спросил Мальчик.

— Само собой. Подлатают, покрасят, поставят у Большого моста. Вывеску повесят. Добро пожаловать, дорогие посетители. Заходите на кружечку пива.

Мальчик прищурился.

— А ты и рад.

— А чего мне плакать? Всю жизнь я, что ли, должен караулить эту посудину? — Рудик смотрел уже не сердито, а с усмешкой. А в Мальчике закипала злая досада.

— Я не про то, — сказал он. — Караулить, конечно, плохо. Но ты... Она же как живая, а ты радуешься, что ее убьют.

— Ах, какие нежности! Живая! Убьют! А лучше, если ее пустят на дрова?

— Лучше! — с отчаянной убежденностью сказал Мальчик. — В сто миллионов раз лучше! Ты просто не понимаешь! Ты не понимаешь ни-че-го!

— Умник! — опять разозлился Рудик. — Философ...

Вообще-то в слове философ не было ничего обидного, но каким голосом он это сказал! Будто о букашке какой-нибудь. И словно гребнем волны Мальчика хлестнула короткая злоба. За себя, за Мартыныча, за баркентину.

— А ты... — со звоном сказал он. — Ты трус!

Рудик откачнулся, словно для того, чтобы взять разбег по трапу. Но не сделал ни шагу.

— Интересно... почему я трус?

— Потому что ты ее боишься. — Мальчик повел рукой над баркентиной. — Я теперь знаю: ты ее ненавидишь, потому что боишься. Ты знаешь, что не справился бы с ней. Ты никогда не смог бы командовать ей в море! Там паруса и ветер! А ты... Ты же не отличишь бом-клеввер от апселя!

Рудик прыгнул вверх по трапу. Мальчик пронесся через спардек, слыша за собой тяжелый топот, слетел вниз по второму трапу, промчался между фальшбортом и надстройками на корму. Рудик не оставал. Мальчик прыгнул на планшир, а с него — на ванты бизань-мачты.

— Не смей! — крикнул Рудик. Мальчик не ответил. Мартыныч не разрешал подниматься на ванты, но теперь было все равно. Легко, почти бегом, начал Мальчик взбираться по зыбким перекаладинам. Ванты тяжело заколебались: Рудик лез по пятам.

Только один раз Мальчик посмотрел вниз. Он не опасался, что Рудик догонит. Потом он, не слушая криков Рудика, смотрел все время вверх, на полукруглую площадку крюйс-марса, которая становилась все ближе.

Стучало сердце. Но не от страха. Мальчик не боялся высоты. Не боялся он и ветра, который все нарастал и обтекал его ровным шумящим потоком (рукава у локтей и широкий белый воротник трепетали как флажки).

И вот марсовая площадка оказалась над головой. В квадратном вырезе ярко синело небо. Изловчившись, Мальчик ухватился за край, подтянулся и выбрался на марс.

Ух какой огромный был мир! И небо, и облака, похожие на тугие паруса. Отсюда, с двадцатиметровой высоты, река вовсе не казалась широкой, зато совсем близко, за игрушечными крышами, башнями и колокольнями, серебристо-синей стеной вставало бескрайнее море.

— Чип, смотри,— торопливо сказал Мальчик и высадил малыша на ладонь.

Чип затих.

— Тебе страшно? — спросил Мальчик.

Чип шепотом сказал:

— Мне ни к-капельки не стр-рашно. Пр-росто я не мог пр-редставить...

Из квадратного отверстия показалась голова Рудика. Лоб его был мокрым, волосы спутались.

— Слушай, спускайся давай,— миролюбиво попросил он.— А то нам обоим попадет.

— Чип, в карман.

Мальчик не взглянул на Рудика и скользнул в люк на другом краю площадки.

Теперь они спускались по разным вантам: Рудик старым путем, а Мальчик — к другому борту. Чем ниже, тем злее делался Рудик.

— Акробат недорезанный! — ругался он.— Башку свернешь, а мне отвечать, да?

— Сам не сверни,— откликнулся Мальчик.

Рудик с трех метров прыгнул на палубу и кинулся к другому борту, чтобы сцарапать мальчишку.

Но Мальчик увернулся.

— Душу выну,— сказал Рудик. Мальчик убежал на нос и прыгнул на гладкое наклонное бревно бушприта.

Бушприт был толстый, не обхватить, и

под ним натянута была предохранительная сеть. Но все-таки Мальчик думал, что Рудик сюда не пойдет, и можно будет дожждаться Мартыныча.

Рудик пошел.

Мальчик, покачиваясь, побежал вперед. Бежал, пока под ногами не оказался нок бушприта — узкий, выкрашенный белым конец. Мальчик взялся за штаг — стальной трос, идущий к верхушке мачты,— и повернулся к Рудику лицом. Тот подходил осторожно и все-таки неотвратимо.

— Ну, все,— с удовольствием произнес он, когда был в трех шагах.

И тут, взявшись передними лапками за край кармашка, высунулся Чип.

— Убир-райся! — потребовал он.— Пр-рочь!

Рудик никогда не видел говорящих лягушат. Понятно, что он вздрогнул. А когда идешь по бушприту, вздрагивать не надо. Нога у него скользнула с гладкого ство-

ла, Рудик замахал руками и полетел в сеть.

Он даже зарычал, стараясь выбраться к форштевню и опередить мальчишку.

Но Мальчик не спешил на палубу. Ему надоела эта пустая игра. Злой задор его угас. Надо было уходить. Не убежать, не спастись, а уйти, чтобы навсегда остаться победителем.

До воды было метров пять или шесть, но сейчас эта высота казалась нестрашной по сравнению с высотой марсовой площадки.

Мальчик щекой коснулся стального штага: прощай, баркентина. Потом ладошкой прикрыл карман с Чипом и прыгнул солдатиком.

— Жив? — спросил Мальчик у Чипа, когда выбрались на дамбу.

— Вот это пр-риключение! — затараторил Чип. От возбуждения он рассыпал свои «р-р» как горох по палубе.— Я думал, мы угр-робимся! Вот это тр-рюк! А как я его пер-репугал! Как он тр-рахнулся!

— Чип, а как ты узнал, что Рудик нас догоняет?

Чип немного смутился.

— Я смотр-рел. Я в кармане проковырял дыр-рочку. Кр-рошечную. Ты не сердишься?

— Не сержусь... Чип, я побегу домой. Надо высушить и выгладить одежду, пока не пришли папа с мамой. Ведь что будет, если я им в таком виде покажусь...

— Стр-рах подумать,— согласился Чип.

— Они хотели купить сегодня торт к чаю. Все-таки день рожденья... Слушай, Чип... Я бы тебя пригласил, но ведь поднимется такой переполох. Да ты и не ешь торт.

— Я питаюсь комар-рами,— гордо сказал Чип.

Вечер оказался невеселым. Давно уже Мальчик высушил и выгладил свою праздничную одежду, а мама с папой все не приходили. Мальчик не знал, что они во всех магазинах ищут Самый Лучший Торт, и ему было грустно.

И стало бы совсем плохо, если бы не подарок Чипа. Мальчик взял в ладони зеркальце. То зеркальце, в котором отражались когда-то южные звезды и айсберги, ураганные волны и стаи летучих

рыб. Оно будто согревало ладони и нашептывало сказки.

Мальчик сел на подоконник. Сейчас в зеркальце отражалась улица. Булыжная мостовая с травинками среди камней, старые дома с высокими крышами, маленькая девочка со скакалкой и тополя с последними отблесками солнца на верхушках.

Над тополями поднимались мачты баркентины.

Завтра этих мачт уже не будет. Баркентину уведут в док, подремонтируют, а потом... Потом она уже не будет кораблем. Запах жареных котлет вытеснит из всех закоулков запах моря и просмоленных канатов.

Ну чем он мог ей помочь?

Солнце совсем ушло, только на маленькой тучке, легкой и белой, задержался его последний свет. Пониже тучки разгоралась Звезда. Та самая.

Посмотришь на улицу — Звезда чуть видна. Посмотришь в зеркальце — она такая яркая-яркая. Видно, зеркальце и в самом деле «не пр-ростое».

Оттого, что было невесело, Мальчик вспомнил считалку. Она ведь помогала в трудные минуты. Нет, он ничего особенного не хотел, просто так он начал говорить эти слова:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу:
Прогони мою беду,
Позови мою Звезду,
Пусть она, как яркий лазер,
Луч пошлет...

В этот миг показалось ему, что Звезда стала еще ярче и разбросала по сторонам тонкие, как струны, лучи. Будто даже один луч ударился в зеркальце и со стеклянным звоном ушел в сторону. Но это уж точно показалось. Наверно, из-за того, что в коридоре весело затарахтел звонок. Пришли родители.

Торт, который они принесли, был размером почти со штурвал. Его украшал кремовый корабль с пушками, флагами и пузатыми парусами. А по краям торта мама воткнула одиннадцать тонких свечек.

Электричество не включали, и когда свечки зажглись, на стены лег розовый свет.

— Дуй,— сказал папа.— Если погасишь все разом, сбудется любое желание.

Мальчик зажмурился и дунул.

Никто не знает, о чём он думал в тот миг. О баркентине, или о том, что хочет стать капитаном, или еще о чем-то.

Он никому про это не говорил.

Свечки погасли сразу.

Но когда Мальчик открыл глаза, розовый свет все равно дрожал на стенах.

Мальчик вздрогнул и повернулся к окну. Над тополями стояло зарево.

— Баркентина!

Мальчик толкнул плечом раму и прыгнул на улицу.

Баркентина горела. Бизань-мачта и грот-мачта рухнули в реку. С фок-мачты падали горящие реи. Пылали надстройки. Вдоль причала метался пожарный катер, захлестывая баркентину длинными шипучими струями. Но огонь упрямо перебирался на фальшборт.

Мальчик с разбегу врвался в толпу и увидел Рудика и Мартыныча.

Рудик доказывал:

— Что вы, граждане, какие окурки? Какая печка? Никто не виноват! Она загорелась сверху! Вон ребята с сейнера могут подтвердить!

Мартыныч молчал.

Мальчик подошел и взял его за руку.

— Долго я живу, а такого не видел,— тихо сказал Мартыныч.— Сначала вспыхнул бом-брам-рей на фок-мачте. Потом крюйс- и грот-стенги. А потом огонь побежал по мачтам вниз.

В толпе говорили:

— Так от молнии загораются деревья. С верхушки и разом.

— Что вы, гражданин! Какая молния в такую погоду?

— В том-то и дело.

И никто-никто не мог подумать, что из дальней дали жгучая Звезда послала на Землю луч, чтобы спасти свою сестру.

Только Мальчик думал об этом. Но и он точно не знал, так это или нет...

Последняя глава, в которой ничего не кончается

Потом наступила осень.

Буксир увел обгоревший корпус баркентины.

30 Остался торчать на причале столб с оборванными проводами — тот, что поставил когда-то Рудик. Рыбаки с траулера

«Вихрь» подняли со дна и положили к столбу якорь с баркентины, который сорвался во время пожара.

Мальчик синим карандашом написал на столбе название.

Мартыныч уехал в деревню. На прощанье он сказал Мальчику:

— Не успел я найти тебе подарок. Но потом будет. Это точно.

Рудик поступил помощником на танкер.

Задувал норд-вест и приносил пасмурные облака. Трава на причале прижималась к земле, а река делалась серой.

Мальчик продолжал ходить на дамбу. Он был теперь в школьной форме, такой же серой, как вода и небо.

Чип вылезал из воды озябший и невеселый.

Однажды он сказал:

— Все. Пора устраиваться до весны. Ох, как скучно спать всю зиму. Хоть бы сны были интер-ресные.

Мальчик молчал. Что он мог сказать?

— Весной обязательно приходи,— сказал Чип.

— Конечно!

— Ну, пр-рощай...

«Почему только в сказках бывают чудеса? — думал Мальчик.— Только в сказках лягушки превращаются в принцесс и принцев? Вот если бы по правде так!»

И не надо никакого принца. Пусть бы превратился Чип в обыкновенного мальчишку. Ведь у него и характер мальчишечий, и кровь горячая, и мысли человеческие.

Один раз Мальчику даже приснилось такое чудо. Чип с размаху выпрыгнул из воды на дамбу и вдруг вспыхнул, будто кучка зеленого пороха. А из облачка белого дыма появился босоногий худенький мальчишка с капельками в волосах и желтым лепестком кувшинки, прилипшим к щеке. В ярко-зеленых шортиках и рубашке салатного цвета. У него было круглое лицо с большим веселым ртом и темные озорные глаза.

— Пр-равда, я похож? — спросил он знакомым голосом и засмеялся. На подбородке у него дрожала маленькая капля.

И так все было отчетливо — эта капля, длинная нитка водоросли, прицепившаяся к пуговице рубашки, и солнечные точки в глазах Чипа,— что Мальчик и подумать не мог, будто это сон.

А когда проснулся, чуть не заплакал от досады. И решил: надо что-то делать.

Но что? Так просто это не придумаешь. Нужна была помощь.

И пока Чип в своей «квар-ртире» смотрел сны про коралловые острова и пальмы, Мальчик писал письма.

Он написал в Академию наук доктору Великанову, потом знакомому путешественнику-биологу Дворкину, который однажды выступал у них в пионерском лагере, и знаменитому писателю-фантасту Космотищеву.

И во всех письмах Мальчик спрашивал: нельзя ли маленького, но смелого и умного лягушонка (к тому же говорящего) превратить в обыкновенного мальчишку.

Биолог Дворкин ответил, что никогда о таких вещах не слышал. Он спрашивал, не приснился ли вообще этот странный лягушонок Мальчику. Из Академии наук пришел солидный пакет с большими печатями. Третий замесгитель секретаря доктора Великанова сообщал, что интересующая Мальчика проблема сейчас как раз усиленно изучается, и вопрос, возможно, будет решен в первом квартале будущего года.

Писатель Космотищев прислал подробное письмо. Он утверждал, что задача не такая уж сложная. «В конце концов,— говорилось в ответе,— встречаются ведь иногда существа, очень похожие на настоящих людей, а на самом деле они — большие глупые лягушки с холодной кровью. Кто-то их превратил. Так почему нельзя превратить в мальчишку лягушонка, у которого смелое мальчишечье

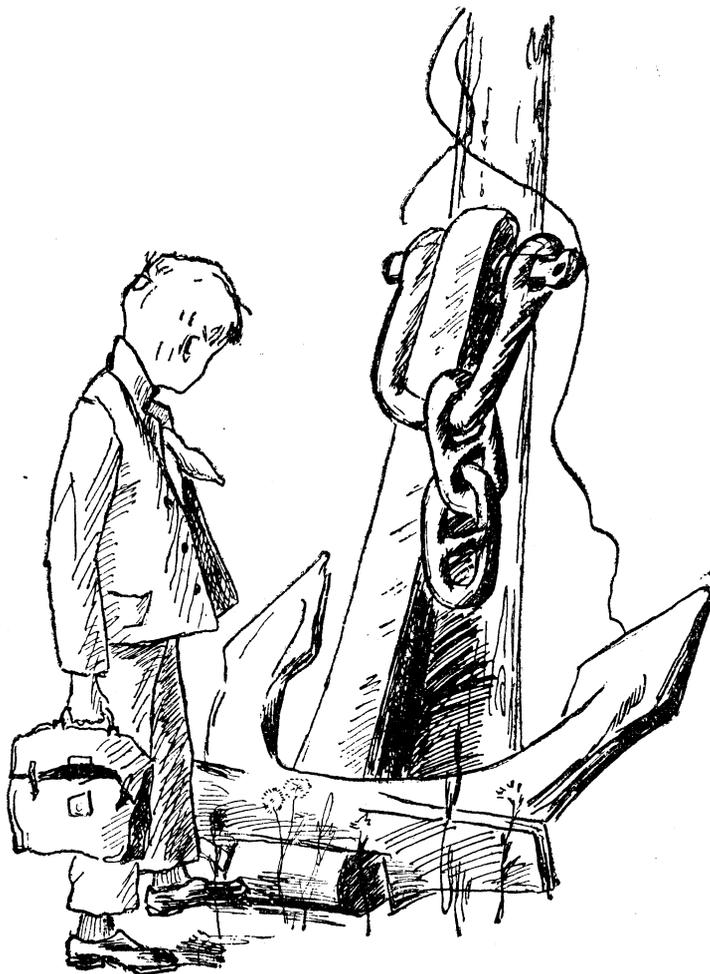
сердце? Нужно только знать соответствующее заклинание и вычислить вектор М-поля по формуле профессора Эжена дю Плодока».

Заклинание Мальчик знал. Это была все та же звездная считалка. А вектор он собирался вычислить в математическом кружке, в который специально записался.

Оставалось только дожидаться весны, когда проснется Чип. И Мальчик считал дни. Зимой он не ждал ничего интересного.

Но в декабре случилось Неожиданное Событие.

Декабрь был снежный и теплый. Река не замерзла. Лишь изредка черная зимняя вода покрывалась игольчатым ледком,

но его быстро ломали большие корабли. Они по-прежнему приходили с моря.

Белые мохнатые шапки лежали на головах каменных львов, охранявших старую крепость, на подстриженных кустах и причальных тумбах. А на тротуарах там и тут попадались под ногами еловые веточки. Это означало, что скоро Новый год.

В один из таких дней Мальчик вернулся из школы и нашел в ящике для газет Почтовое Извещение. Вот какой там был адрес:

**Южная улица, дом 7, квартира 3,
Мальчику, Который Знает
Все Паруса.**

Мальчик бросил в угол портфель и побежал на почту.

Разумеется, он волновался. Никогда он не получал таких важных Почтовых Извещений. Даже обычные письма ему приходили всего два раза: писала их девочка, с которой он подружился в пионерском лагере. Два раза написала, а потом перестала.

На почте пахло сургучом и мандаринами. Строгая женщина в блестящих очках

взяла у Мальчика Извещение и долго его рассматривала.

— Странно,— произнесла она.— Почему же здесь нет имени?

— Я не знаю,— обеспокоенно сказал Мальчик.— Но эта посылка именно мне. Честное слово!

— Сомнительно,— сухо возразила женщина.— Мало ли мальчиков увлекаются парусами.

— Одно дело увлекаться, а другое дело — знать,— сказал Мальчик слегка обиженно.— Не каждый ведь знает, что такое летучий кливер, кройс-брамсель или грот-брам-стенги-стаксель...

Но тут же он испугался, что его сочтут хвастуном, и добавил почти виновато:

— А кроме того, на Южной улице, в доме номер семь, кроме меня, все равно нет никаких мальчиков.

— Тогда другое дело,— сказала женщина.— Распишись вот здесь.

А потом она дала Мальчику фанерный ящичек, обшитый серой парусиной.

В ящичке что-то постукивало. Словно кто-то маленький и живой хотел выбраться на волю, но не решался поднимать слишком большой шум.

Мальчик шагал домой по набережной. Он шел быстро, но еще быстрее выросло его любопытство. И он не выдержал. Смахнул с причальной тумбы снеговую шапку, сел и стал разламывать ногтями сургучные печати.

Потом вспомнил про ножик.

Этот ножик ему подарила та самая девочка, которая потом писала письма.

Острым лезвием распорол Мальчик материю и оторвал фанерную крышку.

В ящичке было что-то непонятное, завернутое в газету. А сверху лежало письмо...

Из переулков и густых скверов уже ползли к реке сизые сумерки, но здесь, на берегу, светил фонарь. Мальчик разорвал конверт и развернул лист.

Письмо было от Мартыныча.

Крупными аккуратными буквами старик писал про свою нынешнюю нехитрую жизнь. Писал, что живет в деревне, где над острыми крышами поднимается, как синие свечки, теплый дым, а во дворах спят под снежными шубами перевернутые рыбацьи баркасы. Рассказывал, что мастери соседским ребятишкам ветряные мельницы и кораблики.

«...А самый лучший кораблик я сделал для тебя, Мальчик. Паруса я смастерил из

тонкой блестящей жести. Мне принесли ее ребята, они делали из этой жести красивые фонарики и цепи для школьной елки. А корпус я выстрогал из куска шпангоута нашей баркентины. Ты ее помнишь?..»

Пошел снег. Маленькие быстрые хлопья. Их тени пролетали по письму. Мальчик читал:

«Ты обрадуешь старика, если напишешь хотя бы маленькое письмо. Но, может быть, ты и не напишешь. Я не сержусь. Ведь у мальчиков так много дел, что бывает совсем не до писем. Главное то, что ты есть на свете. Я вспоминаю тебя, и мне хорошо. Живи, смейся и никогда ничего не бойся...»

Мальчик вынул сверток и сорвал газету.

Кораблик был, как сказка. Крутобокий, легкий, с узорами на высокой коричневой корме, с выпуклыми сверкающими парусами. Он оказался размером с голубя и был похож на птицу.

В общем-то все парусники похожи на птиц. Но этот был как настоящая живая птица, севшая Мальчику на ладонь.

— Здравствуй,— шепотом сказал ему Мальчик.

...Ящик и обрывки газеты он закинул в сугроб, письмо спрятал за пазуху, а кораблик так и понес в ладонях.

Через несколько шагов Мальчик спохватился, что оставил на тумбе ножик, и вернулся.

Глядя на ножик, он вспомнил про девочку. И вдруг понял, что она не виновата. Он же сам виноват! Он ведь не написал ей, что переехал, и она не знает адреса. И Мальчик решил, что обязательно напишет ей.

«Но сначала,— сказал он себе,— я напишу Мартынычу».

Мальчик шел по набережной, все дальше уходя от одинокого фонаря. У него слегка озябли пальцы, но он крепко и бережно держал у груди кораблик.

Над берегом поднимались мачты. Там, где раньше стояла баркентина, теперь зи-

мовали большой барк «Лисянский» и трехмачтовая шхуна «Секунда». Рядом с ними приткнулись к пирсу два рыбацких сейнера.

На мачтах и мостиках зажглись огни. Засветились иллюминаторы. Свет золотыми змейками побежал по черной воде.

Снег падал на палубы...

Альберт АДАМОВ

* * *

Рассвет на сопках.

Голубеют тени.

Пора с ресниц тяжелый сон снимать.

В упряжке необъезженной метели

несется ошалелая зима.

Пора вставать:

рассвет идет по сопкам.

Пора вставать.

Дружище!

Не дрожи.

Такой рассвет —

из лютой стужи соткан.

Он не простит нам трусости и лжи.

Опять, подстегнутым зарей, как плетью,

нам надо драные унты обуть,

взвалить рюкзак на ноющие плечи

и выйти —

не на подвиг,

просто в путь.

* * *

Я не привык слова бросать на ветер.

Я с детства пустозвонить не привык.

Поверь, поверь,

милей всего на свете

медовый запах керженской травы.

И по ночам —

бессонница ночного.

И над рекой —

загадки синих звезд.

Закрой глаза и слушай...

Слышишь? —

Снова

В твоих ушах

неброский шум берез.

Но детство — что ж! —

оно давно в былом.

Оно прошло не валко и не шатко.

Мне по наследству — материнский дом,

а по плечу —

таежная палатка.

Я в черный день на пепелище выжил.

Воспитанный солдаткой и вдовой.

Вот почему

я стал взрослей и выше,

вот почему я искренний и злой.

Поэтому и руки затвердели.

Поэтому, куда бы мы ни шли,

я чувствую себя семь дней в неделю

взрослеющим хозяином земли.

* * *

Оживает в памяти, как во сне,
голубая крыша твоих небес,
босиком я шлепаю по весне,
ухожу в зеленый, пахучий лес.

Травы соком налиты, к солнцу прут!
Детство рвется ласточкой из-под ног.
Задохнувшись полднем, бегу на пруд
по звенящим струнам твоих дорог.

Тем живу и радуюсь, тем силен —
зарядила родина на сто лет.
И в глазах качается синий лен,
падает на голову белый снег.

Далеко я ездил, в слезах тонул,
замерзал на гребнях якутских скал.
Не погиб, я думаю, потому,
что с Россией в сердце я засыпал.

КИЖИ¹. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Над озером, над островом, над веком,
как луковицы, главы поднялись,
и башенки смиренно спорят с ветром,
и перышки, нацеленные ввысь.

Решали мастера в кругу семейном,
что без «кижей» прожить никак нельзя, —
и вырос храм, по образу вселенной
построен без единого гвоздя.

С улыбкой создавая это чудо —
резные стены, тябла, образа,
здесь тешился народ, грозя Иуде
и государю крестиком грозя.

Восьмерики, алтарь — все сшито крепко,
меж небом и землей имея связь.
И чешуи таинственная лепка
искрится вся, над логикой смеясь.

Волшебный храм по собственным законам
торжественно темнеет под луной,
он в сумерки лиловый и зеленый,
а в полдень — вдруг серебряный, стальной.

Как богатырь в кольчуге, латы — листья,
как будто шлем — центральная глава.
Внутри икон загадочные лики —
с крестьянских лиц, как говорит молва.

Христу молиться, бить поклоны зря!
Они самим себе поклоны били,
встречали батожем гонцов царя
и иноземцев чем попало били.

И шли в Сибирь, в путь — дальнюю дорогу,
и, чтобы душу грешную спасти,
молились искусству, а не богу
и храмы воздвигали на пути.

¹ Кижы — игрища (карельск.)

Леонид ЛАПЦУЙ

СЕВЕР

Север злобно ворчит иногда,
как медведь,
упустивший тюленя.
И вся тундра тогда —
как стада
перепуганных диких оленей.
Он колючей трясет бородой,
засыпая порошей равнину.
И сугробы по тундре седой
гонят ветры,
как по морю льдины.
В сердце Севера —
ночь и гроза!
Над снегами сгустятся туманы.
Поднимают они паруса,
изогнувшись волной океана.
И дыханьем своим ледяным
разгоняет их Север по свету.
И когда он бывает таким,
словно вся замирает планета.

Разъяренная тундра страшна!
Вся в движенье.
Стеная и воя,
исступленно танцует она.
Зарывается в снег

все живое.
Вот нырнула поглубже в снега
куропаток пугливая стая.
Ветер как бы споткнулся слегка,
перед кочками встал, подывая.
И разрушил их весело вдруг.
И беда,
если ветру удастся
куропатку отбить от подруг.
Ей уже не уйти от несчастья!
Ветер вмиг обломает крыла,
станет льдинкою сердце живое...
Мы порою лишаем тепла
одинокое сердце людское.
Не хватает участия нам.
Мы порою, как Север, сердиты
и бушем, подобно ветрам,
многолетние вспомнив обиды.
Нашим криком придавленный друг
на глазах пропадает порою.
Слепотой наших северных вьюг
ведь болеет и сердце людское.
Словно Север, грозим кулаком,
опаленные злобой незрячей...
И, прозрев слишком поздно,
потом
говорим:
— Все могло быть иначе...

Эм. БОЯРШИНОВА

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Очерк

Мария Николаевна Уфимцева... Ее имя встречается на многих страницах истории революционной борьбы на Урале, в очерках и воспоминаниях старых большевиков, рядом с известными и славными именами: Федором Сыромотовым, Клавдией Тимофеевной Новгородцевой, Симой Дерябиной, Филиппом Голощекиным, Яковом Юровским...

Р. Я. Юровская, получившая в 1917 году партийный билет из рук Марии Николаевны, вспоминает о ней: «Это была скромная, беззаветно преданная делу большевичка... с большой доброй душой. Она всегда была там, где мало почестей, но много трудностей».

Мария Николаевна Бычкова-Уфимцева принадлежит к тому поколению уральских большевиков-ленинцев, о котором так прекрасно сказала уральская революционерка Сима Дерябина: «Они развертывали перед изумленной толпой одну за другой красные страницы своей яркой, красивой и разумной жизни...»

В жизни Марии Николаевны, в ее самоотверженной, радостной и тяжелой работе отразилась жизнь лучших из поколения. Каждый из них, революционеров ленинской школы, был подвижником, Человеком для людей, убежденным борцом за торжество на земле социальной справедливости.

Гимназия

В самом конце века, в 1900 году, из поселка Назепетровского завода приехала в Екатеринбург семья Бычковых.

Отец, Николай Васильевич, был сельским учителем. Ради дочери оставил он свою народную школу, устроившись в городе служащим на железной дороге: пришла пора учить дочек в гимназии — Анне было уже четырнадцать, Марусе исполнилось десять лет.

Бычковы сняли скромную квартиру. Мать, Ольга Васильевна, стала прирабатывать шитьем

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Я снегом умывался по утрам,
и розовым огнем горело тело.
Я шел навстречу бешеным ветрам,
бродил по самым дальним тропам смело.
Болезнь любая обходила дом,
лишь понаслышке знал об этом горе.
Как будто солнце теплым языком
мои мгновенно слизывало хвори...
И мне казалось:
буду жить века!
Но вышло так,
что я лежал в больнице.
И висла моя правая рука,
как малицы пустая рукавица.
Помощница моя,
кому теперь

доверю мысли записать!
Нескоро
ты оживешь...
Чуть приоткрыта дверь
моей палаты в сумрак коридора.
В конце его есть помещенье.

В нем
в стерильных стенах операционной,
как лебеди,
склоняясь над столом,
врачи борьбою заняты бессонной.
И вдруг среди больничной тишины
услышал тихий я напев, в котором
узнал я всплеск тугой обской волны
и гул ветров, летящих по просторам.
Взглянул я на соседа — старика.
Стонал он,
грудь его вздымалась трудно.
И чтобы боли заглушить слегка,
он тихо пел,
припоминая тундру.
Его глаза запавшие пусты.
И слиплись космы ягельного цвета.
И я подумал:
«Неужели — ты!

Анюта поступила в первую гимназию и теперь готовила в третий класс младшую сестру.

В архиве Второй Екатеринбургской гимназии (в 1903 году — прогимназия) есть упоминание о Марусе Бычковой: в результате приемных испытаний, проходивших 23 августа 1903 года, принята... в числе других «девиц».

Отныне каждое утро Маруся будет ходить по Покровскому проспекту к дому Бабушкина, где на втором этаже разместилась новая гимназия.

Его высококоротые господин председатель педагогического совета тщательно подбирал учителей, сверяясь с секретными бумагами, в которых были перечислены лица, уволенные из учебных заведений «за неблагонадежность».

Оказывается, в мае того же 1903 года заявление о приеме в учительский состав подавала К. Т. Новгородцева, вернувшаяся в родной город из Петербурга. «Имею честь заявить, — писала она, — что мне было бы желательно вести уроки истории во вновь открываемой городом и земством прогимназии. Кроме того, как бывшая слушательница Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования (проф. П. Ф. Лесгафт), я могу предложить заниматься гимнастикой и играми».

Было ли известно властям о «неблагонадежности» Новгородцевой или по каким-то другим причинам — Клавдии Тимофеевне отказали в работе.

Судя по протоколам, не очень охотно была принята на должность учительницы Елизавета Наркисовна Удинцева (урожденная Мамина). Но именно она, сестра уральского писателя, учила Марусю русскому языку.

О том, как училась Маруся, свидетельствует награда первой степени за отличные успехи и поведение.

— Тихая была, добрая, вспыльчивая, мечтательная... — вспоминает ее родная сестра Анна

Николаевна Бычкова. — Любила и жалела всяких зверюшек... Очень любила книги, много читала.

Летом 1904 года семью Бычковых постигло горе: умер отец. Марусю потрясла эта утрата.

...Однажды — был церковный праздник — Маруся перед обедом попросила Ольгу Васильевну:

— Мама, поставь, пожалуйста, еще одну тарелку. К нам кто-то придет...

Ольга Васильевна не очень удивилась просьбе — мало ли бывает гостей в их доме — и поставила лишний прибор. Маруся сидела за столом, таинственно замкнутая, почти не притрагиваясь к еде, вздрагивая от каждого шороха за дверью... Никто не пришел. А ведь бог обещал ей, что именно в этот праздничный день вернется отец.

Маруся отказалась идти с мамой и сестрой в церковь, тихо объяснила:

— Я буду ждать, к нам кто-то придет...

Вечером Ольга Васильевна вернулась домой в тот самый момент, когда Маруся нестепленно срывала иконы, с проклятиями и рыданиями бросая их в горящую печь...

На одном из заседаний педсовета гимназии отмечалось, что попечителем учебного округа «остановлено внимание на проступках Брюхановой и Бычковой по отношению к отцу законоучителю». Что за проступок совершила Маруся — не сказано.

Арест

Июньской ночью 1907 года гимназистку Марусю Бычкову, технического секретаря областного комитета партии, арестовали.

Нет, она не испугалась, она была готова к этому: слишком много товарищей арестовано — и в Екатеринбурге, и в Перми... Просто в первые минуты охватило беспокойство: как быть с по-

Прославленный охотник, ты ли это!
Какая-то болезнь бродила в нем,
высасывала, как из кедра, соки.
Сжигаемый неведомым огнем,
лежал он, похудевший, одинокий.
Обвисла кожа,
словно бы едва
держалась, как кора березы ветхой.
Он как бы языком строгал слова,
чтоб строчка песни получалась меткой.
Дарила песня радость старику,
немного,

но от боли отвлекала...
Мотив летел, подобно ручейку
в просторы бесконечные Ямала.
Я слышал в ней,
как тихо по снегам
мороз на ледяных крадется лыжах.
Как дым костров уходит к облакам,
и как бегут стада оленей рыжих.
И эта песня на своей волне
укачивала, словно в колыбели.
И я уснул,
но до утра во сне
ее мне ветры и дороги пели.
А утром я увидел,
что пуста,

кровать охотника.
И песня недопетой
останется теперь уж навсегда.
Старик прощался с тундрой песней этой.
На полуслове прервана она
и что-то досказать мне не успела...
Скрипят полозья нарт,

освещена
сиянием равнина тундры белой.
И ветра нет,
но сонные снега
поют,
когда мороз встает на лыжи...
Я не дослушал песню старика.
Но сердцем я ее все время слышу.

Перевел с немецкого Аркадий Канькин.

рученными ей делами? Завтра принесут литературу, которую надо отправить, надо бы предупредить «квартирантов»... Была бы дома Анюта! Но она еще в Шемахе (Анна после окончания гимназии работала учительницей в Шемахинском заводе).

Пристав, пропустив вперед «барышню», сел рядом с ней, и пролетка загромычала в темноте по булыжникам.

— Вы такая молоденькая, — заговорил пристав, — мне стыдно вас везти в тюрьму...

Маруся, не повернув головы, быстро ответила:

— Зачем же вы несете такую позорную службу, за которую самому стыдно?

Маруся подняла голову, увидела яркие звезды. И вдруг ей подумалось: пусть ее везут в тюрьму — все равно революция будет, будет! Ее везут в тюрьму... Значит, полиция считает ее, Марусю Бычкову, опасной. А ей казалось, что она еще так мало сделала для революции...

Через два месяца в женскую тюрьму, где сидела Маруся, привели и Анюту, которая, вернувшись в Екатеринбург, заменила сестру на партийной работе. Они оказались в одной камере: Клавдия Тимофеевна Новгородцева, Сима Дерябина, сестры Бычковы.

4 ноября 1907 года екатеринбургский полицейский доносил пермскому губернатору:

«По Златоустовской улице в доме Осокина № 33 квартирует без определенных занятий крестьянка Нижегородской волости, Красноуфимского уезда, Ольга Васильевна Бычкова, 41 года, у которой дочери Анна и Мария Бычковы содержатся в настоящее время в порядке охраны в Екатеринбургской тюрьме за принадлежность их к социал-демократической рабочей партии, причем Анне Бычковой уже предъявлено обвинение по 102 ст. Уголовн. Улож. и она числится содержанием за судебным следователем по важнейшим делам... Неоднократными обысками было установлено, что квартира Ольги Бычковой служила

притоном революционеров, за ней было установлено наблюдение. 28 минувшего октября в квартире ее вновь оказались на жительстве с подложными паспортами нелегальные лица...

Донося о вышеизложенном, имею честь просить Ваше превосходительство о выселении Ольги Васильевны и дочери ее Марии Николаевны Бычковых из города Екатеринбурга, как лиц весьма вредных в политическом отношении».

В марте 1908 года Маруся вместе с матерью была выслана в Челябинск, а Анюту после суда отправили из тюрьмы на вечное поселение в Сибирь.

Весна семнадцатого

Февральская революция застала Марусю Бычкову вновь в Екатеринбурге. Она работает корректором в редакции газеты «Уральская жизнь». Здесь ее знают под новой фамилией — Уфимцева. У нее два маленьких сына.

Мария Николаевна избрана в Екатеринбургский комитет партии, она — член Совета рабочих и солдатских депутатов, гласный городской думы, где ведет работу в комиссии общественного призрения — по организации детских учреждений.

Анна Константиновна Лирман, член партии с февраля 1917 года, рассказывает:

«Впервые увидела и услышала Марию Николаевну на митинге женщин 9 марта 1917 года. Ей, видной общественнице, подпольщице, Екатеринбургский комитет РСДРП поручил провести этот первый в городе женский митинг. Его намечалось организовать в здании кинотеатра «Художественный» (теперь — кинотеатр «Салют»), но собралось столько женщин, что митинг пришлось проводить прямо на улице... Мария Николаевна

ИДЕМ НА ВЫ!

Е. Расторгуев
(г. Вологда)

выступала с балкона. Говорила она о положении женщины в царской России, о правах, которые мы получим с победой революции. Очень доходчиво говорила, взволнованно... Когда Мария Николаевна закончила речь — словно буря поднялась. Каждой из присутствующих хотелось высказаться, узнать, чем она сможет помочь общему делу. Мария Николаевна едва успевала отвечать на вопросы... Расходились, когда уже стемнело, пели песни, настроение у всех праздничное. На другой день сотни женщин пришли просить работы».

Особенно много дел было у Марии Николаевны в Екатеринбургском комитете РСДРП, где она несла обязанности казначея и замещала секретаря, вела прием в партию, собирала взносы, выдавала партбилеты, напутствовала молодых членов партии... Это было время бурного роста большевистской организации: сотни передовых рабочих вставали в партийные ряды.

В начале апреля на Урал приехал Яков Михайлович Свердлов и сразу занялся подготовкой областной партийной конференции, которая состоялась 14—15 апреля. Уфимцева была одним из 65 делегатов этой — Первой Свободной Уральской — конференции.

Этой весной сестры Бычковы встретились после долгой разлуки: Анна вернулась из Америки, где пять лет жила в эмиграции. На другой же день она явилась в партийный комитет и вскоре уже работала секретарем Союза металли-

стов. Мария Николаевна стала членом редколлегии и секретарем редакции первой большевистской газеты «Уральская правда» (с 6 сентября 1917 года — «Уральский рабочий»).

Работы у сестер прибавилось.

«Мы наш, мы новый мир построим»

Из анкеты 1920 года:

Фамилия, и. о. — Уфимцева Мария Николаевна. Должность — член коллегии губсобеса, заведующая отделом.

Где работали раньше? — 1918 — заведующая бюро печати политотдела штаба Третьей армии. 1919 — в редакции газеты «Известия Вятского губисполкома». Секретарство и редактирование.

После освобождения Екатеринбурга от Колчака Мария Николаевна назначается заместителем заведующего губернским собором (фактически она постоянно несет обязанности заведую-

А. Галушко (г. Хабаровск)

БУДУ ГЕРОЕМ!

шего, так как Я. М. Юровский возглавляет, кроме губсобеса, еще и губчека).

Что такое собес в 1919 году — в городе и губернии, перенесших ужасы белогвардейского террора? Трудности внутреннего положения, о которых говорил седьмому съезду Советов Ленин, — голод, кризис с топливом и сыпной тиф, — поставили собесы «в ряд ударных учреждений Республики».

Каждый день в оба собеса — городской и губернский — приходили люди и письма с просьбами о помощи. Надо было накормить и одеть тысячи голодных и раздетых, в первую очередь — пострадавших от контрреволюции, потерявших кормильцев на фронтах гражданской войны, осиротевших детей. Работа в собесе требовала героических усилий.

Каждое утро начинается с массы неотложных дел. Мария Николаевна ведет прием, читает почту, отвечает на запросы наркомата, губисполкома, передает исполкому дела, требующие его немедленного вмешательства.

Вот письмо из Карабашской волости: положение красноармейских семей самое ужасное (это семьи тех ста человек, которые были брошены белогвардейцами в шахту), а пособия не выдаются, так как заведующий волсобесом «заболел во время выдачи пособия нервным расстройством»... Сколько еще таких криков о помощи!

И снова — острейший вопрос: где взять кадры — грамотных, преданных революции, мужест-

венных людей? (Лучшие кадры — на фронте.) Уфимцевой поручили (дополнительно к прежней работе) возглавить секцию инструкторов-контролеров. 30 марта коллегия утвердила ее в новой должности.

Как ни велики трудности, работа приносила почти каждый день радость побед. Губисполком деятельно помогал в решении самых больших вопросов. Например, в мае 1920 года уже появилась возможность открыть столовую на тысячу человек и «убежище» (гостиницу) для приезжающих инвалидов — на 50 мест. Сотруднику собеса, командированному в Москву за мануфактурой, удалось привезти «192 тысячи аршин мануфактуры, 2 тысячи пар чулок, 500 пар сандалий и 80 тысяч штук пуговиц». В числе остродефицитных вещей — электролампочки, которыми снабляют красноармеек: «не более, чем одной лампочкой в 16 свеч на семью». Собесу удалось организовать в уездах мастерские для инвалидов — столярные, швейные, сапожные, которые работали на Республику.

Летом 1920 года началась перестройка органов собеса, разделение функций труда и социального обеспечения. Забота о детях передавалась органам здравоохранения и народного просвещения.

«Имея склонность к массовой просветительной работе, — писала в автобиографии Уфимцева, — я перешла заместителем заведующей и заведующей политпросветом угороно».

Ее призвание

Работа с людьми была ее призванием, ее человеческим талантом. Добрая и чуткая, Мария Николаевна умела выслушать и понять каждого человека.

Рассказывает Анна Тимофеевна Рыкова, член партии с 1919 года:

«Когда партийная организация направила меня в отдел народного образования, первой помогла мне в работе Мария Николаевна. Она ведала политпросветом, а я борьбой с детской беспризорностью.

Узнав, что я живу при детдоме, что у меня двое детей маленьких, Мария Николаевна пригласила меня жить коммуной в их доме (этот дом № 24 по улице Толмачева и сейчас стоит). Так мы и жили вместе, очень дружно — несколько семей — с 1922 до 1928 года. Хозяйничала в доме Ольга Васильевна, бабушка. Дети все были вместе...

Мария Николаевна была тогда худенькая, бледная... Всегда аккуратно одета, с белым воротничком. Гладкие светлые волосы, зачесанные назад. Чудесные добрые глаза...»

С февраля 1924 года Уфимцева — в Союзе работников просвещения. Она стала членом президиумов областного и окружного советов, председателем окружного правления Союза, а позднее — еще и директором Дома работников просвещения.

«В работе Союза, — писала она в ответе на партийную анкету, — больше всего интересует сторона политическая, перевоспитание учителя». Это было в те годы главной задачей партии, об этом писала Н. К. Крупская: стране нужны надежные педагогические кадры, их надо растить, воспитывать.

Мария Николаевна постоянно участвует в

работе методического совета ураломо, выезжает в районы, организует учительские курсы, выступает на собраниях актива работников просвещения.

— Тут уж она пропадала днями и ночами, — вспоминает Анна Николаевна об этом периоде жизни сестры.

Рассказывает Евдокия Степановна Пентюрина, член партии с 1929 года:

«Я, можно сказать, воспитанница Бычковых. С тех пор, как приехала из деревни в 1921 году, жила в их доме как член семьи. Мария Николаевна устроила меня работать в типографию, потом — на подготовительные курсы рабфака. Сама она редко бывала дома — всегда на ответственной работе, а находила время проверять, как у меня идет учеба, работа, помогала в комсомольских делах. Бывало, принесет мне билет в театр. «Да некогда мне, — говорю, — по театрам ходить, учиться надо». А она отвечает: «Театр, Дуся, — та же учеба».

Жить было трудно, на все времени не хватало. Иногда приходилось выбирать: то ли бежать на собрание, то ли засесть за уроки или пойти на субботник. И отдохнуть когда-то надо. Мария Николаевна подумает и скажет: «Важнее — субботник. Страна у нас строится, нужны рабочие руки. А потом будем богаты — будем отдыхать».

Когда я порой жаловалась на усталость, она говорила: «Никогда не падай духом. Упадешь — поднимайся и снова иди». Словом, на каждом шагу поддерживала меня. И мне передавались ее энергия, выдержка, требовательность.

Мы, комсомольцы, работали на строительстве Уралмаша. Многие тогда сомневались, что удастся в срок построить такой небывалый завод. Мария Николаевна говорила мне: «Не позволяй сомневаться. У нас на Урале не то еще будет!»

Секрет счастья

С 1929 года Мария Николаевна работает в областной Контрольной комиссии — ответственным секретарем партколлегии и членом Президиума. Органам партийного контроля и Рабоче-крестьянской инспекции партия поручила выполнение «главной, — как писал Ленин, — труднейшей, благороднейшей задачи революции» — организацию управления социалистическим государством.

Листая необъятный архив уральского Рабкрина (протоколы объединенных заседаний Президиума областной Контрольной комиссии и областной РКИ), можно представить, какие масштабы и полномочия были у этой организации.

Президиум и коллегия заседают каждые пять дней, и во всех заседаниях — на протяжении более четырех лет — принимает участие Уфимцева, выступает, докладывает, предлагает, готовит решения. Вопросы обсуждаются самые разнообразные: о строительстве Сухоложского комбината, о проверке и чистке аппарата Свердловского горсовета (председатель горсовета — А. Н. Бычкова), о развитии движения двадцатипяти тысячников, об ударничестве, о партийной дисциплине на Магнитострое (докладчик — Уфимцева)...

Анна Константиновна Лирман рассказывает, что много лет спустя встретила на курорте женщину с Урала, дело которой проходило через партколлегию.

— На всю жизнь благодарна Уфимцевой, —

сказала эта женщина.— Она вернула мне не только веру в себя и уважение людей, она к жизни меня вернула.

М. И. Калинин говорил:

«Самое ценное у партийного работника, чтобы он сумел празднично работать и в обыкновенной будничной обстановке, чтобы он сумел изо дня в день побеждать одно препятствие за другим... Для того, чтобы работать в партии, где самая работа является до известной степени подвижничеством, и для того, чтобы находить наслаждение, находить интересы в этой подвижнической работе, надо быть глубоко убежденным в правоте и в красоте тех принципов, за которые мы боремся...»

Лучше не скажешь — в чем талант и в чем секрет счастья таких подвижников, как Мария Николаевна Уфимцева.

В 1936 году ей пришлось по состоянию здоровья оставить работу: сказались перенапряжение сил, неимоверная нагрузка, которую она несла почти без отдыха с 1919 года.

Сыновья выросли, уехали, окончили институты. Старшая сестра с осени 1931 года работает в Москве секретарем ЦК Союза работников про-

свещения. Мария Николаевна живет вдвоем с дочкой. Она — на пенсии, но по-прежнему не сидит без дела. В письмах к сыновьям и сестре она сообщает: приглашают выступить в пединституте, ячейка поручила провести беседу, делала доклад о Парижской коммуне, «работаю в библиотеке».

«Мне очень жаль, что я не могу исполнить просьбу Бори сейчас же уехать к нему в Москву. Знаю, что для него и Котьки это нужно. Но я еще надеюсь на себя, что я могу быть полезна партии. А уехать к нему сейчас — это значит рисковать самым для меня, пока я жива, ценным — возможностью общественно-партийной работы. Для этого должна доказать, что даже больного старого большевика можно употребить в дело...»

...Охота жить и работать в такое время, замечательное время! И злость разбирает на свои недуги. Ребенки, вы счастливые люди, что еще молоды и набираете сил и знаний для борьбы за мировую революцию!»

То, о чем мечтала революционерка Мария Уфимцева, вершится в нашей сегодняшней жизни руками и сердцами тысячи тех, кому она передала, как эстафету, знамя борьбы за коммунизм и свой талант Человека для людей.

ЛЕТО

В. Горных (г. Челябинск)

Сабля кавалерист-девицы

Кавалерист-девицей называли современники героиню Отечественной войны 1812 года Надежду Андреевну Дурову. Известно, что была у нее боевая сабля. Но сохранилась ли она?

Раскрыть загадку взялся Кировский краевед Василий Георгиевич Пленков. Им найдены исторические документы, свидетельствующие о том, что боевая сабля героини долгие годы хранилась в Вятке (старое название Кирова). Она была завещана Н. А. Дуровой дальнему родственнику, молодому офицеру Дмитрию Валькову. Тот служил в Вятке и, видимо, там умер. Во всяком случае В. Г. Пленков установил, что в начале нашего века в городе жили Александр Дмитриевич и Петр Дмитриевич Вальковы. По всей вероятности, сыновья обладателя знаменитой сабли.

Остается выяснить, где живут сейчас потомки Вальковых, кому передана сабля ее последними владельцами? Краевед надеется на помощь следопытов.

Вятский комментарий к пушкинской строке

Помните у Пушкина: «Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей»? Что и говорить, ситуация явно скалочная. Но другого мнения придерживаются на этот счет Кировские этнографы. Оказывается, до недавнего времени в древних вятских лесах встречались точь-в-точь такие же избушки. Без окон, без дверей. На «курьих ножках» — высоких пнях с обнаженными корнями строили когда-то здешние охотники в самых глухих местах маленькие домики-лари, в которых хранили огнестрельные и съедобные припасы, а также добытые трофеи. Высокие пни защищали кладовые от разорения лесными зверями, предохраняли от вешних вод и глубоких снегов.

А совсем недавно в Кировской области обнаружена целая изба на «курьих ножках». Только на этот раз довольно просторная — с окнами и дверями. Дом этот стоит на окраине деревни Замежница. Массивный сруб его прочно держится на смолистых сосновых пнях. Срублена изба за два года до рождения Александра Пушкина — в 1797 году. За все это время не один раз изна-

шивалась кровля, ремонтировалась печь, но надежно несут на себе избу все те же «курьи ножки», заменявшие русским умельцам каменные фундаменты.

Трубка бурлацкой артели

В экспозиции Стерлитамакского краеведческого музея выставлена грубо сделанная деревянная трубка. Ей более 150 лет. Длина трубки без малого четверть метра, а чтобы наполнить ее табаком, понадобится целая табакерка.

Трубка — не сувенир. Ее последнему владельцу, старожилу города Павлу Коробову, трубка досталась от прадеда. Семейное предание рассказывает, что прадед состоял в бурлацкой артели, сплавлявшей знаменитую илецкую соль от стерлитамакской пристани по рекам Белой и Каме на Волгу. Трубка была одна на всю артель. Чтобы не тратить попусту время на перекуры, она передавалась от одного бурлака к другому и была чем-то вроде символа бурлацкого братства.

Портрет, нарисованный... буквами

На четвертом этаже Пермской публичной библиотеки на столике стоит необычный портрет Максима Горького, чье имя носит библиотека. На портрете не видно следов кисти. Весь он словно соткан из рукописных строк горьковского рассказа «Мальва».

Такую поистине титаническую работу мог проделать человек, крепко полюбивший героев горьковского рассказа. Им был некто С. Хазин. Его автограф сохранился в нижнем углу оригинального портрета, выполненного в самом начале нашего века.

Подарил портрет старейшей уральской библиотеке (она основана в 1931 году) один из ее бывших читателей — министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР К. И. Галаншин.

А. НИКИТИН

КАМЫШЛОВЦЫ- СОЛДАТЫ КУТУЗОВА

«1812 год — это народная эпопея, память о которой перейдет в века и не умрет, пока будет жить русский народ», — справедливо сказал великий русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин. Участие в этой эпопее приняли и уральцы:

В июле 1812 года крестьяне Белярской, Камышевской и других слобод уже знали, что «француз идет к Москве». 5 августа начался рекрутский набор на пополнение Екатеринбургского пехотного полка. Сохранился документ, в котором подчеркнуто, что Урал дал для обороны России цветущих людей «ростом в два аршина и три вершка, а легами не моложе 18 лет и не старше 37».

Этим же августовским днем в тогдашней слободе Камышевской напутствовали рекрутов из Камышловской и Маминской волостей Петр Бирюков и Илларион Чирков. Как водилось, всем населением отслужили торжественный молебен во имя победы русского воинства.

Полк под командованием генерал-майора Окунева вскоре отправился в действующую армию.

18(30) марта 1814 года русские солдаты вошли в Париж, где в боях при штурме Монмартра отличился и Екатеринбургский полк, на знамени которого золотом засияли слова «За отличие в 1814 году против французов».

Многие годы меня интересовало: кто из моих земляков-камышловцев был героем, дошедшим до Парижа, но ни в капитальных монографиях, ни

в архивах я не мог найти ответа. Солдатские имена для русского дворянства не имели ценности, и поэтому в архив-

ных документах о солдатах встречаешь лишь общие рассуждения.

Зато краткие записи в церковных книгах Камышевской волости за 1814—1817 годы сохранили несколько имен тех солдат, кто, побывав в Европе, вернулся домой. Так, зарегистрирована женитьба 27-летнего черноусовского унтер-офицера Захара Ваганова на вдове его друга-солдата односельчанина Георгия Поскочина, погибшего в походе на Париж.

Сам Захар Ваганов участвовал в штурме Монмартра, имел за отличие солдатский знак Георгиевского креста. Не случайно же он носил такой высокий для «мужика» армейский чин!

Таким же знаком отличия был награжден житель Камышевской слободы, возвратившийся в 1817 году, солдат Ефим Коровин. Записи показывают, что он был знатным и желательным кумом во многих семьях камышевцев.

В деревушку Ключи в 1816 году вернулся из заграничного похода солдат Петр Бородулин. Имя его до 1820 года трижды встречается на страницах книги регистрации о рождении жителей Камышевской слободы. Он стал отцом трех дочерей.

Тут же мы находим имена солдатских вдов. Так, 22-летними вдовами остались солдатские жены Евдокия Кучина, Мария Бочкарева из деревни Головыриной, Ирина Волкова и Мария Соловьева из Черноусовой. У них на руках осталось по ребенку. А вот многолетние вдовы-солдатки — Дарья Епимахова из Златогоровой, Евдокия Томилова из Камышевой (кстати, их потомок Василий Томилов в 1918 году погиб в борьбе с белогвардейцами на посту военкома волости), Евдокия Макарова из Банниковой. К сожалению, имена их мужей, солдат, погибших где-то в боях на европейских полях, не известны.

АРК. КОРОВИН, краевед

НОВЫЕ РУБЕЖИ ФАНТАСТИКИ

«Фантасты всегда могут ответить ученым: давайте какие угодно открытия — мы вас перегоним!...» Этими словами заканчивалась статья известного советского фантаста Генриха Альтова «Мечта... гипотеза... реальность!» («Уральский следопыт», 1967, № 11). В статье рассматривались соотношения, сложившиеся между фантастикой и наукой, прослеживались удивительные судьбы отдельных фантастических идей.

Со времени опубликования статьи прошло немногим более трех лет. Но научно-технический прогресс развивается в наши дни поистине небывалыми темпами; многое из того, что еще вчера казалось чуть ли не несбыточной мечтой, сегодня перешло в ведение научно-исследовательских институтов и экспериментальных лабораторий. Ярким подтверждением тому — «Луноход-1», 17 ноября минувшего года начавший «наматывать» на колеса первые метры лунных дорог... Остались ли границы между наукой и фантастикой прежними? А если изменились, то в чью пользу — науки или фантастики, которая ведь тоже не дремала, не стояла на месте, тоже развивала и совершенствовала уже найденные, выискивала новые идеи!

По просьбе редакции Г. Альтов вернулся к этой теме. Размышления писателя — перед вами.

Выступая в дискуссии о фантастике, — а такие дискуссии в последние годы идут почти непрерывно, — профессор Д. Франк-Каменецкий решительно «отлучил» фантастику от науки: «Научно-фантастическая литература не может быть сегодня источником новых научных идей, новых открытий». И объяснил: наука быстро идет вперед, фантастика безнадежно отстала, она может быть теперь лишь средством занимательного отдыха, не более. «Отлучение», однако, не было подкреплено фактами. И это не случайно: факты свидетельствуют, что кладовые фантастики далеко не исчерпаны. В тот день, когда «Литературная газета» напечатала статью Д. Франк-Каменецкого, я внес в свой список «Фантастика и наука» сразу три фантастических идеи, ставших реальностью.

Среди этих идей — подводный скафандр с плавниковым двигателем. Тридцать лет назад такой скафандр был описан в романе Г. Адамова «Тайна двух океанов». Впоследствии фантасты развили эту идею: плавник надо приводить в действие энергией сжатого воздуха, запасенного в баллонах акваланга. И вот в 20-м выпуске сборника «Спортсмен-подводник» появилось сообщение о двигателе «Рыбий хвост», работающем именно на энергии сжатого воздуха. На глубине 30 м гидронавт может проплыть с помощью «Рыбьего хвоста» 4,5

км со скоростью 2,4 км в час. В ластах при этих условиях удавалось проплыть всего лишь 0,85 км.

Устройство «Рыбьего хвоста» отличается удивительной простотой. Вероятно, конструкторы, создававшие до сих пор оборудование для гидронавтов, тоже видели в фантастике лишь средство занимательного отдыха, иначе «Рыбий хвост» появился бы намного раньше...

И все-таки профессор Д. Франк-Каменецкий отчасти прав. Дело в том, что фантастика — как и вообще художественная литература — дает читателю то, что он, читатель, хочет и может получить. Отнеситесь к фантастике как к легкому и занимательному чтению — и вы действительно получите прекрасное «средство отдыха». Если же вы пойдете к фантастике серьезно, присмотритесь к поднимаемым ею проблемам — вы увидите подлинную литературу, заставляющую думать о радостях, горестях и надеждах XX века. Фантастика многолика. Она может служить великолепным генератором научно-технических идей. Может — порой на чисто юмористических сюжетах — развивать и отшлифовывать воображение. Может формировать тот высокий душевный настрой, без которого нелепыми подвиг. И еще: фантастика умеет видеть контуры грядущего. Развитие науки не сделало ее близорукой.

Именно об этой стороне фантастики — о контурах грядущего, увиденных писателями-фантастами, — и пойдет речь в данных заметках.

Сейчас фантастика энергично обновляется. Под натиском науки уходят в прошлое многие традиционные темы, сюжеты, идеи. Фантастика выдвигается на новые рубежи. Пожалуй, наиболее отчетливо это видно на «космической» ее разновидности; в последние годы наука здесь особенно настойчиво теснила фантастику.

Взять хотя бы одну из самых популярных тем — полеты к Венере. Вспомним, например, «Прыжок в ничто» А. Белыева, «Аргонавтов Вселенной» В. Владко, «Сестру Земли» Г. Мартынова, «Астронавтов» С. Лема, «Страну багровых туч» А. и Б. Стругацких. Венера в этих романах удивительно походила на нашу планету. А в кинофильме «Планета бурь», снятом по повести А. Казанцева, Венеру вообще нельзя было отличить от Земли: зрители видели земное небо, земные леса, земные моря...

В мае 1969 года советские автоматические станции «Венера-5» и «Венера-6», достигнув Венеры, сообщили: температура на участке спуска до 320 градусов, давление в 27 раз больше земного. Если внести поправки на высоту, получается, что на поверхности Венеры температура должна быть около 500 градусов, а давление до 140 атмосфер! Вместо по-земному уютной планеты —

раскаленный шар с чудовищно мощной атмосферой, на 97 процентов состоящей из углекислого газа...

Луна, Венера, Марс издавна были местом действия фантастики. Теперь они стали местом действия науки. Надо признать: фантастика без особой радости покинула освоенные ею планеты. Она пыталась упорствовать: нет, говорила она, на Венере нормальная температура, там есть высококоразвитая цивилизация, стоят города, текут реки, бьются о скалы зеленоватые морские волны... Как же совместить это с точными данными науки? Очень просто, отвечал Михаил Михеев, автор рассказа «Далекая от Солнца». Хитрые венериане перехватывают межпланетные станции и сообщают завышенные данные о температуре и давлении. Зачем? Затем, что они, венериане, еще не готовы к контактам с земной цивилизацией. Кстати, и облачный покров Венеры — тоже проделка венериан, прикрывших свою цивилизацию от земных астрономов.

Прячется от землян и марсианская цивилизация с ее знаменитыми каналами. Так, во всяком случае, утверждал польский фантаст Ч. Хрущевский в рассказе «Фиолетовое озеро Оах». Марсиане перехватывают межпланетные станции и подменяют сделанные ими снимки: вместо отчетливого изображения городов и каналов земные ученые получают снимки безжизненной пустыни... Да, неохотно отдает фантастика свои исконные владения в солнечной системе! Казалось бы: пусть действие происходит на планетах другого Солнца, мало ли звезд в Галактике. Однако не так просто перенести место действия к другим звездам. Писатель может быть приверженцем «чистой» фантастики или, наоборот, сторонником фантастики научной — независимо от этого ему обязательно нужно ответить на вопрос: а как долетели герои до далеких звезд?

Несколько лет назад достаточно было магических слов «фотонная ракета». Но не зря существует научно-популярная литература: читатели теперь хорошо знают, насколько громоздко и неудобно использование фотонных ракет. Чтобы дважды — «туда и обратно» — разогнать до субсветовой скорости маленькую капсулу с одним космонавтом и дважды затормозить, нужны миллионы тонн аннигиляционного горючего («вещества» и «антивещества»). Для хранения и сжигания этого горючего необходимы специальные устройства, их тоже надо «везти», следовательно, для них потребуется дополнительное горючее. А чтоб «везти» дополнительное горючее, опять-таки нужно новое горючее...

В повести Евгения Велтистова «Глоток Солнца» межзвездный перелет осуществляется с помощью гравитационного ускорения (1). Идея выдвинута физиком Ф. Дайсоном: если полет начинается от двойной звезды, можно разогнать корабль, используя гравитационную энергию взаимного притяжения двух звезд. Корабль приобретет нужную скорость, а звезды, отдав часть энергии, несколько сблизятся между собой. Таким же образом можно и затормозить корабль на «конечной остановке». Нужно только, чтобы «конечная остановка» тоже была в системе двойной звезды.

Интересная с физической точки зрения, идея гравитационного ускорения мало пригодна для фантастики (и для реального звездоплавания будущего). Наше Солнце — одиночная звезда, которая не может быть ни гравитационным ускорителем, ни «конечной остановкой».

И фантасты ищут иные пути.

Предположим, каким-то образом удалось построить и запустить один звездолет. Будет исследована одна звезда — ничтожная частица Галактики. Потребуется миллиарды лет, чтобы постепенно совершить путешествие хотя бы на часть звезд нашей Галактики. И вот в рассказе Павла Амнуэля «Только один старт» выдвигается идея «лавинного» полета (2). Старт совершает одна автоматическая ракета, похожая на гигантскую молекулу ДНК. Ракета долетает до ближайшей звезды. Собрала и отправив на родную планету нужную информацию, проникает внутрь звезды и удваивается, создавая — подобно молекуле ДНК — своего двойника из вещества звезды. Две ракеты, заново запасшись энергией, разлетаются к другим звездам. После второго удвоения количество ракет увеличивается до четырех, затем до восьми и так далее. И каждая из них шлет на планету-прародительницу свои «разведданные».

В идее «лавинного» полета удачно сочетаются элементы науки и фантазии. Принцип саморазвития и самовоспроизведения, разрабатываемый кибернетиками для земных машин, остроумно использован писателем для неожиданного решения традиционной фантастической проблемы.

Правда, в «лавинном» полете участвуют лишь автоматические корабли. А как быть, если на корабле летят люди?

Тут фантастам приходится обращаться к откровенно условным идеям нуль-транспортировки, нуль-пространства («Час быка» И. Ефремова). Или придумывать какие-то особые виды энергии. Например, в рассказе О. Бердника «Хор элементов» корабль движется с помощью... психической энергии.

Любопытно, что «психоэнергетика» была весьма популярна в фантастике двадцатых годов, когда писатели еще не видели реального способа межпланетных путешествий. Потом стало ясно, что проблема решается применением ракетной техники, и «психомшины» исчезли из фантастических романов. Теперь «психоэнергетика» появилась на дальних — межзвездных — дистанциях; это верный признак переломного периода — нужны новые идеи.

Одна из таких идей использована в рассказе Валентины Журавлевой «Пойдем мимо и дальше». Тут нам придется обратиться к атомной физике: новая идея основана на малоизвестных фактах, наблюдавшихся учеными.

Атом водорода состоит из двух элементарных частиц: отрицательно заряженный электрон вращается вокруг положительно заряженного протона. Почти вся масса сосредоточена в ядре атома, так как протон в две тысячи раз тяжелее электрона. Но кроме протона существует и позитрон — частица с положительным зарядом и очень малой массой, равной массе электрона. Так почему бы не заменить протон в атоме водорода позитроном? Эта мысль

МОЙ
ДРУГ-
ОАН-
ТАС-
ТИКА

впервые была высказана в 1934 году, а пятнадцать лет спустя физики экспериментально обнаружили позитроний — удивительный атом, который во всем похож на водород, но легче его почти в две тысячи раз.

Позитроний неустойчив, он существует лишь полторы десятимиллионные доли секунды. Затем электрон и позитрон «каннигилируют», превращаясь в гамма-излучение. Но почти невесомый и короткоживущий позитроний успевает вступать в химические реакции, это используется в тончайших химических исследованиях.

А теперь включим фантазию. Допустим, удалось получить «позитрониевые копии» не только водорода, но и других, более сложных атомов. И не только атомов, но и молекул. Допустим также, что «полипозитрониевое вещество» (ПП-вещество) оказалось устойчивым. Напоминаю: при замене протона позитроном все остается «как было», уменьшается только масса. Машины, растения, животные, люди из ПП-вещества сохраняют все свои обычные свойства, но станут почти невесомыми. В тысячи раз уменьшится масса полезной нагрузки межзвездного корабля. «Нормальное» горючее легко разгонит до субсветовой скорости кабину и космонавтов из ПП-вещества (3). Исчезнет проблема защиты от радиации: излучение будет свободно проходить сквозь «безъядерные» атомы.

Если люди научатся превращать обычное вещество в ПП-атомы, станут реальностью самые фантастические мечты — от путешествия к центру Земли (ПП-атомы легко проникнут сквозь обычное вещество) до полетов сквозь Солнце...

Кроме полипозитрониевого вещества, можно представить себе и не менее удивительное полимезонное вещество (ПМ-вещество). Предположим, электроны в атоме заменены отрицательными мезонами. Мезон в 210 раз тяжелее электрона; чтобы сохранить равновесие, придется придвинуть орбиту мезона вплотную к ядру атома. Получится вещество, более тяжелое, чем обычное, а главное — почти не имеющее объема!

«Транспортная» фантастика в своих поисках новых идей давно отставала от переднего края научно-технической мысли. Летящая подводная лодка, придуманная еще Ж. Верном, скоро станет реальностью. Движущиеся дороги-конвейеры (5), показанные в романе А. и Б. Стругацких «Возвращение» в качестве приметы XXII века, будут построены в ближайшие десять-пятнадцать лет. Научно-исследовательский институт градостроительства, например, уже разработал скоростной пассажирский конвейер для центральных улиц Москвы. Его трассу предлагается проложить от площади Маяковского по улице Горького через Красную площадь, улицу Разина, площади Ногина и Дзержинского и проспект Маркса.

«Транспортная» фантастика в своих «проектах» до сих пор лишь увеличивала, улучшала уже существующее. Теперь совершен качественный скачок: идея использования ПМ-вещества в принципе меняет представление о будущем транспорте. Сегодня мы восхищаемся гигантскими кораблями, огромными трубопроводами, мощными конвейерами. Перевозка грузов в виде сверхкомпактного ПМ-вещества сделает транспортные средства миниатюрными, похожими на изящные игрушки.

Представьте себе этот чудесный мир, в котором человек сможет на время переходить в почти невесомое ПП-состояние, летать над землей, ша-

гать по морям, проникать сквозь любые стены. А затем, используя сверхкомпактное ПМ-состояние, путешествовать по кровеносной системе или изучать «изнутри» работу мозга...

Сегодня это кажется чистой фантастикой, как сто лет назад показалась бы сказкой наша сегодняшняя реактивная авиация.

Слова «полипозитрониевое состояние», «полимезонное вещество» сегодня звучат необычно, но, мне кажется, фантастике придется все чаще и чаще обращаться к подобным идеям. Чтобы выйти на новые рубежи, фантастика должна освоить новейшие достижения науки.

Еще недавно писатель-фантаст, описывая корабль будущего, мог ограничиться беглым сообщением о том, что на корабле стоят какие-нибудь ультрамощные двигатели. Сейчас ссылка на «ультрамощность» воспринимается читателями критически: ага, тут писатель ничего не мог придумать, тут белое пятно...

Конечно, в юмористической или приключенческой фантастике такие пятна почти неизбежны. Но в научной фантастике упоминания об «ультрамощности», «сверхпрочности» или «гиперскорости» выглядят сегодня откровенными заплатками. Одна заплатка, другая, третья — и блестящий наряд фантастики превращается в убогое рубище.

В рассказе В. Михайлова «День, вечер, ночь, утро» об архитектуре будущего сказано так: «...это архитектуре совсем других материалов и техники, задач и потребностей, и эстетические потребности тоже, очевидно, подверглись определенным изменениям». Попробуйте на основе такого описания представить себе, какая она, эта архитектура будущего! Между тем, героине рассказа, архитектору, предстоит решать — сможет ли она найти себе место в будущем. Писатель не видит архитектуру будущего, и отсутствие научно-фантастических идей оборачивается художественным проигрышем: читатель перестает сопереживать вместе с героиней рассказа.

Новые научно-фантастические идеи нужны фантастике не только и не столько для прогнозирования будущего; эти идеи, прежде всего, создают живую художественную ткань произведения. Уберите из «20 000 лье под водой» изумительный «Наутилус», и капитан Немо станет плоской схемой. Когда писатель представляет своего фантастического героя: «Это умный (талантливый, гениальный) человек», — мало одних слов. Словесный вексель должен быть оплачен золотом новых фантастических идей.

В рассказе В. Журавлевой «Снежный мост над пропастью» показана девочка, у которой специальной психологической тренировкой год за годом развивают фантазию. Девочка растет, оканчивает школу, поступает в институт, и вот однажды ей говорят: надо разгадать так называемый парадокс Грея. Суть этого парадокса в том, что дельфины ухитряются плыть со скоростью, для которой требуется мускулатура раз в десять более мощная, чем имеющаяся у них. Если бы героиня рассказа установила, что все дело в «определенных изменениях» или неких «гиперсвойствах», рухнул бы образ человека, наделенного сверхфантазией. Читатель не увидел бы сверхфантазию в действии, и вексель остался бы неоплаченным.

А вот как это выглядит в рассказе:

« — Подумай, о чем ты говоришь! — возмущалась Настя. — Как можно браться за парадокс Грея, не имея ни оборудования для опытов, ни самих дельфинов?!

Я возражала:

— Но ведь именно в этом изюминка. Представляешь, как здорово разгадать тайну дельфинов, не имея ни одного дельфина... Подумай логически, — сказала я. Когда нет доводов, всегда приходится приходить к логике, хотя логика тут как раз ни при чем.— Подумай логически. Ведь у других исследователей были дельфины, но ничего не получилось. А у тебя дельфинов нет. Следовательно, у тебя получится.

— Ну, знаешь, — возмутилась Настя. — Это такая чушь, что...

Она вдруг замолчала и уставилась на меня. Она смотрела на меня глазами цвета грозового неба, и я поняла, что дело идет на лад.

Прошло некоторое время.

«— Ладно, объясню, не кричи, — нехотя уступила Настя. — Да и объяснять-то нечего, все очень просто. Ты же сама говорила, что без дельфинов легче разобраться в этом деле. Говорила ведь? Ну, я представила себе море, представила дельфина, потом убрала этого дельфина, понимаешь?

Я ничего не понимаю. Плывет дельфин — это можно представить. А что останется, если убрать дельфина?

— Море останется, — с досадой сказала Настя. — Как ты не видишь? Это же очень логично, ты сама говорила. Останется вода, следовательно, думать надо только о воде. Без всяких дельфинов. Надо представить себе воду, ясно?

Я спросила почти наугад:

— Молекулы воды?

— Нет. В том-то и дело, что не молекулы. Если бы вода состояла из молекул, она кипела бы при минус восьмидесяти градусах. Молекулы воды объединены в группы, в агрегаты. Поэтому вода жидкая. Ну, представь себе лед с его кристаллической решеткой. Громадный кристалл — как склад на товарной станции. Так вот, когда лед тает, кристалл распадается на агрегаты. Вместо склада — отдельные ящики, ясно? В ящиках, допустим, мячи. Они вообще-то подвижны, их легко растолкать, но ведь упаковка мешает! Так и с молекулами воды. Они заперты в этих агрегатах, как мячи в ящиках. От этого зависят все свойства воды. В том числе сопротивление, которое она оказывает движению. Попробуй сдвинуть с места мячи, если они в ящиках. А дальше я рассуждала так: надо раздробить агрегаты на отдельные молекулы, тогда вязкость воды резко уменьшится».

Согласитесь, нужна действительно незаурядная фантазия, чтобы искать ключ к тайне дельфинов, не думая о дельфинах, и увидеть возможность совершенно неожиданных превращений обычной воды. Сегодня это научная фантастика, но может быть, очень скоро корабли, использующие этот принцип, совершат переворот в мореплавании (4).

Как ни странно, фантастика, посвященная перестройке нашей планеты, отстает от фантастики «космической». Об использовании внутреннего тепла Земли писал еще Жюль Верн в романе «500 миллионов бегумы». На этом фантасты остановились, и не удивительно, что современные проекты геотермальных станций (6) значительно опережают фантастику.

На грани реальности находится и утилизация солнечной энергии с помощью фотоэлементов (7), описанная в повести Г. Фивега «Солнце доктора Бракка».

Об управлении климатом писал еще в 1840 году В. Ф. Одоевский в своем утопическом романе «4338-й год. Петербургские письма». Автор вы-

шедшей недавно научно-фантастической повести «В простор планетный» А. Палей рисует картину отопления полярных областей перекачиванием воды из теплых приэкваториальных областей. Решение довольно громоздкое...

Американские фантасты Ф. Пол и С. Корнблат впечатляюще показали последствия загрязнения земной атмосферы («Операция «Венера»). Что ж, последствия хищнического отношения к природе нетрудно предвидеть. Значительно сложнее ответить на вопрос: как сделать, чтобы бурный рост промышленности и транспорта не погубил природу? Это одна из острейших проблем XX века. Здесь особенно остро чувствуется нехватка новых идей, в том числе — самых фантастических.

Трудно прогнозировать развитие литературы, но о некоторых особенностях фантастики 70-х годов можно говорить с достаточной уверенностью.

В пятнадцати томах «Библиотеки современной фантастики» около половины произведений относятся к так называемой «фантастике предупреждения». Авторы берут ту или иную отрицательную черту современности, развивают ее, продолжают — экстраполируют — в будущее и говорят: смотрите, что может быть, если вовремя не спохватиться. Для читателя 70-х годов «предупреждения» будет мало. Экстраполяцией различных тенденций занимается сейчас новая наука — прогностика. Если развитие космонавтики вытеснило фантастику с Венеры, Марса, Луны, то появление прогностики отнимает у фантастов монополию на «предупреждения». Читатель теперь вправе сказать: «Я сам знаю, что научно-технический прогресс порождает сложные и трудные проблемы, не надо меня пугать...»

Угроза планете, ее лесам, морям, атмосфере? Да. Так что же вы предлагаете?

Информационный взрыв, нарастающая специализация со всеми ее отрицательными последствиями? Да. Так что же вы предлагаете?

Возможность насильственного управления человеческой психикой, опасность превращения человека в робота? Да. Так что же вы предлагаете?

Фантастика 50—60-х годов отыскивала проблемы, фантастике 70-х годов предстоит размышлять над их решением.

Вероятно, фантастика 70-х годов особое внимание обратит на возможность изменения человека, его умственных и физических возможностей.

Иные наши современники встречают в штыки эту перспективу. «Полноте, — восклицают они, — это же противоестественно!. Человеческий организм — высшее, что создано на Земле природой! Какие тут могут быть добавки и изменения?!»

Да, человеческий организм — венец развития живого на нашей планете. Но было бы неразумным отрицать всякую возможность дальнейшего его совершенствования. Ведь это совершенствование человеческого рода происходит буквально на наших глазах. И пусть происходит оно не столь бурными темпами, как это иногда изображается в фантастических произведениях; но ведь фантастика не была бы фантастикой, ограничь она себя ролью сухого регистратора фактов.

Основываясь на фактах и допуская при этом возможность определенных тенденций, писатели-фантасты создали немало произведений, в которых показаны отдельные изменения в человеческом организме: способность видеть электрический ток («Невидимый свет» А. Беляева), чувствовать без часов время («Вас зовут Четверть Третье-

го?» В. Слукина и Е. Карташева), жить под водой как рыба («Человек-амфибия» А. Беляева), менять внешность («Открытие себя» В. Савченко), летать «без ничего» («Мечта» С. Гансовского). Но это были именно отдельные изменения: из обширного спектра человеческих качеств выбиралось что-то одно. Человек, в сущности, оставался обычным человеком. Когда речь заходила о возможности коренных изменений, даже самая безудержная фантазия становилась робкой, нерешительной. Показав человека, наделенного тем или иным фантастическим качеством, писатель спешил вернуться к «норме». Погибает человек-невидимка, уходит в море человек-амфибия, умирает голова профессора Доуэля, сходит с ума созданный хирургом сверхгениальный «человек будущего» из одноименного романа французского писателя Н. Роже... Больше того, некоторые писатели (например, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие) специально подчеркивают, что люди будущего почти ничем не будут отличаться от нас. В мире, где все непрерывно развивается, человек вдруг объявлен чем-то неизменным, застывшим...

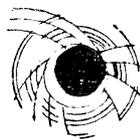
Но вот осуществлена операция по пересадке сердца. Ученые обсуждают проблему пересадки мозга. Расшифровываются тончайшие механизмы памяти. Становится очевидным: за научно-технической революцией идет революция биологическая. Научившись управлять природой, наука, конечно же, научится изменять и человека — неотъемлемую часть этой природы. Мы отнюдь не имеем при этом в виду бесчеловечных экспериментов, проводимых учеными-маньяками и целыми преступными организациями: подобные сюжеты, необычайно популярные еще пять-десять лет назад, все более отходят сегодня в область фантастики памфлетной, сатирической; принимать их всерьез становится все труднее и труднее. Попробуйте, к примеру, представить реально существующим общество, состоящее из... бронированных холодильников: в эти, гм, хранилища помещают — с целью обеспечить бессмертие — мозги индивидов, достигших определенного возраста...

Нет, говоря о биологической революции, мы имеем в виду лишь такие изменения в возможностях и функциях человеческого организма, которые для человека и человеческого общества действительно допустимы и желательны. Увидеть все многообразие этих возможных изменений человека, показать коммунистическое общество в эпоху, когда люди научатся полностью управлять своим умственным и физическим развитием, — почетная и трудная задача, встающая перед сегодняшней фантастикой.

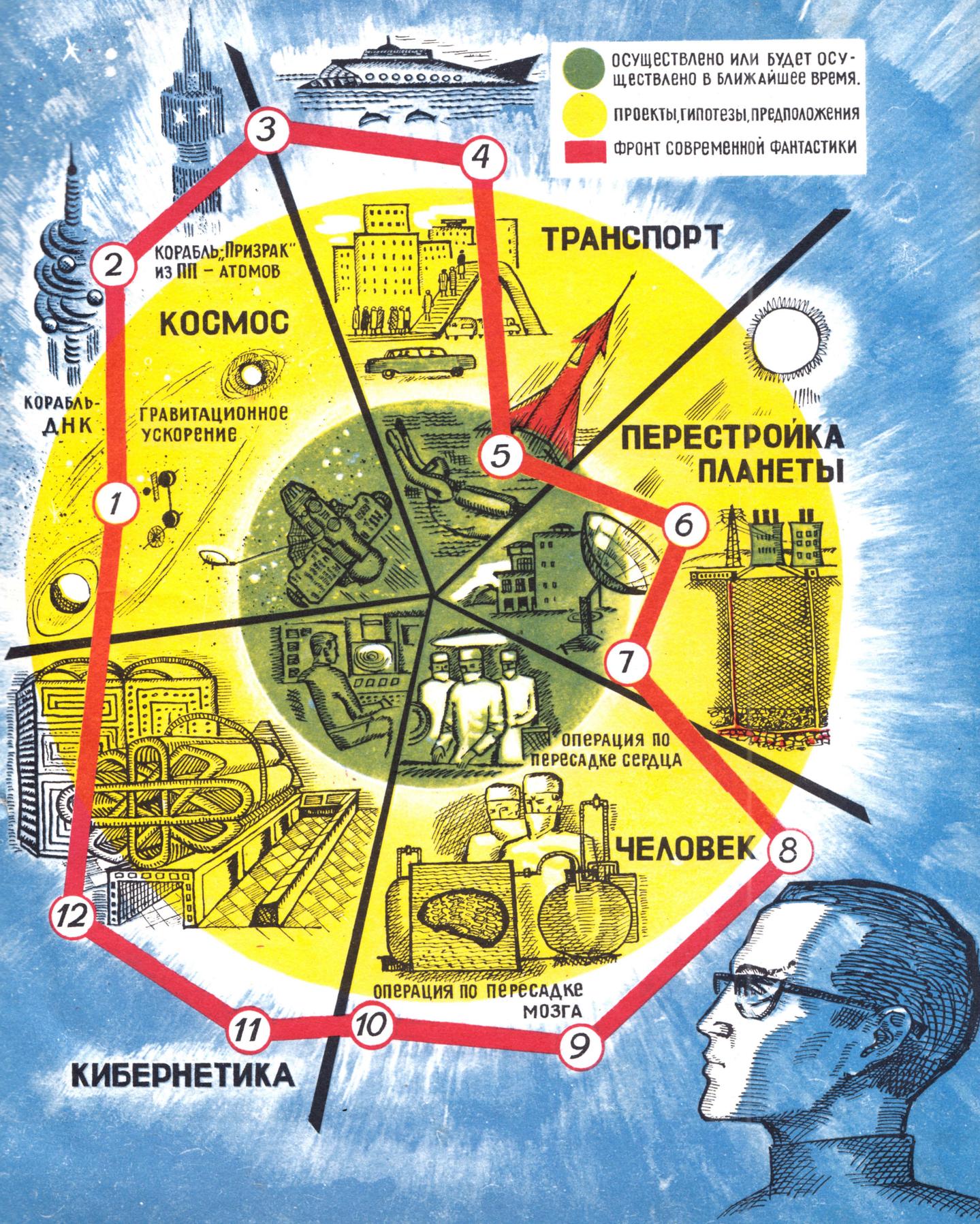
Сегодня фантастика только подступает к этой задаче. Писатели ведут разведку, нащупывая новые идеи (8, 9, 10). Как, например, изменится человек, если продолжительность жизни увеличится до 300 или 500 лет? Об этом пишет Георгий Гуревич в романе «Мы — из Солнечной системы». Нельзя ли перестроить энергетику человеческого организма, заменить пищу электрическим током (Г. Альтов «Создан для бури»? Смогут ли электронные анализаторы безошибочно определять пригодность человека к той или иной профессии (А. Азимов «Профессия», Д. Биленкин «Ошибка»)?

Электронные машины и человек... Лет десять назад «кибернетическая» фантастика обыгрывала стандартный сюжет: некий ученый создает механического человека, который в конце концов перестает повиноваться своему создателю. Сейчас фантастику интересуют куда более серьезные проблемы (11, 12). Каковы пределы развития искусственного разума (С. Лем «Доктор Диагор», «Формула Лимфатера»? Можно ли построить систему машин, способную контролировать целую отрасль науки и самостоятельно делать открытия (Г. Альтов «Машина Открытий»)?

Разведка продолжается. За последние годы на карте фантастики появилось немало интереснейших проблем. Фантастике 70-х годов предстоит пойти дальше. Проблемы найдены — проблемы должны быть решены.

- ОСУЩЕСТВЛЕНО ИЛИ БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЕНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.
- ПРОЕКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
- ФРОНТ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

КОСМОС
КОРАБЛЬ „ПРИЗРАК“
из ПП - АТОМОВ

ТРАНСПОРТ

**ПЕРЕСТРОЙКА
ПЛАНЕТЫ**

ЧЕЛОВЕК

КИБЕРНЕТИКА

ГРАВИТАЦИОННОЕ
УСКОРЕНИЕ

ОПЕРАЦИЯ ПО
ПЕРЕСАДКЕ СЕРДЦА

ОПЕРАЦИЯ ПО ПЕРЕСАДКЕ
МОЗГА

КОРАБЛЬ-
ДНК

СКОРОГОВОРКИ

Год назад в книжных магазинах Перми появилась необычная книжка, от первой до последней страницы написанная художником. Причем написанная в буквальном смысле. Имя художника Владимир Вагин.

«Потешки» — первая книжка из цикла, названного художником «театральными миниатюрами». Когда-то, в прошлом веке, в России были очень популярны «бумажные театры», действие разворачивалось прямо на страницах книги. Рисунки можно было вырезать, сделать из них декорации, фигурки героев и разыгрывать целые пьесы.

Присмотритесь внимательно к рисункам другой книжки В. Вагина «Скороговорки», которые мы публикуем на этих страницах: за каждой из русских скороговорок художник сумел увидеть маленькую сказку со своими героями, с театральной заставкой и действием в одной картинке...

Леонардо да Винчи. «Мадонна с цветком» (т. н. «Мадонна Бенуа»).
1478.

Государственный Эрмитаж. Ленинград.

КАК ПОПАЛА В ЭРМИТАЖ „МАДОННА БЕНУА“

В Астраханской картинной галерее висит портрет волжского купца Петра Семеновича Сапожникова. Его увековечить замечательного русского живописца XVIII века И. И. Аргунова. Аргунов был крепостным художником графа Шереметева и выполнял работу только по указанию хозяина, а Сапожников был близко знаком с графом — известным знатоком искусства, особенно театра.

Художник изобразил Сапожникова в непринужденной позе, сосредоточив внимание на лице купца. Кафтан с небольшими отворотами почти растворяется на темно-коричневом фоне. Черная борода и непослушно выющиеся по лбу волосы придают Сапожникову плутоватый, цыганский вид. В то же время в облике купца чувствуется сметливость, воля, упорство.

В 1802 году Петр Семенович переехал в Астрахань и стал там одним из крупных рыбопромышленников. И хотя Сапожников истово молился староверским двуперстием и частенько ездил в скиты на Иргиз и Урал, но суеты мирские быстро выветрили в нем кержацкий дух. В Астрахани он

жил на широкую ногу, начал даже собирать коллекцию картин.

Его торговое дело продолжили сыновья Александр и Алексей, которые в 1830 году создали контору «Братья Сапожниковы». Передалась братьям от отца и любовь к искусству. В небольшой, прекрасно оформленной книге «Астраханская флора. Карманная книжка на 1827 год», изданной Николаем Розенмейером в Петербурге, есть литография павильона на принадлежащем Сапожниковым Чаганском промысле.

В книжке сообщается, что это был «красивый, в новейшем вкусе отделанный павильон, окруженный великолепной колоннадой. Этот павильон был построен иждивением первостатейных купцов братьев Сапожниковых в 1825 году по случаю ожидаемого приезда Александра I».

В постройке павильона принимали участие шереметевские крепостные мастера, а внутри его были развешаны картины известных европейских и русских живописцев.

Со многими художниками Александр Петрович Сапожников был лично знаком. Покро-

вительствовал художникам и его брат Алексей. Неоднократно он выкупал даровитых художников из крепостной неволи. В Астраханском архиве хранится письмо художника Дмитрия Тимофеева, бывшего крепостного князя Гагарина, свидетельствующее, что Алексей Сапожников выкупил его на волю за 10 тысяч рублей.

Сапожниковы рады были иметь у себя личного художника для копирования редких картин, для оформления коммат и составления проектов росписей новых церквей.

По-видимому, домашним живописцем и был составлен рукописный «Реестр картин г-на Александра Петровича Сапожникова», обнаруженный мной среди писем управляющего Розенмейера Сапожникову. Просматривая эти письма, я натолкнулся на каталог, написанный на листах плотной голубоватой бумаги.

Реестр составлен в 1827 году. Он насчитывает 87 картин знаменитых мастеров. Среди них такие шедевры, как «Христос в пустыне», «Святое семейство» Ван-Дейка, «Андрей Первозванный» Рубенса, «Христос во храме» Пуссена, натюрморты Жака Жюрденса, «Суд Париса» Гвидо Рени, множество пейзажей фламандской школы, кисти мастеров Исаака Остадо, Галле, Тильбурга, новейшие творения французских живописцев.

Но самое удивительное, что в реестре упоминается «Мадонна», принадлежащая кисти Леонардо да Винчи. Той самой, которая под именем «Мадонны Бенуа» занимает теперь почетное место в Эрмитаже.

Существует предание, что, выдавая замуж свою дочь Марию, Сапожников в виде свадебного подарка преподнес ей несколько картин из своей коллекции, в том числе и «Мадонну с цветком», как тогда называли эту картину. М. А. Сапожникова, ставшая по мужу Бенуа, переехала в Петербург и увезла картину с собой, не зная, кто автор ее и какова ее ценность. Когда позднее картину случайно увидел хранитель Эрмитажа историк искусства Липгарт, он признал в «Мадонне с цветком» работу Леонардо да Винчи. Это сообщение вызвало большой резонанс в мире искусства. Журнал «Старые годы» опубликовал в октябре 1913 года статью «Новый подлинник Леонардо». В при-

П. С. Сапожников (портрет работы И. П. Аргунова)

мечении к статье говорилось: «Воспроизведение «Мадонны Бенуа» впервые появилось в «Старых годах» в 1908 году (ноябрь-декабрь), но редакция придает такое значение находке в России подлинника Леонардо, что считает полезным вновь поместить воспроизведение ее, тем более, что повседневная печать теперь обратила на нее внимание широкого круга читателей, а притязания иностранных покупателей сделались настолько настойчивыми, что вопрос о сохранении творения Леонардо в России является насущным».

Липгарт, признавая в «Мадонне с цветком» работу Леонардо да Винчи, в своих выводах опирался на подлинный рисунок Леонардо, хранящийся в Британском музее, и на мнение знатока итальянской живописи Гронау, который считал, что Леонардо около 1478—1480 годов написал какую-то картину «Мадонна с цветком» и что местонахождение ее неизвестно.

Мария Александровна Сапожникова, считая картину слишком ценной для частной коллекции, предложила ее Эрмитажу. Но, испытывая денежные затруднения, Эрмитаж приобрести картину воздержался. Тогда лондонский антиквар Дювин предложил за «Мадонну» 500 тысяч франков. Еще большую сумму предложили коллекционеры Америки.

Но в это время Российская Академия художеств признала

покупку картины желательной. Большой такт проявила при продаже картины ее владелица — она уступила картину за сумму гораздо меньшую, чем ей предлагали за границу.

В связи с этим директор королевского музея в Касселе Георг Гронау писал: «При чрезвычайной редкости работ Леонардо, продажа такого произведения в Америку была бы громадной потерей для европейских художественных собраний. Покупка же этой картины для Эрмитажа будет большой радостью для всех любителей искусства».

Но вернемся к реестру. До сего времени (видимо, ошибочно) считали, что Сапожниковым картина Леонардо была приобретена в середине XIX века, а подлинность картины определил хранитель Эрмитажа Липгарт. Однако реестр Сапожникова говорит другое. Уже в 1827 году купец-коллекционер знал автора картины. Вот что записано в реестре под № 1 (среди картин, висящих в гостиной): «Божья мать, держащая предвечного младенца в левой руке. Первоначально написана на дереве, но поверхность того переложена на холст академиком Ко-

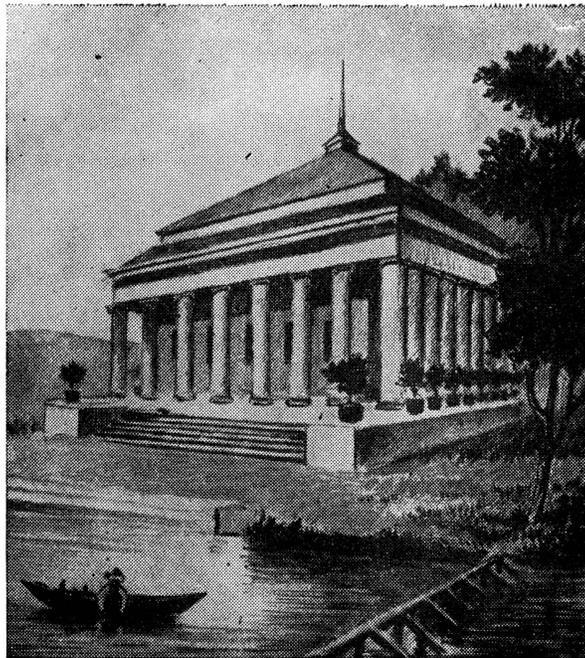
ротковым в 1824 году. Вверху с овалом мастера Леонардо да Винчи».

И еще одна неожиданность — из реестра явствует, что картина не куплена у бродячего итальянского музыканта или циркача, как считали до сего времени, а приобретена у генерала Корсакова.

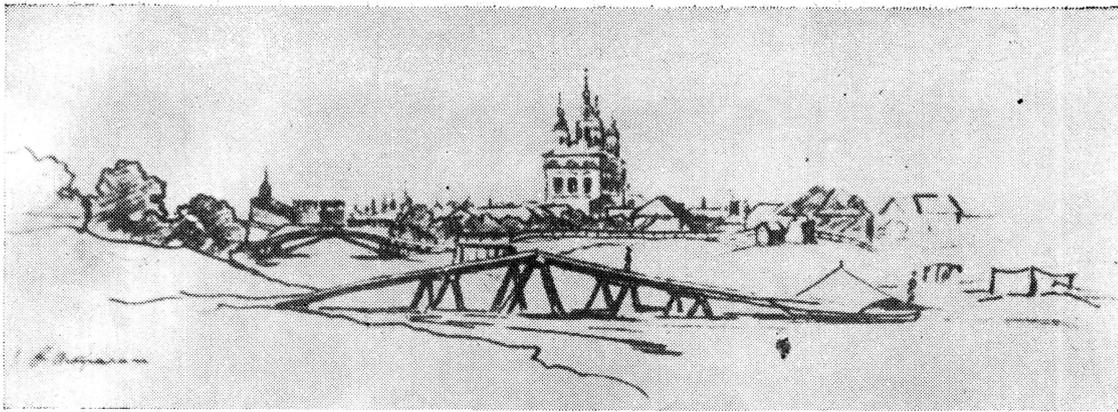
Что это та самая «Мадонна», подтверждает ее описание, данное в реестре. Особенно фраза: «вверху с овалом». «Мадонна Бенуа», как стали ее звать теперь, имеет именно овальный верх. Совпадает и «мера в раме», данная в реестре, и размеры эрмитажной картины.

В Эрмитаже имеется немало замечательных картин европейских мастеров, авторство которых пока не установлено. Возможно, что тщательное изучение знатоками реестра-каталога Сапожниковых, где дается краткое описание картин, приведет к новым приятным неожиданностям.

Среди картин в галерее Сапожниковых были произведения и русских художников. В реестре встречаются имена Тропинина, И. И. Иванова, Щедрина, Воробьева. Числится знаменитая «Кружевница»

Павильон Чаганского промысла

Астрахань. Рисунки Тараса Шевченко

Тропинина, которая теперь находится в Третьяковской галерее. Сапожниковы приобретали картины и крепостных художников. Надо сказать, что вкус не изменял им — они почти безошибочно отбирали для своей коллекции картины, отмеченные печатью таланта.

В доме Сапожниковых побывали почти все писатели, путешественники и ученые, приезжавшие в Астрахань. Картинной галереей любовались Александр Дюма, А. Ф. Писемский, путешественник и ученый К. Бэр. Побывал у купцов-коллекционеров и знаменитый поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Возвращаясь в августе 1857 году из ссылки, он несколько дней пробыл в Астрахани. И почти все эти дни находился под опекой рыбопромышленников — миллионеров. Оказалось, что сын Александра Петровича Саша был хорошо знаком с Шевченко еще по Петербургу. Как помнил его Тарас, он был тогда

«шалуном-школьником в детской курточке» и брал у Шевченко (учившегося в Академии художеств) уроки живописи.

Теперь Александру Александровичу льстило возобновление знакомства с поэтом и художником, пользовавшимся громкой славой. Желая материально помочь Шевченко и в то же время зная щепетильность поэта, Сапожников предложил разыграть в лотерею некоторые акварели, привезенные Тарасом Григорьевичем. Это были, по большей части, виды Аральского моря, сделанные во время экспедиции Бутакова, а также рисунки Астрахани. После проведенной лотереи обладателем почти всех акварелей и рисунков стал... Сапожников, но перед отъездом Шевченко он великодушно вернул их автору.

Кроме того, Александр Александрович пригласил плыть вместе с ним в Нижний. На пароходе «Князь Пожарский» не было других пассажиров,

кроме самого Сапожникова с женой и родственниками. Капитаном судна оказался также старый знакомый Шевченко, любитель литературы, человек передовых взглядов Владимир Васильевич Кишкин. Это заставило поэта принять приглашение, тем более, что пассажирских пароходов в ближайшее время не предвиделось. Заранее купленный в пароходстве проездной билет Шевченко отдал в пользу неимущих пассажиров и 22 августа отплыл из Астрахани.

Сапожниковы, поощряя даровитых художников и литераторов, искренне и глубоко любили искусство. К сожалению, их переписка с деятелями искусства, которая хранится во многих архивах России и за границей, почти не нашла отражения в нашей печати. А сколько интересных открытий ждет нас за выцветшими строками старых писем! Астраханский архив приоткрыл лишь частицу богатейшего наследия.

А. МАРКОВ

ОРИЕНТИР- ВЕТЕР

**М. СОМОВ, Герой Советского Союза,
доктор географических наук**

Ласковый, залитый солнцем осенний сад. Я сижу на веранде дачи и просматриваю свежие газеты. В глаза бросается коротенькая заметка — «Антарктическая зима».

«В районе обсерватории «Мирный» зарегистрировано интенсивное сползание в море Дэйвиса крупного ледника. Обрушился его барьер. Директор обсерватории, кандидат технических наук Д. Д. Максудов, сообщивший об этом по радио из Антарктиды в Ленинград, указывает, что подвижке ледника, находящегося юго-восточнее Мирного на расстоянии одного километра от него, предшествовало большое количество мелких толчков, вызванных упругими колебаниями льда. Они продолжаютяются и поныне...»

Максудова я хорошо знаю и уважаю. Это наш «Дим Димыч», рослый товарищ лет сорока. Кораблестроитель по образованию — кораблито и завели его в Антарктику. Немаловажная черта его — умение находить общий язык с людьми разных характеров. Каково-то ему там сегодня?

Я с жадностью прочитываю заметку, и переду мною вновь как живые всплывают дела давно минувших дней. Дней и радостных, счастливых, и полных тревоги за судьбу товарищей, оказавшихся в тяжелом положении. Просыпается даже и угрызение совести за недостаточность оказанного им внимания. Я очень отчетливо представил, как в спокойный, установившийся ритм жизни наших товарищей в Мирном ворвался неожиданный подземный толчок, ранее еще никогда не отмечавшийся, и объяснение которого они, по-видимому, смогли дать не сразу.

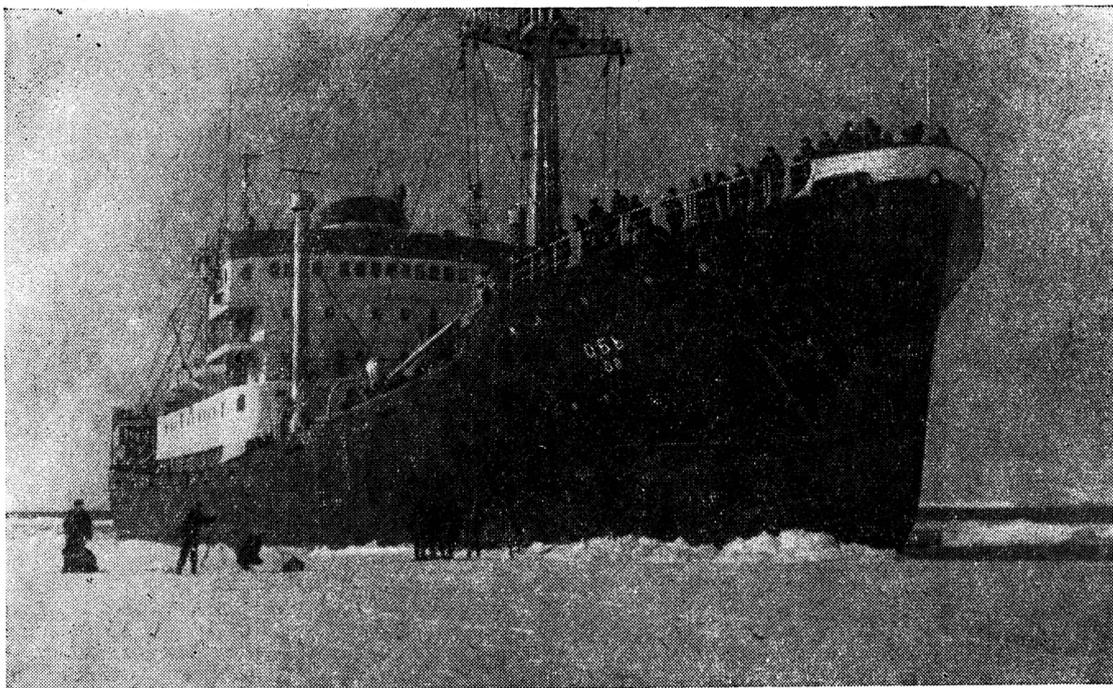
«В районе обсерватории «Мирный» зарегистрировано...» И вдруг я вспомнил один из эпизодов, имевших место еще в самом начале строительства этой обсерватории. Естественно, что одновременно со строительством продолжались об-

следования с воздуха прилегающих районов материка, притом — в широких масштабах. И вот однажды маленький экспедиционный самолет АН-2, удалившийся на большое расстояние от берега в глубь материка, потерял ориентировку: вышел из строя гироскоп. Летая уже в глубоких сумерках, самолет внезапно обнаружил небольшой, но действующий... вулкан конической формы с дымящейся вершиной. И сообщил об этом по радио нам.

Вулкан? Существование вблизи строящейся обсерватории такого беспокойного соседа, естественно, не вызвало особой радости в коллективе экспедиции. Но в первый момент мы больше всего волновались о своих заблудившихся товарищах, летавших в глубоких сумерках неизвестно где. Надо было выручать, но как? На помощь вылетел другой самолет. Он помог маленькому АН-2 сориентироваться и благополучно добраться до строящегося Мирного. После этого вопрос о «действующем вулкане» встал снова со всей серьезностью.

Самолеты летали, разыскивая злополучный «вулкан», но найти его не могли. Несколько дней спустя все разъяснилось. «Вулкан» оказался всего лишь небольшой скалой, пологий склон которой был обращен точно навстречу постоянно дующему с ледяного купола ветру. Этот ветер, сдувая снег с вершины скалы, и создавал в сумерках полное впечатление, что вершина скалы дымится.

Чужая, еще неизвестная тогда антарктическая природа подбрасывала нам неожиданности на первых порах чуть ли не на каждом шагу. Иные из них бывали куда более серьезными, чем описанный эпизод с вулканом. Порой казалось, что выхода из создавшегося положения найти невозможно, ибо его просто не существует. Тем не

«Обь»

менее, найти выход все равно было необходимо, так как впереди вырисовывался только мрачный катастрофический финал.

Что же нас выручало? Товарищеское братство. Чувство коллектива, прививаемое нам с детства. Готовность всегда, без лишних слов, пойти на выручку товарищу, выручать в беде. И для этого мобилизовать весь свой жизненный опыт, а если надо — забыть о себе. Митингов в таких случаях не устраивают. Просто делают все, что возможно.

Среди многочисленных подобных эпизодов вспоминается один, достаточно острый, заставивший меня принять на себя всю тяжесть ответственности за жизнь большой группы людей. Это произошло в Восьмой Советской Антарктической экспедиции, в 1962 году.

По окончании моей работы в качестве начальника Первой Советской Антарктической экспедиции я длительное время был занят участием в международных научных организациях, координирующих исследовательские работы различных стран в наименее изученном еще в то время районе земного шара — Антарктиде. Только в 1962 году мне представилась возможность снова принять участие в рейсе дизель-электрохода «Обь», ставшего к этому времени уже ветераном антарктических плаваний.

В этот раз на «Обь» падала очень большая нагрузка. Ей предстояло не только снабдить всем необходимым, как и в прошлые годы, основную нашу антарктическую базу — обсерваторию Мирный, но и строящуюся новую станцию Молодежная. Предстояло также завезти большое количество грузов на станцию Новолазаревскую, недавно перенесенную на новое место в глубь ледяного континента, примерно на сто километров от края медленно сползающего в море ледника.

Положение усложнялось еще и тем, что часть ранее действовавших наших станций в Антарктике была в ту пору законсервирована и личный состав их вывезен на Родину. В тот же период был вывезен из Антарктики и весь летный состав. В силу этого подход «Оби» к рейду Мирного был до крайности затруднен и замедлен. Только после того как прибывшие на «Оби» летчики собрали на льду небольшой самолет АН-6, оказалось возможным уже на вторую ночь после прибытия на рейд Мирного тщательно разведать припай. В результате была выбрана трасса будущего канала для «Оби» и ледяная дорога для доставки в Мирный тракторами на санях самых первоочередных грузов.

Припайный лед оказался сильно заснеженным и потому трудно проходимым даже для болотоходных тракторов, особенно в дневное время, когда лед таял. Несмотря на это, уже 29 декабря, используя ночное похолодание, от «Оби» двумя болотоходами был успешно отбуксирован в Мирный фюзеляж самолета ИЛ-14 на лыжах. В следующую ночь к Мирному так же успешно и с большой скоростью своим ходом переправилось совершенно неожиданного вида сооружение — самолет ЛИ-2 на лыжах, но без плоскостей, зато с действующими моторами. Какая-то огромная бескрылая стрекоза!

Разгрузка судов, несмотря на все наши старания, шла медленно. Заснеженный припайный лед, сильные штормовые ветры, препятствующие судну пробивать канал, неоднократные подходы «Оби» к «Эстонии», чтоб принять с нее грузы, — все это тормозило темпы выгрузки.

22 января со станции Молодежной вернулся самолет. Он полетел впереди «Эстонии», указывая путь в битых льдах, и вывел ее на чистую воду. «Эстония» начала свое обратное плавание

М. Сомов и капитан «Оби» О. Воденк (1968 г.)

в Ленинград, а «Обь» осталась — ей еще предстояло разгрузиться. К месту массовой выгрузки она приблизилась только 24 января. Темпы разгрузки были напряженные — до 418 тонн в сутки. Но к 29 января все было закончено.

В 5 утра 31 января «Обь» начала, наконец, обратное движение по каналу, который успел к этому времени сильно сжаться.

Длина канала уменьшилась до одной мили, а шли 36 часов. На борту «Оби», кроме экипажа, находилось 56 человек экспедиционного состава, в том числе ученые из ГДР и США.

И корабль, и люди нуждаются в пресной воде. Запасы ее следовало пополнить. В условиях Антарктики это не просто. С помощью самолета был найден айсберг, затем с него взяли 340 тонн талой воды. На это ушло более суток. И только второго февраля в 23 часа «Обь» начала движение к станции Молодежная.

7 февраля в 18.50 мы подошли к ней на расстоянии трех миль. Где и как разгрузаться? Такие вопросы не решаются быстро и единолично. Нас ждал самолет АН-6, пилотируемый С. А. Ероховым. На нем мы обследовали ледяной припай и ледяной барьер в районе станции.

Условия разгрузки судна оказались значительно сложнее, чем мы предполагали. Приходилось неоднократно менять место швартовки, чтобы на судно не обвалились огромные массы снега и льда. Большую опасность для тракторов представлял и сильно протаявший в отдельных местах ледяной припай. Почти чудом можно назвать спасение молодого парнишки-тракториста, вместе с трактором провалившегося под лед. Парень нечаянно отклонился от размеченной ледовой трассы. Трактор тотчас пошел на дно. К счастью, кабины с дверцами на нем уже не было — печальный урок Хмары¹ был учтен. Провалившись под лед, парень сумел все же сориентироваться и вынырнуть в полынью, которую пробил утонувший трактор.

Природа в Антарктиде бесчинствует, как нигде. В ночь на 16 февраля сильный штормовой

ветер сорвал «Обь» со швартовых, оборвав пять манильских концов — толстенных, могучих канатов. К полудню ветер намаялся и стих. Судно снова вернулось к барьеру, и разгрузка продолжалась.

В ночь на 17-е ветер взбесился опять. Снова оборвал швартовые концы и вырвал один из ледовых якорей, заложенных еще в 1961 году. Ветер достиг ураганной силы — 37 метров в секунду. Затем стих. Упрямая «Обь» снова вернулась к барьеру. В ночь на 18-е опять ураган. Судно удержалось — теперь ветер дул почти параллельно борту.

Только 23 февраля, пополнив запас питьевой воды, «Обь» вышла в рейс к станции Новолазаревская, выполняя попутно океанографические работы в заливе Алашеева.

Одновременно с уходом «Оби» из залива Алашеева навстречу ей со станции Новолазаревской должен был выйти санно-гусеничный поезд. Он не вышел — в районе Новолазаревской началась пурга. Как только видимость улучшилась, поезд тронулся в путь. Это было 26 февраля. Пройдя пятьдесят километров, поезд сбился с пути и зашел в зону больших ледниковых трещин. Головной тягач провалился в одну из них, но, к счастью, лишь одной гусеницей. Вытащили. Но сильная пурга долго не давала возможности сориентироваться и выйти из зоны трещин.

В ночь на 2 марта погода улучшилась настолько, что поезд смог, наконец, выбраться из опасного района. Одновременно со станции вышел и небольшой вездеход на гусеницах «Пингвин».

Утром 3 марта «Пингвин» одновременно с поездом подошел к «Рубежу». «Рубежом» новолазаревские «аборигены» окрестили обрывистый ледяной берег, медленно сползающий в океан по каменистому ложу. Прибывший к «Рубежу» поезд состоял из тягача с жилым теплым балком на прицепе и такого же тягача без балка. Тягачи привели с собой на прицепе еще двое саней с обрешеткой для различных грузов и двое саней с теплыми балками для людей и продуктов. На одних был доставлен и бульдозер, необходимый для подготовки снежно-ледяного спуска с «Рубежа» на припай, а на вторых санях — вездеход ГАЗ-47, предназначенный для связи между «Рубежом» и судном. Новолазаревская собралась принимать с «Оби» свои грузы.

С поездом прибыли также двенадцать человек из состава Седьмой экспедиции, собиравшиеся возвратиться домой. На следующий день с их помощью был подготовлен ледяной спуск на припай, через приливную трещину, и к «Оби» подведены сани под погрузку. Лишь в ночь с 5 на 6 марта погрузочные работы были полностью закончены.

С рассветом поезд в прежнем составе вместе с вездеходом «Пингвин» и вездеходом ГАЗ-47 направился на Новолазаревскую.

Я следовал в поезде вместе со всей новой сменой этой станции во главе с ее начальником В. Г. Аверьяновым. Кроме того, там было пять участников Седьмой экспедиции и двое иностранных ученых из Восьмой экспедиции — И. Энглянд из ГДР и Г. Франческини из США.

В начале пути погода благоприятствовала, но уже к девяти часам утра поезд вынужден был остановиться из-за сильнейшей пурги и полной потери видимости, хотя над головой и просвечивалось солнце. Движение возобновилось лишь

¹ О гибели Ивана Хмары М. Сомов рассказывал в очерке «У полюсов земли». «Уральский следопыт», 1969, № 4.

на следующий день, и только 7 марта в 16.30 поезд наконец прибыл на Новолазаревскую.

Передача станции новой смене продолжалась до 10 марта. За это время я смог, хотя и бегло, познакомиться с этой, вовсе не похожей на все наши уже действующие тогда в Антарктике станции. Прежде всего, здесь были озера, вскрывающиеся к антарктическому лету, правда, не всегда полностью. В солнечные дни они придавали станции какую-то домашнюю теплоту. Этому же впечатлению способствовали аккуратные беленькие одноэтажные домики и заботливо проложенные между ними через каменистые россыпи деревянные мостки.

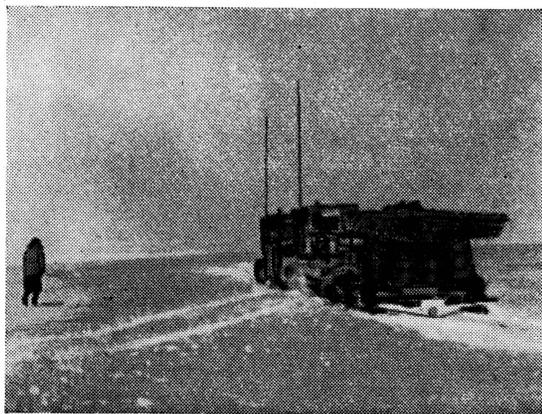
Наконец передача станции новой смене была закончена. В тот же день в 14.35 поезд отправился в обратный путь. Нас было 21 человек, в том числе и оба иностранных ученых. Мы прибыли к «Рубежу» вполне благополучно за каких-нибудь 13 часов. Испытания поджидали нас впереди.

Когда наш поезд при ярком лунном освещении подошел к «Рубежу», всех стал занимать вопрос: сможет ли он спуститься на плавучий лед самостоятельно или же для этого потребуются специальная подготовка? При первом же беглом осмотре мы установили, что без подготовки осуществить переправу многотонного тягача с берегового льда на лед плавучий через глубокую впадину, частично засыпанную рыхлым снегом, невозможно.

Но это осложнение нас не смутило. У нас был специальный трактор с бульдозерным ножом, который мог прекрасно справиться с возникшим затруднением.

Казалось, задача проста. Однако все наши попытки запустить трактор были неудачны. Мешал усилившийся ледяной ветер. Сказалась и большая усталость водителей, преодолевших на своих тяжелых машинах в эти дни огромные переходы. Преодолевших... Я мог бы сказать — «преодолевших», но в условиях Антарктики точнее сказать именно «преодолевших», потому что каждый метр, даже благополучный, приходилось преодолевать.

Запустить трактор не удалось. Однако, решив передохнуть, измучившиеся водители убедились, что все места в машинах и балках были уже заняты спящими людьми. Не будить же их! Я тоже не нашел себе места и коротал время в беседе.

Санно-тракторный поезд в Антарктике

Утром погода значительно улучшилась. Ветер постепенно стих до умеренного. Уровень моря с приливом или с нагонным ветром поднялся настолько, что тягач № 33 был без особого труда спущен на морской лед. Спуск его страховался лебедкой второго тягача, стоявшего на барьере. Вездеход ГАЗ-47 сошел на морской лед своим ходом.

На припае наш поезд, которому предстояло пройти еще несколько десятков километров до «Оби», перестроился. Хочу напомнить: мы были сейчас очень далеко от Молодежной, где проходила вся эпопея разгрузки с ее ураганами и шальными ветрами. Там «Обь» была все же близка от берега. Сейчас же перед нами раскинулось огромное пространство плавучего льда, в центре которого высился колоссальный, многокилометровый айсберг.

Наш поезд состоял теперь из мощного тягача на гусеничном ходу, на буксире которого — деревянные сани с утепленным балком. Внутри балка имела чугунная вагонная печурка и небольшой запас продовольствия и топлива. За ним следовал вездеход. Существенным недостатком тягача являлось отсутствие на нем навигационных приборов: те, что имелись, вышли из строя, а обычный компас был для нас бесполезен и мог даже оказаться вредным: на стальном тягаче он был способен, по вошедшему у нас в быт выражению, показывать разве что цены на молоко. На первом этапе пути тягач практически оказывался слепым.

Тем не менее, именно первое время поезд шел достаточно уверенно, ориентируясь на старые следы от саней и тягачей и на редкие, заранее установленные на льду вешки. Но вот видимость стала резко ухудшаться. Причиной этого была не только метель, но и тучи снежной пыли, вздымаемой гусеницами тягача и вездехода.

Старые следы исчезли — их замело, а те, которые попадались, вели в разные направления.

Вездеход ГАЗ-47, отстав от тягача, потерялся где-то в пурге. В вездеходе находилось три человека во главе с Аверьяновым. В кабине тягача и в его балке вместе со мною осталось восемнадцать человек.

К 16 часам началась общая метель. Под этим термином мы понимаем метель, охватывающую все видимое пространство, двигающуюся и по горизонтали, и по вертикали. Ветер стал достигать ураганной силы. Попытка отыскать потерявшийся вездеход с помощью сигнальных ракет с тягача ничего не дала.

Быстро темнело. Водители включили фары. В их свете заплясали снежные вихри. Искать старые следы стало бесполезно. Наш маленький поезд стоял в круговерти бешеной метели на припайном льду. Впереди еще различалась ледяная громада айсберга, заслоняющего нашу «Обь».

Потерялся вездеход... А с «Оби» радиовали: барометр падает, видимость ухудшается, зыбь усилилась. Значит, в открытом океане крепчает ветер. А это непременно приведет к взлому припая. «Обь» спрашивала: почему поезд движется так медленно? На припае вблизи стоянки судна уже появились трещины. Надо торопиться.

Мы торопиться не могли — искали вездеход. В нем было трое наших товарищей, без радиосвязи, почти без продуктов и с ограниченным запасом бензина.

М. Сомов на австралийской антарктической станции.

Они могли замерзнуть. А если они двинулись вслепую — могли выйти к кромке припая и утонуть.

На «Оби» наше сообщение вызвало серьезную тревогу. Не поискать ли «газик» с помощью радара? — предложил капитан Воденко. И объяснил: на экране локатора в штурманской будке видно несколько точек. Одна из них могла быть тягачом с балком, другая — вездеходом-«газиком».

«Обь» предложила нам начать движение по прямой, чтобы разобраться, что есть что. Так был запеленгован наш тягач с балком. Теперь «Обь» давала нам указания, стараясь навести нас на одну из неподвижных точек, светившихся на экране. Точка могла оказаться «газиком».

Но легко сказать: навести на точку. Практически это делалось так: водитель тягача, рослый богатырь в антарктической «спецовке» — зипных куртке и брюках на меху — и в кожаной ушанке, в вое пурги улавливал вдруг отчаянный стук за спиной. Оборачиваясь, он видел в окошечке кузова тягача лицо нашего гляциолога Ивана Михайловича Симонова. Под шапкой у него были наушники, он только что услышал команду с «Оби»: измените курс на 180 и следуйте им 700 метров. Симонов передавал эту команду Кулешову, тот дергал рычаги и менял на глаз курс. Но вот 700 метров позади. Симонов снова тарахтит кулаками за затылком водителя. Новая команда: поверните на 20 влево, пройдите 250 метров — выйдете на точку.

Кулешов поворачивал и трактор выходил. Но, увы, не к «газику», а к небольшому айсбергу. Теперь надо доложить на «Обь». Сделать это можно только из балка, ибо у Симонова только наушники, а микрофона нет. Тягач замедляет ход, Симонов спрыгивает на ухабы из железно-твердого снега и цепляется за дверь балка. Открыл, влез и по рации докладывает на «Обь»: вездехода нет, есть обломок айсберга. Получает новый приказ: меняйте курс на 90, идите тысячу метров, до новой точки. Снова рванул дверь, вы-

грыгнул на ходу в ледяную тьму и догоняет тягач. Траки кое-где оборваны, железный лязг — над самым ухом. Долго ли поскользнуться и упасть под гусеницы! Но Кулешов уже видит Симонова, останавливает тягач и дает возможность вернуться в кузов.

Симонов по собственному почину взял на себя эту нелегкую миссию — быть связующим звеном между нашей походной радиостанцией и водителем тягача. Он — человек собранный, всегда готовый поддержать товарищей.

Но вот обследована одна точка, вторая, вездехода нет. А в поисках прошло два часа. Медлить опасно, с «Оби» напоминают: зыбь усилилась, видимость ухудшилась до одного километра.

В районе «Оби» начался интенсивный взлом припая. Штурманы видят на экране локатора все больше световых полосок — трещин во льду, идущих вдоль кромки припая в сторону берега, навстречу тягачу. Сколько будет длиться непогода? День? Два? Сколько взломает припая — на километр, на пять, на пятнадцать? Или до барьера? До «Рубежа»?

В балке кончается топливо. Продуктов — хлеба и консервов на один день. Тягач с грузом весит около тридцати тонн, он не способен пройти через трещину: лед провалится и погребет на полукилометровой глубине тягач, балок и людей. А «газик» весит около трех тонн. Он может уцелеть, оставшись даже на маленькой льдине, с которой его подымет на борт «Обь».

Было принято решение — прекратить поиски «газика». Но куда идти дальше — к «Рубежу» или судну? Кругом не видно ни зги. Все вокруг ревет, ветер сбивает с ног. Вернуться невозможно — зайдем за айсберг и потеряем дорогу, ведь на экране нас видеть уже не будут. Значит, только вперед.

Движение само по себе отнюдь не доставляло нам удовольствия. Поезд двигался местами по очень неровной поверхности, и тогда всех нас неистово трясло. Временами поезд шел почти как по паркету, на котором и снегу-то не было. И вдруг, всегда неожиданно, врезался с ходу в какие-то смерзшиеся ледяные бугры, двигаться по которым, находясь в балке, означало чуть ли не летать из угла в угол. Тряска прекращалась так же внезапно, как и начиналась. Балок снова шел спокойно. Таким был весь путь.

Но вот прервалось и это движение. Мы попросту заблудились. А припайный лед прихотлив, его вот-вот может взломать. В такую погоду подвижка льдов грозит любому из нас судьбой Ивана Хмары, с той только разницей, что никто никогда не узнал бы достоверно, как исчезли мы с лица земли. Если бы даже провалились не все и кто-то сумел бы выбраться на лед, то чего мог бы он ожидать на оторвавшейся

льдине во тьме ледяной метели, не имея никакой возможности послать сигнал далеким товарищам?

Тревога росла. Как отыскать дорогу? На что мы можем рассчитывать? Кто мог бы помочь нам сейчас? Мысли наши снова обратились к товарищам на «Оби» и, прежде всего, — к ее капитану Олегу Ивановичу Воденко, молодому, веселому, красивому и сердечному моряку, нашему верному товарищу и другу. С ним можно поговорить, посоветоваться.

Я связался с Воденко. Он слышал нас хорошо, но видеть на экране локатора судна не мог — загораживал айсберг. Мы стали обдумывать положение вместе. Воденко предложил нам прежде всего продвинуться резко в сторону, чтобы попасть в поле зрения локатора. Продвинуться, а не закружиться на месте, — тут уж все зависело от нашего водителя тягача, нашего «впередсмотрящего» Кулешова.

Он сидел на своем месте уверенно. Неоднократно водил он тяжелые, пятидесятитонные вездеходы из Мирного на станцию Восток, расположенную так высоко, что температура зимой снижалась там до —90 градусов Цельсия. Железо подчас не выдерживало, а этот человек продолжал работать.

С неимоверными усилиями, переваливаясь на ледяных заступах, сотрясаясь, как зерна в корбочке мака, мы попали, наконец, на экран локатора, в поле зрения капитана «Оби».

— Наконец-то засветилась зеленая точка, вижу вас, — сказал нам Олег Иванович Воденко, и голос его мне показался необычайно родным, даже нежным.

— В каком направлении идти? Никаких ориентиров не видим, — сказал я.

— А ветер?

— Ветра кругом сколько хочешь. Больше, чем надо.

— Ориентиром будет направление ветра. Идите сначала строго по ветру, чтобы я мог определить его направление в вашей точке. А потом укажу, куда сворачивать.

Для бывалого человека и ветер — ориентир! Мы двинулись. Через некоторое время Воденко дал нам команду: повернуть на 45 градусов от направления ветра. Градусы определяли на глаз. Спустя какое-то время Воденко менял команду: снова по направлению ветра, или — на 90 градусов вправо от направления ветра, или влево. Наш поезд двигался, разумеется, не по прямой, а по ломаной линии, «елочкой», но зато достаточно точно и уверенно.

В штурманской рубке вместе с Воденко собрались все штурманы. Они сделали крупный планшет, на котором отмечали наше движение. Иногда локатор показывал не одну, а две точки, как в поисках «газика». Что это — маленький айсберг или балок? Как узнать? И нас снова просили двигаться, чтобы понять, которая точка на экране — наше изображение, а которая айсберг. К тому же, ветер вовсе не желал вести себя последовательно, он куролесил, менял направление и удлинял наш путь.

Наша трасса «елочкой» среди снежных заступов и льдин возникала вторично на планшете в штурманской рубке «Оби».

Почти десять часов в полном мраке, в воющей пурге продолжался наш поход по ледяному хаосу. Балок бросало так, что казалось: еще один толчок и он рассыплется на щепки. В голо-

ве каждого из нас время от времени возникал неотступный вопрос: дойдем ли? Но вслух его никто не высказывал. Мы двигались по огромному ледяному полю протяжением в десятки километров. Поле это частично сидит на мели, частично находится на плаву. Стоит сильному ветру устойчиво изменить свое направление — и это, казалось бы, вековое ледяное поле разломается на мелкие куски, а наш экипаж запросто нырнет под лед.

Я знаю, что испытывают и о чем думают мои товарищи. Но ведь это бывалые, «тертые» полярники. Они умеют держаться, как подобает. Смотрю я на окружающих меня людей и не могу наглядеться. Не то что страха за свою судьбу, а и тени беспокойства на лицах невозможно заметить.

В закрытом кузове тягача на ящике сидит Симонов. Время от времени он высовывается из люка кузова вверх, в темноту, на режущие струны пурги, выставляя небольшой «колдунчик» — сачок на палке, легко вращающийся по ветру. Определив направление ветра, он сообщает Кулешову, на сколько градусов повернуть влево или направо. И снова прячется в кузов, чтобы вскоре опять высунуться со своим «колдунчиком».

В балке среди нас — единственная женщина, метеоролог. Здесь тесновато и давно стало холодно, но она сумела подложить себе под бок что-то полумягкое и спит, свернувшись клубочком, как дома. Спит мирным сном, невзирая ни на грохот, ни на холод, ни на опасность нашего положения.

— В балке сейчас собрались почти все. Сидим, перебарываемся репликами, шутим, кто во что горазд. Признаки беспокойства проявляет лишь наш гость-американец господин Франческини. Среди нас нет никого, кто владел бы английским вполне свободно, поэтому полного представления о положении дел у американского коллеги нет. Но он догадывается о серьезности положения, обращается с вопросами, пытается уточнить что-то и никак не может получить ответ.

Замечу в скобках: когда в положенное время на пути домой «Обь» прибыла в Кейптаун и на борт ввалились иностранные журналисты, Франческини охотно дал им интервью, рассказав об этом эпизоде. Он не скрыл, что побывал в котлах у ледяного дьявола, вместе со всеми рискуя жизнью.

Да, все мои товарищи — участники этого перехода — держались достойно, хотя отчетливо понимали то, что американский гость понял только на «Оби», получив разъяснения на своем родном языке.

Если бы мы двигались к «Оби» днем, в солнечную погоду, мы увидели бы ее издали. Но корабль скрыла крошечная тьма.

Свет многочисленных люстр и сильных прожекторов «Оби», обращенных в нашу сторону, мы увидели только с расстояния в пятьдесят метров. Судно все было окутано бешено мчавшейся в свете прожекторов снежной лавиной.

Когда мы вышли из балки на лед, нам показалось, что ярко освещенная «Обь» слегка покачивается. Нет, это не было протительной ошибкой людей, проделавших длинный, тяжелый путь в непрерывной тряске. Глаза не обманывали нас: «Обь» явно покачивалась. Это означало, что чистая вода где-то уже неподалеку от судна. А при ураганном ветре это значит, что лед начинает взламываться совсем близко.

Только сейчас оценили мы по достоинству, как важно было не останавливаться в этом мучительном пути. Небольшая задержка могла бы закончиться общей трагедией.

В целях предосторожности наш поезд остановился несколько в стороне от «Оби». Мы поставили тягач подалше, рассчитывая разгрузить его кузов позднее — все были выжаты до предела. Поднять тягач на палубу «Оби» не представлялось возможным, так как из-за погрузочных работ тяжелые стрелы подъемных устройств были оснащены слишком тонкими тросами. Перевооружить их при ураганном ветре и начавшейся качке было уже невозможно.

Барометр перестал падать, синоптики предсказывали некоторое улучшение погоды. Мы решили с рассветом, через три-четыре часа, приступить к выгрузке. Поспешив, могли бы потерять людей.

К тягачу отправился водитель Кулешов в сопровождении двух матросов. Для страховки они взяли с собой длинный конец стального гидрологического троса, намотанного на лебедку. Найдя тягач, Кулешов привязал к нему конец троса и, запустив мотор, отогнал тягач подалше от борта судна, примерно на 350 метров. Затем, держась за трос, все трое вернулись на судно.

Только поднявшись на «Обь», почувствовали мы, до чего же устали за время этого путешествия со всеми его злоключениями. Устали, продрогли и проголодались. Надо было видеть радость Олега Ивановича Воденко, встречавшего нас!

Ночью зыбь стала увеличиваться. Начался взлом припая у борта. Наблюдение за тягачом, отчетливо видимым в локатор, велось непрерывно. В семь часов изображение с экрана исчезло — тягач утонул. Как выяснилось позднее, припай был взломан на четыре мили в сторону барьера и затем вынесен на север.

Но где же наши товарищи, трое полярников во главе с Аверьяновым, которые находились в вездеходе и потерялись по дороге к «Оби»? Никто из нас не забывал о них, и с первой же возможностью поиски начались.

Утром 13 марта «Обь» перешла на новое

место, к мысу Ураганному, и отшвартовалась у кромки припая в двенадцати километрах от «Рубежа». К полудню ветер постепенно стих. На поиски пропавшего вездехода немедленно вышла спасательная партия из пяти человек во главе с Симоновым. Их снабдили продовольствием, медикаментами, компасом, ракетами. За их продвижением следили сначала в бинокль, а потом по локатору.

В 16 часов 15 минут на «Оби» услышали голос Аверьянова. Он сообщил по радио, что пропавшие, все трое, благополучно добрались пешком до «Рубежа». Вездеход остался без горючего на припая в пяти километрах. Вечером трое из спасателей отнесли к вездеходу канистру с бензином и вернулись на нем к «Рубежу». Погода испортилась снова. Пришлось переждать ее в течение двух суток, посидев на голодном пайке. А «Обь» уже спешила к заливу Алашеева, чтобы помочь геологическому отряду Восьмой экспедиции, попавшему в сильный ураган.

Время идет. В феврале 1970 года в ленинградской гавани я ожидал дизель-электроход «Визе», на котором прибыл домой Дмитрий Дмитриевич Максудов. «Визе» я встречал в этот день дважды: утром, когда корабля в гавани все же не оказалось из-за тяжелой ледовой обстановки в Финском заливе, и вечером, когда он уже отшвартовался. В мягкой ленинградской темноте светились стояночные огни, окна кают и иллюминаторы. А берег, как всегда, был забит людьми, встречающими близких и друзей, десятками легковых машин и грузовиков. Из Антарктики возвращались наши друзья.

...Залигтый солнцем сад. Я сижу на веранде дачи, а напротив, на раскладном кресле, — чернобровый, красивый, довольно еще молоджавый мужчина. Воспоминания, воспоминания... Но вот мой гость достает флакончик и капает на кусочек сахара две капли нитроглицерина. Я удивлен: не рано ли?

В ответ Олег Иванович Воденко грустно улыбается. Что ж, каждый платит за встречи с Антарктидой по-своему. А впрочем, это — наша работа, повседневный труд. Только несколько особый.

— «Борт-625», «Борт-625», я — «Земля». Ответьте для связи. Прием...

— «Земля», я — «Борт». Вас слышу. Как приземлились? Прием...

— «Борт», я — «Земля». Приземлились нормально.

— «Земля», я — «Борт». Запомните азимут. Прохожу через вас в направлении пожара.

— «Борт-625», я — «Земля». Вас понял. Иду на огонь.

Рев мотора. Разбег. Аэродром убегает, проваливается под крыло. Внизу желто-зеленая земля с грибными шляпками скирд и стогов.

На откидных дюралевых стульчиках восемь парашютистов. В серо-зеленых чехлах парашюты. Основные и запасные. Патрульный полет над Западным Уралом.

За пятнадцать минут до взлета летчик-наблюдатель Рагоза давал задание на патрулирование: «Высота полета — 600 метров. Маршрут Пермь — Добрянка — Лысьва — Щучье озеро — Чайковский — Оханск — Пермь». Семьсот километров болганки на встречном и боковом ветре, где-то грозовой фронт, который надо вовремя обойти, и десятки тысяч гектаров леса, которые надо внимательно осмотреть.

Командует патрульной группой инструктор Радостев. Почти все парни пришли на базу из армии: из ВВС и парашютно-десантных войск.

Миша Радостев работал до армии помощником машиниста электровоза. В армии летал командиром огневой установки на огромном корабле-ракетносце. После демобилизации вернулся было на железную дорогу, но год поработал и заболел. Пришлось проститься с электровозом — за-

браковали врачи, предложили найти работу полегче и поспокойней. Он и нашел — поступил работать на Западно-Уральскую базу авиационной охраны лесов. Кончил курсы и стал пожарным-парашютистом.

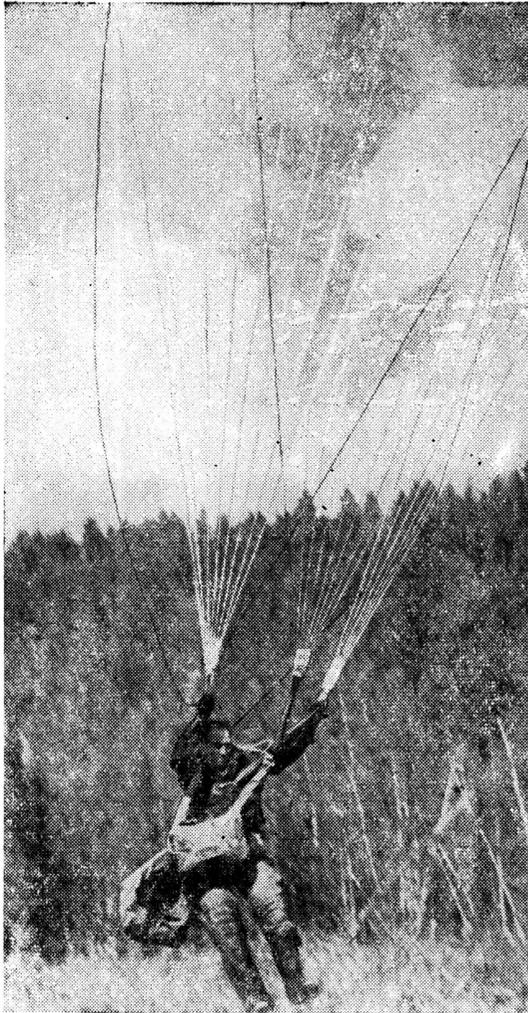
О первом своем прыжке Миша сейчас вспоминает со смехом.

Рассказ первый

Прыжок-пристрелка

Летела нас команда — пять человек. Я самый молодой. Ни одного прыжка на пожар. А прыгнуть хочется — мочи нет. Летим, видим: в двух местах очаги пожаров по склону горы. А ветерок на пределе — восемь метров в секунду. Ну, думаю, не везет! Не дадут прыгнуть.

Летнаб пристрелочную ленту бросает. А по ленте снос не больно точно определишь. Я к летнабу: «Разрешите мне для пристрелки прыгнуть. У меня парашют старой системы, неуправляемый, лучше всякой ленты покажет как остальных бросать».

Приземлились нормально...

А сам думаю: лишь бы прыгнуть. Там будь ветер хоть в два раза выше нормы — все равно, раз выпал из самолета, в воздухе не воротят.

Посмотрел летнаб на меня, помялся. Ветер большой, но и пожар большой. Прыгать надо. А раз прыгать надо, кому-то и на пристрелку надо идти.

Разрешил: «Приготовиться Радостеву!»

И через несколько секунд: «Пошел!»

Выскочил я — внизу деревня. Меня на крыши несет. Попытался я подскользнуть — поставить купол как парус, — где там! Рвет из рук, полощет. Деревню все-таки проскользил. А навстречу гора, голыши торчат. И такие мощные сосны стоят — корявые, сучья, как руки, раскинули — добро пожаловать! Ну, думаю, влип. Только в последние секунды изловчился — на пашню выскочил. Ребята после рассказывали: как снаряд в землю врезался. Аж черный фонтан взметнулся. Оно и понятно: скорость-то десять метров в секунду. Ветерок — восемь, да своих — два. Вот тебе и снаряд!

Летнаб по моему приземлению поправку на ветер сделал. Остальные прыгнули лучше. Подбегают ко мне: ну как ты, живой? А я молчу и только плююсь. Ничего не вижу, ничего не слышу, слова сказать не могу — глаза, рот и уши забиты землей.

Миша смеется: «Я рассказал. Кто следующий? Ты, Виктор?»

Виктор Дюкалов — старший парашютист группы — гигант с опаленным, как у сталевара, лицом, усмехается: «Что ж... можно».

Рассказ второй

Адово озеро

Прыгали как-то на Адово озеро. Так это Адово озеро стало для нас и в самом деле сухим адом.

Прыгали втроем. Приземлились, верней, прилесли на осины. Расселись, как косачи. Снимаю парашют, отстегиваюсь, спускаюсь по спусковой ленте и вдруг слышу — треск. Треск и стон. Гляжу, Сережа Масленников лежит под сосной и стонет — сучок под куполом обломился, не выдержал тяжести тела.

Спустились быстрее — и к нему. Он побледнел весь, на ногу показывает. Разрезали ему ножами скафандр, так и есть — перелом. Связались с бортом по рации. Летнаб приказывает выносить Сергея к озеру, искать площадку для вертолета.

Вырубили две жерди, намотали поперек жердей спусковые ленты, положили Сергея и понесли. До озера-то, может, не так уж и далеко было, но бурелом страшный, да жара, да комары, да оводы... Вымотались вконец. Несешь, несешь, запнешься.

Вынесли наконец. Площадки готовой, конечно, нет — везде бурелом. Расчищать надо. А у нас один топор на двоих. Поплевали на руки и за топор. Это сейчас вспоминать легко, а тогда ладони в крови, лицо горит от пота... А Сергею все хуже, не стонет уже даже. Часа через два вырубили площадку, отправили все-таки Сергея...

А Сергей сидит рядом — дремлет под ровный грохот моторов. Виктор толкает его: «Твоя очередь — рассказывай!»

Сергей встряхивается, улыбается: «А что рассказывать? Ты лучше Расскажи, как удирал от пожара!»

«А, — хмурится Виктор, — было дело...»

Рассказ третий

Как убежать от поезда

В Якутии это было... На всю жизнь Якутия мне запомнилась. В пятьдесят втором году прыгали на огромный пожар. Горело около двухсот тысяч гектаров. Прыгало сразу несколько групп. Наша группа должна была перерезать лошину. Выбросили нам взрывчатку, перерезали мы лошину, остановили пожар. Вышли к месту базирования, наловили рыбы, сварили уху. Только собрались есть, вдруг кто-то кричит: «Ребята, огонь!» Глядим, а с другой стороны, с сопки, идет на нас «верховой». С гулом, как поезд, сплошной огненный вал катится. А у нас и взрыв-

чатка кончилась. Остановить нечем. Смотрю, один из парашютистов — молоденький, новичок — схватил рюкзак и бежать. Едва догнал его. «Куда ты, дура, бежишь? От поезда убежать хочешь? Огонь тридцать пять километров в час дает! Надо на выгоревшее выходить».

Пробились на гарь. Все хорошо. Только брови кой у кого опалило. Пошли вдоль кромки пожара. Вертолет через двое суток должен был за нами прийти. Третьи сутки настали, а вертолета все нет. Четвертые — нет вертолета. У нас уж давно и еда и вода кончились. Пошли воду искать. Шли по лосиным следам, через буреломы, завалы. Нашли сухое болото. Вырыли лунки. Набежала вода — как земля, черная. Смочили губы — и дальше. А тут, как назло, погода испортилась. Туман вперемешку с дымом, дождичек моросит, темень. Поняли, что вертолет не придет. Решили выходить на реку. Еще через трое суток вышли на Маю — приток Алдана. Из последних сил сколотили плотик и вплавь. Двое суток до первого села плыли. Совсем уж голодные. Толь-

ко гагару одну подстрелили. Хотя и несъедобно она считается — рыбой пахнет, а съели за здорово живешь.

Кончились рассказы, надоело перекриковать мотор. Да и жара . . . На термометре уже двадцать пять. Алюминиевая обшивка самолета, как сковородка. Ветерок бродит по кабине, треплет синий шелк светозащитных шторок, но не спасает от зноя. Экипажу все-таки легче. Сняли рубашки и сидят себе, как на пляже. А каково десантникам в их комбинезонах? Боевая готовность. Только расслабили галстуки, расстегнули воротники и, обливаясь потом, читают кто газету, кто книжку. И такой домашний вид у этой воздушной избы-читальни, такие мирные галстучки выглядывают из-под комбинезонов!.. А каждый из этих восьмерых «галстучников» имеет три профессии: взрывник, парашютист и пожарник. Попробуй найди три более опасные, более мужественные профессии!

Летнаб в кресле второго пилота колдует с логарифмической линейкой. Самолет ведет Дмитрий Георгиевич Мордвин. Пожилой, благодушный, он больше похож на шофера рейсового автобуса, чем на командира патрульного корабля-«бродяги».

Рогатый штурвал чуть колеблется в его жилистых руках. Фосфорные стрелки приборов будто приклеены к циферблатам — так ровно и точно идет самолет.

Пятый час патрулирования. Внизу все то же струнное марево.

— Так чья очередь рассказывать? — отывается от газеты Миша Радостев.

— Заходим на точку! — высунулся из кабины летнаб.

Масленников обернулся к окошку: слева по борту в щетине соснового бора запутался седой волос дыма. Самолет снижается, делает вираж. Седой волос растет, превращается в длинную стелющуюся полосу.

— Снизиться до высоты 200 метров для осмотра пожара! — командует летнаб.

Мордвин резко переключает штурвал. Самолет боком скользит вниз.

Вот он — пожар. Гибкие, дымные щупальца жадно хватают деревья. По краям щупалец красными присосками шевелятся языки пламени. В самолете явственно слышен едкий запах гари.

Идет «верховой»

«Борт», «Борт», — я «Земля»...

Самолет, как привязанный, кружится над пожаром. Летнаб бросает взгляд на планшет, опять оборачивается к парашютистам.

— Очаг с радиусом в гектар! Скорость распространения огня — шесть километров в час! Открытых площадок и населенных пунктов в зоне выброса нет! Приготовиться к прыжку на лес! Одеть костюмы! Тушение взрывным методом!

И летчику:

— Курс для сброса — 220, высота — 600!

Самолет круто взмывает вверх. Парашютисты, помогая друг другу, облачаются в тяжелые доспехи. Ребристые шлемы и прозрачные маски делают их похожими на космонавтов.

Радостев проверяет готовность десанта и открывает люк. Свист ветра и грохот мотора врываются в самолет.

Пронзительный короткий гудок. Оранжево-белая лента плавно летит к земле. Парашютисты провозжат ленту глазами.

Пока она падает, летнаб успевает рассчитать скорость и направление ветра, выбрать точку сброса.

Снова гудок.

Жидков встает, замирает в открытом люке.

Гудок.

— Пошел!

Шаг в пустоту.

В проеме люка Дюкалов.

Гудок — шаг.

Пономарев.

Гудок — шаг.

Проводив всех, последним «уходит» Радостев.

Внизу, на зеленом, плывет гроздь белых цветов, и самолет кружит и кружит над ней, пока «цветы» один за другим не гаснут рядом с пожаром.

Летнаб прижимает к уху трубку рации «Борт — Земля».

— «Борт», «Борт», я — «Земля»... Приземлились нормально. Жду указаний.

— «Земля», я — «Борт», следите за мной. Захожу на выброс «ВВ».

Стрелка высоты дрожит на пятидесяти. Лес сплошной полосой мчит на самолет. Вниз летят ящики со взрывчаткой.

— «Борт», «Борт», я — «Земля». Груз принят.

— «Земля», запомните азимут. Прохожу через вас в направлении пожара.

— «Борт», я — «Земля». Вас понял. Иду на огонь.

Мордвин прошел точно над центром косматого серого облака, которое своими длинными усами дыма напоминало теперь гигантского спрута, жадно охватывающего темно-зеленую тайгу пока еще не страшными с виду щупальцами. Но Мордвин, как и летнаб,

знал, что происходит сейчас там, в центре этого «спрута»: горят, тая, словно свечи, молодые березки, с треском, с тяжелым гулом багровое пламя перекидывается с одной сосны на другую, и золотистые сосны, роняя на землю капли кипящей смолы и обугленные ветки, превращаются в пылающих великанов, а жадное ненасытное пламя перекидывается на подлесок, траву, мох, окутывая все удушливым дымом. И сквозь этот ядовитый дым, отбиваясь на ходу от горящих веток, перепрыгивая через тлеющие моховые кочки, бегут, охватывая «спрута» полукольцом, десантники. «Здесь! Здесь! Здесь!» — расставляет Радостев на точках своих парней, и вот уже пулены в ход топоры и лопаты, одна за другой по незримой, но твердо очерченной линии, охватившей «спрута» полукольцом, возникают лунки: торопливо уложены в них пакеты со взрывчаткой, и теперь десантники ждут команды. Ждут момента, когда огненный вал подойдет к этой незримой, очерченной лунками с «ВВ» линии, чтобы поднять навстречу ему землю.

Мордвин сделал огромный, в десяток километров, круг над тайгой и вернулся к «спруту».

— «Земля», я — «Борт». Как дела?

— «Борт», я — «Земля». Все готово. Готовы к тушению.

— Вас понял, вас понял...

Мордвин опустил нос самолета вниз и заложил над пожаром вираж. Он еще не успел выйти на прямую, как вздыбилась черная, разгневанная земля и обрушилась на пожар.

Все. Пилот вопросительно посмотрел на летнаба.

— Домой, — сказал тот. И Мордвин вырвался из штурвала.

А десантники еще долго будут добывать «спрута» взрывчаткой, топорами, лопатами... И только к вечеру, а может даже завтра, за ними прилетит вертолет.

А. САНИН

Фото В. Дюкалова и А. Зернина

К НАМ НА ЧАШКУ ЧАЯ!

Е. Расторгуев (г. Вологда)

КАЖДОМУ — СВОЕ

А. Рыжнов (г. Курган).

Как-то наблюдая за половодьем, увидел я на самой крайней сосне крутого берега серовато-рыжую белку. Растянувшись на толстой ветке, она, казалось, беззаботно лежала, просто греясь на солнце, или может быть, выжидала чего-то.

Одна за другой плыли по реке льдины. Но вот чуть выше по течению, на сгибе реки, стукнулись две большие льдины, померялись силами, уперлись в берега, одна другой дорогу не уступают. Еще льдины подоспели. И вот уже образовался затор. С каждой минутой он увеличивался. А выше затора вода прибывала.

Вскоре ледяная плотина не выдержала дикого напора, треснула, разошлась по швам, тронулась с места и со страшным шумом и скрежетом покатила вниз по течению. Льдины, как живые, вздымались, ныряли, снова высывали из воды свои свинцовые лбы.

Когда ледяной затор сплошной лавиной проходил передо мной, белка, словно испугавшись шума, вдруг встрепенулась, прыгнула на вздыбившуюся льдину, перепрыгнула на другую, дальше, дальше — и мигом перемахнула на противоположный берег.

Все знают, что белка искусно плавает. Но тут она выжидала момент, не желая, видно, купаться в студеной весенней воде. Охотничий сезон прошел, и теперь на лето белка безбоязненно перебиралась из большого леса поближе к человеческому жилью.

СОБРАНИЕ

На луговых березках появились желтые листочки. По просторной пойме Иньвы с веселым щебетанием и свистом металась из стороны в сторону стайка скворцов. Птенцы научились хорошо летать, повзрослели за лето, и теперь им не страшен дальний перелет.

Вот шумная семейка стремительно пронеслась между кустами смородины, пристала к высокому берегу реки. Притихла на минуту. Бугорок возле елового пенька сплошь покрылся черными верткими комочками. Один молодой, еще сероватый скворец взлетел на пенек, похлопал крылышками, крикнул что-то по-своему.

Совсем как на собрании: один выступает, остальные слушают. Но в стайке тут же поднялся шум. Знать, не понравился председательствующий. Взлетел другой молодой скворец, согнал первого с пенька. Тоже похлопал важно крылышками. И снова птицы забеспокоились, зашумели: мол, зелен еще, желторотик, мало каши съел.

Третий поднялся на «трибуну», четвертый, пятый...

И так до тех пор, пока не взлетел на пенек старый черный скворец. Спокойно осмотрел всех присутствующих...

Значит, он и поведет за собой пернатую семью в длинный путь, в жаркие страны.

Валериан БАТАЛОВ

65

ЗАЯЧЬЯ ПЛЯСКА

Я осторожно шел по лесу. Малиновое солнце медленно опускалось за прямые высокие сосны, освещая последними лучами ноздреватый зернистый снег прогалин. Уже вовсю шла весна. Днем неумолчно стучали дятлы, звенели на разные голоса какие-то птицы. А сейчас лес попритих, и по раскинувшейся передо мной заснеженной поляне нехотя разливалась вечерняя синь.

Вдруг я замер от неожиданности. На поляну из-за ближайшего куста выкатился заяц. Заяц был странный: сквозь желтовато-белую шерсть, точно заплаты, проглядывали светло-серые пятна. Он вскочил стремительно, перекувыркнулся через голову, вскочил и... сел на задние лапы. Потом вдруг подпрыгнул, раз, другой, третий и заплясал, заподскакивал, ударяя передними лапками, словно аплодируя самому себе. Длинные уши его мо-

тались из стороны в сторону. Заяц... плясал. Плясал самозабвенно, от всей души.

«Уж не с ума ли он сошел?» — мелькнуло у меня в голове. Но в ту же минуту на другой стороне поляны появилась такая же полубодранная зайчиха. Сначала она как бы безучастно смотрела в сторону, а потом медленно села.

Мой зайчишка заплясал еще неистовей, снова от избытка чувств перевернулся через голову и бросился к зайчихе так же стремительно, как и выскочил на поляну.

Зайчиха кокетливо отпрыгнула и не спеша поскакала вдоль деревьев. Но мой зайка не отступил. Он в два огромных прыжка перегнал ее и снова, став столбиком, запрыгал, захлопал лапками. Как ему, видно, хотелось доказать, что он, только он такой ловкий и смелый.

Тут у меня под ногой звонко хрустнула ветка. Зайцы на какое-то мгновение замерли и припустили со всех ног в глубь леса.

К. АБРАШЕВ

ЧУДО-ЮДО

От нашего огорода до хуторской школы тянулся пустырь. Во время обильных дождей взбухала длинная лужа. Мы, ребяташки, упорно называли ее морем. Здесь всегда плавали деревянные кораблики. На них мы сажали глиняных матросиков с ружьями-соломинками, разыгрывали морские битвы.

Когда наступали жаркие дни, лужа мелела, потом исчезала вовсе.

Как-то утром взобрался я на шелковицу, на ней еще много было ягод. С высоты мне открылся Маныч, побуревшие камышовые заросли.

— Эй, адмирал, сюда! — закричал с улицы Петька Капустин, одноклассник и мой противник во всех «морских» сражениях. Он всегда хотел быть Нахимовым. На его вихрастой голове лихо, набекрень, сидела фуражка-бескозырка.

— Что-о? Опять воевать?

— Быстрее, тебе говорят! Чудо-юдо покажу!

Спрыгнул я с дерева и — за ним.

66 «Что, — думаю, — за чудо такое?»

У лужи Петька остановился.

— Вот это да-а! — удивился я. — Откуда же они?

Петька развел руками.

Обежали мы вокруг «моря» и еще стайку мальков заприметили. В тот же день рассказали о чуде учителю — Павлу Ивановичу. Он не меньше нашего удивился.

— А может, то и не рыбки? Надо бы поймав, убедиться.

— Поймать? Это нам раз плюнуть, — сказал Петька и пустился домой.

К длинной палке он приспособил жестяную цедилку. Я выпросил у матери сито. И вскоре, засучив штаны, мы штурмовали «море». Воду взбаламутили. Наконец, Петьке удалось подхватить цедилкой двух маленьких рыбешек.

Долго рассматривал их Павел Иванович, даже лупу наставлял.

Затем сказал:

— Это мальки плотвы. А вот как они в лужу попали — загадка. Хотите отгадать ее, приходите завтра до рассвета, как можно раньше.

Беспокойной была эта ночь. Еще не успели померкнуть звезды, мы с Петькой, поживаясь от предрассветной прохлады, стояли у квартиры учителя. Павел Ивано-

вич не заставил себя долго ждать. Быстро шагали мы по темной улице.

Когда вышли на пустырь и приблизились к луже, услышали птичий гомон, криканье.

Видимо, испугавшись нас, утки с шумом взмыли в небо, со свистом «фью-фью-фью...» пронеслись над нашими головами.

— Теперь ключи от тайны в наших руках, — сказал учитель.

— Какие ключи? — недоумевал Петька.

— А вы не догадываетесь, кто здесь рыбу разводит?

— Нет! — ответили мы разом.

— Это делают дикие утки.

— Как утки?

И Павел Иванович рассказал, что кряквы — большие лакомки. Их любимое блюдо — дождевые черви. В поисках пищи они всю ночь летают из Маныча в лиман, из лимана в мелкие озера. Но часто их привлекают свежие лужи.

На своих клювах, лапках и перьях утки переносят из одного водоема в другой клейкие икринки. Из таких вот икринок и вывелись в нашем «море» маленькие плотвички.

ПЫЖИК

Стояла сухая жгучая осень. Хлеба были убраны. Поля — перепаханы. Но по дорогам еще пылили грузовики, свозили к токам кукурузу.

У совхозного пруда остановилась машина. От радиатора валил пар. Из кабины вышел шофер Илья Петрович, коренастый сорокалетний богатырь. Он вздохнул полной грудью, вытер платком полное разгоряченное лицо. Затем взял ведро, пошел к воде.

Вдруг камнем с неба упал на обочину бурый коршун. Раздался отчаянный писк.

Человек бросился к хищнику, замахнулся ведром. Тот пырнул в сторону, упустил свою жертву.

Взъерошенный, смешной воробей вился теперь у самой головы человека. А коршун кружил на небольшой высоте, все еще надеясь схватить воробья.

Когда хищник стал приближаться, во-

робей юркнул в открытое окно кабины.

Подождал Илья Петрович к машине, а воробышек с открытым клювом сидит на баранке, напыжился и часто-часто дышит.

— Значит жив, чижик-пыжик? — спросил шофер, улыбаясь.

Чиркнул воробей, будто ответил:

— Жив! Жив-жив!

— Ну и прекрасно. Не подоспей я, плохи были бы твои дела.

Мчится машина, а воробей по кабине порхает, места, чтобы сесть, не найдет. Но вот он устроился на правом плече Ильи Петровича. Зацепился коготками за комбинезон, прижался к человеку.

На остановке открыл шофер дверцу кабины, думал, улетит воробышек, а он даже не попытался.

— Что ж, Пыжик, придется зачислить тебя на довольствие. Илья Петрович насыпал на сиденье хлебных крошек, вырезал из арбузной корки чашечку, воды поставил.

Набросился воробей на еду. А когда насытился, прочистил клювик, радостно зачирикал.

Вечером приехал Илья Петрович в гараж.

— Ну, дружище, слезай! — сказал он. Воробей выпорхнул из машины и устроился на ночлег здесь же под крышей. А утром, едва шофер открыл дверцу кабины, чтобы в рейс отправиться, Пыжик тут как тут. Уселся на баранку и прихорашивается.

— Что, понравилось?

— Чирик-чирик! — ответил тот.

Так и подружились человек с воробышком.

...Как-то остановился Илья Петрович у совхозной столовой. Бегавшие ребяташки заметили воробья. Окружили машину. Приклеились носами к стеклам...

— Глянь! Горобец!

— Тоже пассажир отыскался!

— Давайте поймаем!

— Петька, неси kota! — кричал белоголовый мальчуган.

Но Илья Петрович пристыдил ребят.

— Этот воробышек — приятель мой. Пыжиком его зову. Вот уж месяц как подружились.

И он рассказал:

— Был я в далеком рейсе, в городе. Загрузил машину, сел в кабину, а Пыжика нет. Посигналил-посигналил, а время-то не ждет, поехал тихонько. Не успел и километра сделать, увидел: воробей вдогонку несется. И с ходу — в открытое окно. Вот такая эта птаха!

Загорелись у ребят глазенки. Стали они карманы выворачивать. Кто крошек от булки, кто семечек предлагает. А белоголовый мальчуган, тот, что просил kota принести, конфетку протянул:

— Дядя, может воробейчик сладкого хочет?

ВЕДЬМА

Давно это было... Беззаботно проводил я летние каникулы. Дружок Ленька жил недалеко. Целыми днями мы были неразлучны: в Маныче рыбу удил. Клетки для птиц мастерили, ходили на целину рвать степную траву катран, собирать землянику.

У нас был уговор: кто проснется первым — будит товарища.

Как-то на зорьке, когда женщины гнали коров в общественное стадо, я прибежал к Леньке. А тот, к моему удивлению, был на ногах. Он стоял у калитки неумытый, нечесаный и какой-то перепуганный. У ворот собрались люди. Мать Лени, Полина Платоновна, маленькая щупленькая женщина с красными, воспаленными глазами, жестикулируя, что-то рассказывала.

— Лень, Лень, что у вас, драка была?

— Какая драка?

— А чего твоя мать плачет?

— Ведьма корову нашу выдоила, аж кровь на сосках!..

— Как?!

— Не видел я. Говорят, она во что хочешь оборотиться может...

Я был поражен. Ведь Борис Петрович, учитель наш, уверял, что ведьм и домовых нет, что они лишь в сказках живут. А тут... на тебе!

А по хутору уж распространялись удивительные слухи. Люди уверяли, что своими глазами видели ночью длинноногую собаку с подойником в зубах. Когда за ней погнался церковный сторож, она прыгнула через плетень, даже молоко расплескала. На разные лады толковали, как в ночь под святую пятницу рябая свинья, каких в наших местах и в помине нет, с пеной у рта бросалась на девушек, идущих с вечеринки. А когда подбежала к хате вдовы Зозулихи, ударилась об заваденку и на глазах исчезла.

— Это проделки Зозулихи! — всех

уверял самый набожный в хуторе белоголовый дед Шпак.— У ней и мать ведьмой была. Прочить некому...

В этот день всюду говорили о ведьме. Старики советовали парням ударить ее наотмаш, чтоб исчезла колдовская сила.

Ходил и я сам не свой. Тоже думал, как же разделаться с ведьмой. И мы с Ленкой решили подкараулить ее в скотном сарае. Я смастерил из старого обруча саблю. Леня — пику с острым жестяным наконечником. Едва смерклось, мы были в условленном месте. Сначала сидели в углу сарая, прикрывшись охапками сена, затем прилегли. Переговаривались шепотом. Мне было не по себе. Ночь была теплая, но у меня постукивали зубы. В душе я уже раскаивался, что пришел сюда.

Прислушивались мы к каждому шороху, к тому, как корова пережевывала жвачку, к хрусту сена на ее зубах.

Где-то на берегу Маныча пели парни и девушки. Долго горланили неугомонные петухи в соседних дворах. На колокольне тоскливо, словно в тяжких муках, стонал сыч. А потом...

Проснулся я от звона цепи, которой была привязана корова к яслям. Золотые стрелы солнечного света, пронзив крышу сарая, висели в воздухе. Корова повернула голову с дугообразными рожками в нашу сторону. Она вздрагивала, беспокойно переставляла ноги. Я толкнул Леню. Глянули мы и обмерли... Вокруг задней ноги животного обвилась огромная черная змея. Плоской головой она дотянулась до вымени и впилась в сосок. На наших глазах толстела.

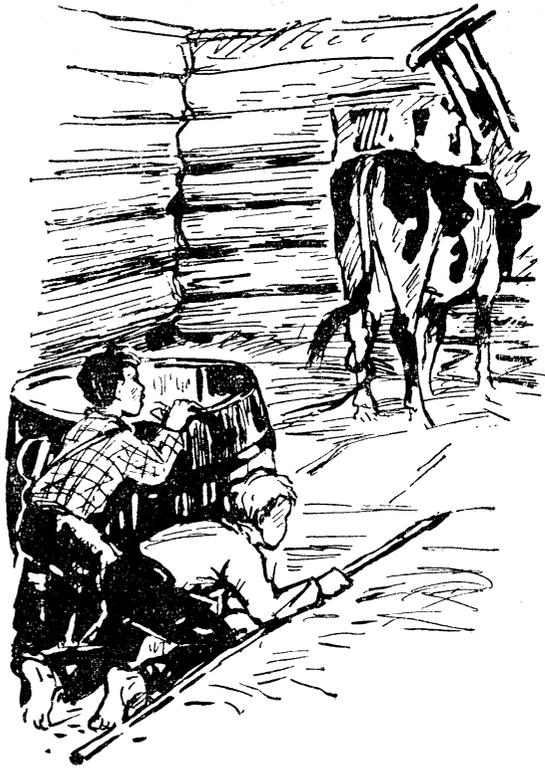
«Неужели ведьма?» — мелькнула мысль. А ноги приросли к земле. Я не мог пошевелиться. И Леня сидел с открытым ртом какой-то окаменелый.

Вдруг мне показалось, что ведьма заметила нас. В ее глазах сверкнули холодные, недобрые огоньки. Она оторвалась от соска, соскользнула на землю и... С дикими криками мы вылетели из сарая:

— Ведьма-а! Ведьма-а! — сквозь слезы вопил Леня.

Сбежались люди. Лаврентий, брат Лени, вскочил в сарай с вилами. Вместе с объедьями сена он вышвырнул оттуда змею. Убита она была моментально. Но ее и мертвую продолжали молотить палками.

— Бей проклятую Зозулиху! — кричал дед Шпак, нанося удары костью.

— Никакая это не ведьма, а уж, — сказал вихрастый пастушонок, по прозвищу Яшка Косой.

— Пшел, сопливец! — Шпак замахнулся на парнишку, а тот уже был за калиткой. Он так бежал, что уронил кепку.

Догнали мы Яшку. Он поправил взлохмаченные кудри, напоминавшие метелки ковыля, пояснил:

— Такие ужи кажин день на стойло приползают. Молоко парное они, брат, за версту чуют, — он молодцевато взмахнул длинным-предлинным кнутом. Раздался щелк, будто выстрел. Яшка побежал догонять стадо.

Слова пастушонка охладили людей. Они стали как-то неестественно улыбаться, брезгливо отбрасывали палки.

— Ежли оживет, кой кому горько придется! — пугал дед. На него не обращали внимания.

Мы с Леной подошли посмотреть на змею и убедились, что это большой болотный уж. На голове, разбитой в лепешку, ясно выделялись бледно-красные пятнышки. Кончик хвоста еще вздрагивал.

— А может, это и впрямь Зозули-

ха? — спросил Леня.— Ведь она могла и ужом стать?

Вместо ответа я показал в сторону Редутки.

— Бежим?

— Айда!

Мы мчались так, что в ушах свистело. Остановились у балки, которую перерезала узкая гребля. Справа был пруд, слева — овраг, заросший непролазными камышами. В зарослях неумолчно свистели птицы. На другой стороне балки мы пробирались через заросли дикой конопли, бузины, крапивы. На косогоре увидели хатенку. На земляной крыше, поросшей лебедой и сурепкой, сидела серая кошка. Закрыв глаза, она дремала на солнышке. Вблизи хатки дымилась глиняная печурка.

Присели за кустами паслена, стали ждать. Как-то боязно было. Но любопытство сильнее.

— А может, та кошка и есть Зозули-

ха? — шепчет Леня. Но в это время открылась дверь. На пороге появилась щупленькая старушонка с кругленьким сморщенным лицом. На ней светлая кофточка с черным горошком, темная старенькая юбка. Седые жиденькие волосы закручены грушей, над ними ярко выделялся желтый роговой гребешок. Маленькими шажками, будто со связанными ногами, она подошла к печке, подбросила в огонь сухого речного заплавника. Затем стала сыпать из чашки в чугунок что-то белое, размешивая деревянной скалкой.

— Саламату варит,— прошептал Леня.

А я с болью думал: «Почему Шпак говорил неправду об этой одинокой бедной старушке?»

И вера в ведьму в моей душе умерла навсегда, растаяла так, как сизый дымок, что поднимался от печурки Зозулихи.

Н. НИКОЛАЕВ

КРЫЛАТЫЙ ПОСТОЯЛЕЦ

Откуда он появился, никто не знает. Скорее всего опустился со скальных выступов птичьего базара, каких на Шпицбергене немало. Но только утром горняки рудника Грумант увидели на дощатом тротуаре у гостиницы кайренка. На своих слабых лапках он стоял неуверенно, но держался решительно и смело. Черно-белое оперенье придавало птенцу степенность и некоторую величавость. Шахтеры хотели было подобрать несмышлениша, но он не дался в руки. Стремясь приучить гостя, рабочие стали ему подбрасывать кусочки хлеба, рыбы. Кайренок не обращал никакого внимания на хлебосольство зимовщиков и невозмутимо стоял на растопыренных лапках, словно стойкий оловянный солдатик.

Кто-то в шутку заметил, что представитель благородного крылатого племени не терпит грубого с ним обращения. И тогда один из горняков придумал «королевский» метод подношения яства. К тонкой палочке он прицепил небольшую рыбешку и подал ее кайренку. Птенец, широко раскрыв клюв, проглотил рыбку и снова вытянул шею. Шахтеры довольны накормили гостя и оставили его, полагая, что кайренок отыщет свою мать.

Прошли сутки, но птенец не исчез, а лишь науклюже проковылял по улице и устроился на подмостке возле щита противопожарного инвентаря. Он ждал пищи. Как только появлялся прохожий, кайренок оживлялся и нетерпеливо переступал с лапы на лапу. Насытившись, он беззаботно дремал, закатывая глаза.

Несколько дней птенец прожил в поселке. Потом горняки решили отправить гостя к его морским сородичам. Взяли на руки. Кайренок яростно возражал против такого самоуправства: нахохлился, царапался, бил клювом. Принесли его к крутому обрыву, подбросили птаху в воздух. Она распрямила крылья, стала медленно опускаться и направилась к стайке кайрят. Кайриное племя оживилось: их полку прибыло! И тут же всем миром бросилось на новичка. Но кайренок не испугался, оцетинился, настроился агрессивно, и его безропотно приняли в птичье общество.

Шахтеры разошлись по домам. И каково же было их удивление, когда на следующее утро птенец снова стоял у того же противопожарного щита и выпрашивал пищу у полярников.

— Вот тунеядец,— шутили они, — не

хочет добывать себе пищу на заливе. И снова кормили его.

И вдруг кайренок пропал. Шахтеры забеспокоились, не попал ли он в острые зубы бездомных поселковых собак? А может, его сцапал плутоватый песец? Но вскоре тревоги рассеялись. Оказалось, что кайренок облюбил себе более уютное место и определился постояльцем в рудничной гостинице «Птичка». Вот как это произошло.

Как-то под вечер разыгралась полярная вьюга. В стены домов бился жестокий ветер. Все потонуло в белом заснеженном океане. Но буран свирепствовал недолго. Когда он утих, хозяйка арктической гостиницы отворила дверь в коридор и увидела птенца. Он испуганно смотрел на нее своими ясными глазками. Женщина попыталась перенести кайренка к теплу, но он нахохлился, готовясь броситься в атаку. Хозяйка не стала беспокоить самовольного квартиранта: подбросила ему корма и ушла. Между тем новое убежище вполне устраивало морскую птицу, и она не торопилась покидать его.

Когда задерживалась кормежка, кайренок приставал к людям, издавал горланное шипенье. Набив зоб, он устраивался на подоконнике и высматривал сквозь оконное стекло своих опекунов-шахтеров. Они-то непременно подбросят какое-нибудь лакомство.

Наступали холода.

Как-то утром кайренка не оказалось в гостинице. Не появился он у окна и на второй и на третий день.

Очевидцы рассказали, что когда большая стая полярных птиц, издавая свой прощальный клич, отправлялась в путь-дорогу, кайренок разволновался. Природный инстинкт потянул его к своим. Он рванулся и, ударившись о стекло, сорвался с подоконника на пол, метнулся по коридору к выходу и через приоткрытую дверь в один миг оказался на улице. Новый тревожный птичий зов поднял кайренка на крыло. На глазах у людей птенец, набирая высоту, сделал круг над гостиницей. Потом долго и усердно тянулся вслед уходящему косяку. И уже на самом горизонте он примкнул к последней стае кайр. Успел-таки!

Н. ЗАЙЦЕВ

АЗЪ БУКИ ВЪДИ

ПОЧЕМУ ТЬМА «КРОМЕШНАЯ»

Недавно я получил от читателей «Уральского следопыта» несколько интересных писем. Вот два из них.

Ф. П. Медведев из Камышлова от одного из жителей села Черемисского Режевского района Свердловской области слышал такую фразу: «Какие это ягоды, мало, тут инде». Что это за словечко — инде? Оно значит — кое-где, местами. Поэтому фразу старика-ягодника надо понимать так: «Здесь мало ягод, они встречаются лишь кое-где, изредка, в отдельных местах».

Слово инде известно в славянских языках: украинском,

сербском, чешском, словацком. Было оно и в старославянском (древнеболгарском) и в древнерусском языках и значило в другом месте. Царь Иван Грозный писал игумену Кирилло-Белозерского монастыря, что, если бы он, царь, захотел постричься в монахи, то лучшего места, чем этот монастырь, ему не найти: «...и свое обещание положихъ съ радостию, яко нигде инде, аще благоволят мне богъ во благополучно время здраву пострихися».

В современном русском литературном языке слово инде — архаизм. В диалектах же оно

еще существует, но как остаток, пережиток старины.

Как оно устроено? Корень ин — (встречается в словах иной, иначе) соединен с частицей — де (сравним: где, здесь). Обе части слились, и получилось инде.

Другое слово, кромешники, интересное Ф. П. Медведева, взято им из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». Летописец Пимен так говорит об Иване Грозном:

«Его дворец, любимцев
гордых полный,
Монастыря вид новый
принимал.»

Кромешники в тафьях
и власяницах
Послушными являлись
чернецами,
А грозный царь игумном
богомольным».

Колоритно слово **кромешники**. Пушкин нашел его в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. **Кромешниками** называли опричников, агентов розыскной службы Ивана Грозного, печально известных в истории, как палачи и мучители. Кто попадал в руки опричников, тот терял надежду остаться в живых. Опричники находились на особом, привилегированном положении. Это подчеркнуто в самом их названии — опричники, от **опричь** — **кроме, обо**. А от слова **кроме** произошло другое слово — **кромешники** (существительное **крома**, от которого образовано наречие **кроме**, означает **край, граница, предел чего-либо**). На опричников не распространялись обычные обязанности подданных, у них были особые права, они творили суд и расправу. Устав от пыток и казней, царь и его **опричники-кромешники** спешили замолить свои грехи. Иван Грозный был ханжески богомолен. Отсюда — церковный маскарад, все эти «тафьи и власяницы», монашеские одежды. Народ же вкладывал в название **кромешники** свой смысл: он считал их извергами тьмы кромешной, исчадиями ада, бесовскими детьми. Но почему **тьма** — **кромешная**? По библейскому преданию, райский сад Эдем был окружен **внешней тьмой** или **кромешной**, находящейся за пределами светлого рая. Хаос, в котором гнездились темные силы, был по отношению к владениям бога чем-то запредельным. Отсюда выражение **тьма кромешная**, то есть **полная, непроницаемая, плотный мрак**.

Письмо читателя Марамзина И. П. из города Жигулевска Куйбышевской области ин-

тересно тем, что содержит многочисленные фамилии жителей сел и деревень Сухоложского района Свердловской области. Такие данные хотя бы по одному району имеют ценность, так как содержат указания на его историю или какие-то лингвистические черты. Так, фамилия **Ветчинов** происходит вовсе не от слова **ветчина**, как может показаться с первого взгляда, а от слова **вятчин**, — человек родом с **Вятки**.

Сравним фамилии **Перминов** (из Перми), **Вотинов** (из вотского, удмуртского рода), **Чудинов** (происходящий от чудина, представителя народа чудь). В деревне Светлой распространена фамилия **Мезенцев**, от **мезенец** — человек с реки Мезени.

Итак, установлены по крайней мере два источника населения Сухоложского района: Вятка и Мезень. Вот еще одна фамилия из того же района — **Сысолятин**, что значит — происходящий из сысолят — жителей с реки Сысолы (на этой реке стоит Сыктывкар). В районе есть и **Казанцевы**, и **Московских**. Все это, так сказать, «географические» фамилии. Есть не географические. И. П. Марамзин сообщает, что в Сухом Логу очень много **Быковых** и **Берсеневых**. Бывает, что нужно разыскать Быкова Анатолия (а отчество его неизвестно), и вам дадут на выбор так много Анатолиев Быковых, что вы затруднитесь сказать, который из них вам нужен. А местные жители различают их по прозвищам, идущим от дедовских времен: Седёнок, Чехаус, Морковный Японец... Так же обстоит дело с Берсеневыми. Автор письма ставит вопрос: не родственники ли это? На этот вопрос трудно ответить. Скорее всего сухоложские однофамильцы — родственники, но родство между ними так давно и прочно забыто, что его не помнят даже старейшие жители города. В старину люди переселялись боль-

шими семьями, отдельные ветви которых, разрастаясь, теряли родственные связи. Осталось только общее родовое имя, привезенное на Урал откуда-нибудь с Мезени или Пинеги.

Интересны фамилии деревни Знаменка — **Бердышевы**, **Жигаловы**. Первая из них, **Бердышевы**, происходит от прозвища **бердыш** — старинный широкий боевой топор на длинном древке.

Жигаловы — от прозвища **жигало** — плут, мошенник, **выжига**. В деревнях Брусяны и Рудянка имеются фамилии **Коконины**, **Савины**, а в деревне Ирбитовершины — **Хорьковы**, **Кузьминых**, **Поталовы**, **Брылины** (от слова **брыла** — губа). В деревне Таушкан — **Неустровы**, **Зверевы**, **Сысолятины**, **Пановы**, в селе Курьи — **Печенкины**, **Князевы**, **Куницыны**, **Перекасовы**, **Дружинины**, **Осиповы**, в селе Филатово — **Нохрины**, **Новоселовы**, **Захаровы**. В деревнях Поварня и Ново-Пышма распространены **Тимофеевы**, **Бородины**, **Левинских**. Все это фамилии, образованные от личных имен или прозвищ. Фамилия автора письма **Марамзин**, по-видимому, татарская; что она значит, трудно сказать. Известно лишь, что за пределами Свердловской области она почти не встречается. В сторону города Тюмени есть станция **Марамзино**, основанная, видимо, выходцами из сухоложских мест.

И еще. Суслов С. Ф. из Белоярского района Свердловской области рассказывает, где распространено слово **шамага**. Так называют некоторых уроженцев сел Гробова (около станции Дружинино) и Атиг. В их речи имеются глагольные формы, которые не употребляются уральцами: **ходят**, **ездиют**, **возют**, **переходют** и так далее. Но почему их называют **шамага**, что это за слово, откуда оно, пока что неясно.

В. ЖИТНИКОВ

„ЖАЛОВАННЫЙ“ КАФТАН

Много лет назад в одном из залов историко-бытового отдела Русского музея в Ленинграде нежданно-негаданно случай свел меня с необычным «земляком». В одном из стеклянных шкафов я увидел манекен в ярко-желтом кафтане грубошерстного сукна, с темно-синим тканым кушаком.

Было чему удивляться, когда усидшал от экскурсовода, что кафтан этот вывезен... из Пожвы. Оказывается, такие кафтаны уральские земледельцы и заводчики Всеволожские «жаловали» наиболее отличившимся мастерам и рабочим как награду за их большой труд, мастерство и усердие. Поэтому в обиходе эти кафтаны и именовались «жалованными».

Однако прошло немало времени, когда отыскался долгожданный ответ на вопрос: откуда же повелся обычай награждать пожвинских мастеровых кафтанами?

...Осенью 1826 года в петербургский дом Всеволожских была доставлена очередная партия изделий пожвинских умельцев. Хотя к тому времени о мастерстве сталеваров, слесарей и механиков из Пожвы в ученых и промышленно-торговых кругах столицы многие были наслышаны, вновь прибывшие изделия привлекли к себе пристальное внимание. С ними ознакомились и члены ученого комитета по горной и соляной части, в результате чего появилась обширная статья в декабрьском номере «Горного журнала» за 1826 год.

Подчеркивая, что в последнее время «на металлические изделия русских искусство наложилось печать, близкую к совершенству», авторы отмечали, что заводы В. А. Всеволожского, «кроме выплавки чугуна и

выделки железа, отличаются тою особенностью, что в них заведены мастерские искусств промышленных». Из присланных новинок, «заслуживающих во многих отношениях особенное внимание», в журнале называются:

1. Остроумная машина (отограф), посредством которой один человек может писать вдруг два экземпляра бумаг.

2. Циркули разной величины обыкновенного и особенного устройства.

3. Разные токарные станки и, наконец,

4. Большие часы.

Однако, как отмечается в журнальной статье, «из всех означенных изделий более всего привлекают на себя внимание сии большие часы особенного устройства и отличной отделки. Оне имеют в вышину $3\frac{1}{4}$ аршина; а основание их заключает в окружности почти 5 аршин».

Для лучшего представления укажем, что механизм этих башенных часов приводился в движение пятью гириями по 56 и одной в 40 килограммов, то есть общим весом 320 килограммов. Помимо показаний стрелок на четырех позолоченных циферблатах, часы отсчитывали время и боем набора из пяти колоколов через каждые пять, пятнадцать и шестьдесят минут. Причем большой (часовой) колокол имел вес 152 килограмма.

«Но самое главное достоинство сих часов состоит в том, — делается вывод в статье, — что они сооружены не одним изобретательным человеком, но составом разных цехов; следовательно, доказывают отличное устройство завода: ибо разные члены сих часов, отделанные разными людьми, предполагают и совершенство машин, необходимых для их об-

работки, и искусство мастеров».

Описанные часы изготовлялись по проекту и под руководством механика-самоучки Александра Петровича Кочегина. Через десять лет, когда на Пожвинском заводе велись работы по изготовлению первого отечественного магистрального паровоза, А. П. Кочегин был уже верховым мастером «механического заведения».

Осенью 1828 года, когда начались работы по восстановлению после пожара столичного Спасо-Преображенского собора, В. А. Всеволожский, как бывший преобразенец, передал часы в распоряжение комитета по восстановлению храма. Для сборки и установки их из Пожвы были вызваны Александр Кочегин с группой слесарей и краснодеревцев.

Решено было все четыре циферблата вынести наружу «для публичного обозрения» под соборный купол, а механизм часов поместить во внутренних помещениях. В августе 1829 года все работы были успешно завершены.

7 февраля 1830 года один из членов комитета по восстановлению собора, генерал царской свиты, извещал В. А. Всеволожского: «Государь император (Николай I.—П. К.) всемилостивейше пожаловать соизволил крестьянину вашего превосходительства Александру Кочегину, устанавливавшему башенные часы, пожертвованные вами в Преображенский собор, почетный кафтан».

Следуя этому примеру, Всеволожские и ввели обычай «жаловать» кафтаны подданным и от своего имени.

П. КАЗАНЦЕВ

Мишка Крутиков

ВОЖДЬ АПАЧЕЙ

Юмореска

Когда у нас в школе организовался кружок юных следопытов, Мишка Крутиков сразу в него записался. Меня это несколько не удивило. Я ведь Мишку еще с первого «Б» знаю. Он всюду лезет. Он и филателист, и юный художник, и «умелые руки». А сам никогда не держал в руках ни почтовой марки, ни кисточки, ни молотка.

Я и говорю ему:

— Мишка, ну какой из тебя следопыт? Очки у тебя — как колеса у МАЗа... Чего ты в них увидишь? И в лесу ты никогда не бывал, зверей только на картинках видел. А ведь следопыту надо...

— Я сам знаю, что следопыту надо! — рассердился Мишка. — Ты Фенимора Купера читал?.. Нет!.. А фильм — «Винету — вождь апачей» смотрел?.. Нет!.. А «Лесную газету» Бианки?.. Нет, нет и нет!.. А я читал! Я все знаю. Я любой след

прочту — кто, когда, где и зачем прошел!

Спорить я с ним не стал: ему не докажешь. А насчет чтения — это верно, читать Мишка любит. А я — если только про шпионов что-нибудь подвернется...

Идем мы с ним из школы домой, а он: — Смотри, смотри! Видишь на снегу следы?.. Это ворона прошла!

Смешно мне стало. Как будто в нашем городе страус или пингвин может пройти!

А Мишка не понимает. Глаза зажмурил, носом покрутил и говорит:

— Хочешь, скажу тебе, где мы проходим?.. Мимо хлебозавода!

Хотел я ему напомнить, что мы мимо этого завода по два раза на дню проходим, да удержался, рукой махнул.

Мишка и ходить стал как-то по-особенному: носки внутрь, пятки вывернет наружу и раскачивается на ходу, как маятник Фуко.

— Так, — говорит, — индейцы-следопыты ходят. А ты за мной иди... Ступай по моим следам! След в след. Как будто тут один человек шел, а не два.

Так мы с Мишкой всю зиму след в след ходили и вороньи отметины на снегу разглядывали.

А когда наступили летние каникулы, мы всем классом в пионерский лагерь поехали. Вот уж где Мишка разошелся! Можно подумать — всю жизнь среди сиу или апачей прожил. Подкрадется сзади неслышно да такой нечеловеческий вопль испустит, что мороз по коже пробегает. Костя Овечкин из второго «В» даже заикаться стал.

— Это, — говорит Мишка, — победный

клич апачей. Есть такое племя следопытов.

А потом игру новую придумал. Одни ребята прячутся в лесу, а другие их отыскивают — по следам, по траве примятой, по сломанным веточкам. Ничего игра, интересная. Даже Марии Васильевне, вожатой, понравилась.

Мишка ходит по лагерю, как майор Пронин. На меня с усмешкой поглядывает.

— Пригнись,— говорит,— а то тебя за километр видно!

Вечерами в палатке Мишка разбор начинается — кто как прятался, да кто как искал, да какие у кого ошибки были... Ну, чистый Шерлок Холмс. А ребята сидят, разинув рты, слушают, удивляются Мишкиной пронизательности.

Был в нашей палатке один рыженький такой, тихонький паренек. Его так и звали все: Рыжий да Рыжий. Он не из нашей школы. Никогда в разговоры не вмешивался, только слушал. И услышал он однажды, как Мишка хвастает:

— Могу спорить: если я спрячусь, так три дня будете искать и не найдете!

Рыжий вдруг подходит к нему и тоненьким таким, писклявым голосом говорит:

— Давай, очкарик, поспорим. Ты — прячешься, я — нахожу.

Мишка даже подпрыгнул от неожиданности.

— Ты?!.. Эх ты, рыжик-пыжик... Да я и не один спрячусь, а вот с ним, вдвоем,— и показывает на меня,— и ты нас, не смотря на его рост, неделю искать будешь!

Поспорили. Договорились, что утром спрячемся в лесу, и пусть Рыжий ищет. Найдет — мы ему полкило ирисок «Кис-кис» покупаем. Не найдет — он нам.

Утром позавтракали, стали собираться в лес. Мишка нервничает, волнуется, а Рыжий подходит спокойно, протягивает нам мешочек с тыквенными семечками.

— Угощайтесь,— говорит,— на дорогу. Мне,— говорит,— вчера бабушка прислала, жареные... Берите, берите, не стесняйтесь!

Ну, мы набили карманы семечками и пошли. А Рыжий на опушке с ребятами-свидетелями остался, условленные полчаса ждать.

— След в след иди, как я тебя учил зимой,— говорит мне Мишка.— Да старайся по кочкам прыгать, на них следы незаметнее. Потом задом будем пятиться, чтобы Рыжего со следа сбить. Да сучки, смотри, не ломай!..

И начали мы по сухим кочкам прыгать. Потом — задом пятиться. Пятимся и посмеиваемся. Обведем Рыжего вокруг пальца, как пить дать — обведем! Такие петли напетляли!

«Да,— думаю про себя,— все-таки молодец Мишка! Не зря книги читал. Настоящий следопыт!»

Забрались мы в чащу, где, наверное, и нога человеческая не ступала. Залезли на дерево, посмеиваемся, семечки догрызаем... Только через полчаса вдруг слышим: сучья трещат. Кто-то к нам приближается.

Мишка побледнел.

— Медведь,— говорит.— Замри, не дыши...

Замерли.

И вдруг — писклявый голос Рыжего: — А ну, слезьте с дерева!.. Бегите за ирисками!

Рассерженный Мишка кубарем слетел с дерева, я — за ним.

— Это нечестно! — возмущается Мишка.— Ты подглядывал! За нами шел!

— А зачем мне подглядывать? — смеется в ответ Рыжий.— У меня свидетели есть. А след вы вон какой оставили! Следы найдет...

Глянули мы... А шелуха от семечек белой ниткой через весь лес тянется... А под деревом — и совсем белым бело...

— Эх, ты,— с досадой говорю я Мишке.— Тожже мне — вождь апачей...

Рисунки В. Фомина

НЕПОВТОРИМ ЧЕЛОВЕК

Как-то в Магаданском аэропорту я увидел книгу — записки полярного летчика Михаила Каминского «В небе Чукотки». Я возвращался из Анадыря — главного города и порта Чукотки — и меня интересовало буквально все связанное с этой самой северо-восточной окраиной нашей страны, землей суровой, овеянной легендами о первопроходцах, землей богатой, но до конца еще не исследованной.

Книга захватила сразу — новыми сведениями, интересными фактами. Видно было, что автор прошел большую жизненную школу. «Михаил Николаевич Каминский, известный полярный летчик старшего поколения, четверть века своей жизни отдал служению доблестной полярной авиации, — писал в предисловии к этой книге Герой Советского Союза, генерал-майор авиации А. Ляпидевский. — Он первым из полярных летчиков закладывал традиции многодневных зимовок в Арктике... Когда мне довелось участвовать в спасении челюскинцев, Чукотка в авиационном отношении была почти нетронутой целиной, а всего через пять лет после этого восточная окраина Арктики была надежно освоена авиаторами. Личная заслуга М. Н. Каминского в этом деле как летчика, а потом и командира весьма значима и бесспорна».

Автор рассказывает нам об особом конструкторском бюро воздушных сил, где ему удалось служить в начале тридцатых годов, о начальнике этого бюро Павле Игнатьевиче Гроховском, великом выдумщике и энтузиасте, осуществившем идею создания воздушно-десантных войск намного раньше, чем осуществлена она была во враждебных нам армиях. Азтор отмечает, что о П. И. Гроховском почти ничего

не сказано в нашей военно-исторической литературе. Тем более дороги нам страницы записок об этом незаслуженно забытом человеке.

После службы в Особом бюро и начавшись для Михаила Каминского Чукотка. Из книги мы узнаем о самом первом летчике, поднявшем самолет в небо Чукотки — Отто Артуровиче Кальвице, участнике исторической полярной экспедиции Г. А. Ушакова. Узнаем о том, как в 1933 году на мощном, по тем временам, гидросамолете «Дорнье Валь» Сигизмунд Леваневский вывозил на Аляску незадачливого американского летчика-рекордсмена Маттерна, потерпевшего аварию недалеко от Анадыря. М. Каминский пишет о большом арктическом перелете Михаила Водопьянова, о «рядовых» разведывательных полетах по новым полярным трассам, о замечательной экспедиции Сергея Обручева, сына Владимира Афанасьевича Обручева — геолога и географа, академика и писателя, автора «Земли Санникова». Драматична глава «Цена трусости», в которой повествуется о поисках экипажа летчика Волобуева. «Каждая профессия, — пишет М. Каминский, — предъявляет свои требования к характеру человека. У врача и педагога должны быть в наличии терпение и любовь, у администратора — распорядительность, а у летчика в первую очередь — отвага».

Примеров истинной отваги у М. Каминского немало. Но, пожалуй, прежде всего записки захватили меня глубокими раздумьями автора, его стремлением показать своих товарищей выпукло, «изнутри», с тем проникновением в их характеры, которое может свидетельствовать о незаурядных качествах самого автора.

Только любящему людей дана способность понять их по-настоящему. И примечательно, что в записках М. Каминского каждый человек неповторим, каждый — личность, пусть, как и в жизни, разного масштаба, но со своими мыслями, правдой или заблуждениями, добротой или бесщедностью, безоглядной храбростью или повышенным вниманием к своему благополучию. Иной раз читаешь роман профессионального писателя и диву даешься — столько там придуманного, «высосанного из пальца». А тут не литератор, профессиональный полярный летчик взялся за перо, и подарил нам книги (через два года в Магаданском издательстве была выпущена вторая книга записок) удивительно волнующие, подкупающие чистотой и ясностью слога.

В мемуарной литературе, в воспоминаниях у нас, как правило, рассказывается о событиях, а люди — творцы этих событий — чаще всего разнятся лишь именами и фамилиями. М. Каминский рассказывает нам прежде всего о человеке, пытается создать его образ, насколько позволяют это рамки документального жанра. И события мы воспринимаем как прямое следствие устремлений того или иного человека, его ума, таланта, организаторских способностей или отсутствия таковых.

Порою мы не замечаем влияния на нас окружающих людей. Но это истина, что наше мировоззрение, наши качества, даже вкусы изменяются и формируются не столько от усвоенных нами «учебных» знаний, сколько от общения с товарищами, с которыми связан одною заботой. «Через жизнь каждого человека проходят люди, имевшие особое значение в тот или иной момент биографии», — пишет

М. Каминский, и в этом — ключ ко всем его запискам. Какую-то частичку души страстного патриота Гроховского унес он в своем сердце, отправляясь в Арктику. Наверное и от друга своего, бортмеханика Мити Стровенко, человека весьма трудолюбивого и доброго, увлеченного стихами и песнями, почерпнул немало М. Каминский. Внимание автора прежде всего сосредоточено на людях. Он так и говорит: «Мерзлота меня интересовала постольку, поскольку интересен был сам Швецов» или: «Встреча со Швецовым позволила мне открыть еще одного интересного человека».

Многие разделы записок и озаглавлены так — «Митя», «Щетинин и Янсон», «Петр Швецов — будущий академик», «Сергей Обручев и другие», «Бортмеханик Берендеев», «Игорь Ардаматский — начальник полярной станции».

О партийном работнике Науме Филипповиче Пугачеве он пишет: «Долгие годы примером высокой идейности оставались для меня коммунисты Чукотки тридцатых годов. Среди них Пугачев был воплощением не только беззаветной партийности, но и творческого ее применения». О молодом капитане ледокола «Красин» Михаиле Прокофьевиче Белоусове: «Размышляя о командирской и человеческой сущности капитана Белоусова, я пришел к заключению, что внимание к сугубо личным делам Лукьянычей (рядовых работников. — Л. Р.) — неотъемлемая черта его характера... Внимание капитана воспринималось как самое желанное поощрение за службу».

В записках нет свидетельств о том, кто брал пример с самого М. Каминского. Но совершенно ясно, что многие люди, работавшие с ним, не

могли не оценить его исключительного внимания к ним и, следовательно, принять это как необходимую норму жизни.

Надо полагать, что теперь сами книги М. Каминского послужат добрым ориентиром для тысяч молодых его читателей, которые готовятся к самостоятельной жизни, овладевают специальностями, но на «карте» своих познаний вдруг замечают «белое пятно» — неумение понять рядом стоящего человека. Ответственный предмет — человековедение, — необходимым как воздух всем нам, людям нового общественного строя, к сожалению, отсутствует в учебных программах. Этот предмет преподает сама жизнь, а иногда и книги, подобные запискам М. Каминского «В небе Чукотки».

Л. РУМЯНЦЕВ

ПИСЬМА ЕГИПЕТСКОЙ ЦАРИЦЫ

Имя писательницы К. Моисеевой хорошо знакомо читателям, любящим историю и археологию: почти все ее произведения написаны на конкретном историческом материале и, как правило, воскрешают неизвестные страницы из прошлого человечества. Осталась верна писательница своей теме и в новой книге «Дочь Эхнатона», в которую вошли четыре повести, описывающие жизнь древних народов, некогда населявших Северную Африку. О том, какие исторические факты и археологические находки легли в основу повести «Дочь Эхнатона», давшей название новой книге К. Моисеевой, и рассказывается в статье «Письма египетской царицы».

В 50-х годах в развалинах Богазкёйя, на территории современной Турции, были найдены глиняные таблички на хеттском языке, поставившие в тупик многих археологов.

Хеттский летописец повествует, что когда Суппилулиуме осаждал Кархемиш, крепость в Палестине, то к нему прибыл посланец с письмом от египетской царицы. Письмо гласило:

«Мой муж умер, и у меня нет детей. Но го-

ворят, что у тебя есть много сыновей. Пришли мне одного из них, и он станет моим мужем. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из моих подданных был моим мужем. Я этого очень боюсь».

Это предложение так поразило хеттского царя, что он, собрав Великий Совет, сказал: «Такое никогда не случалось за всю мою жизнь!»

Но, озадаченный, и, возможно, подозревая, что тут таится какая-то хитрость, Суппилулиуме

отправил в Египет своего посла со следующим поручением: «Ступай и доставь мне истинное слово. Быть может, египтяне обманывают меня! Быть может, у них есть сын их владыки и они не хотят моего сына на царствование!»

Хеттский посланец вернулся не один, а с египетским послом Хани. Они привезли еще одно письмо египетской царицы:

«Почему ты говоришь: «Они обманывают меня?» Если бы я имела сына, разве бы я стала писать чужеземцу, чтобы он знал о моем горе и горе моей страны? Ты оскорбил меня, когда сказал так. Мой муж мертв и у меня нет сыновей. Я никогда не выйду замуж ни за кого из моих подданных. Я не пишу ни к кому, кроме тебя. Говорят, что у тебя много сыновей; дай мне одного из них, чтобы он смог стать моим мужем.»

После долгих колебаний Суппилулиуме, наконец, послал одного из своих сыновей в Египет. Но как только хеттский царевич прибыл в страну пирамид, он был схвачен и убит египетскими вельможами.

Вот все, что так скупо сообщают нам глиняные таблички о таинственной драме, разыгравшейся 3000 лет тому назад. Кто же этот «муж, который умер», и кто эта царица, пишущая такие отчаянные письма?

Их имена нам известны: фараон Тутанхамон и его супруга царица Анхесенпаатон.

Как это ни странно, знаменитый Тутанхамон был весьма незначительным правителем XVIII династии и умер совсем юным. О нем известно, что он был зятем Эхнатона, «царя-еретика». Юность свою он провел в поклонении Атому: это было время религиозных реформ его тестя. Впоследствии он вернулся в лоно старой религии, на это указывает его имя: из Тутанхатона он превратился в Тутанхамона. Нам известно, что время его правления было весьма смутным.

Вопрос о том, кто займет место Эхнатона, был настолько важен для жизни всей страны, что неизбежно должен был породить дворцовые интриги. У Эхнатона не было наследников по мужской линии, поэтому интересы соперничающих группировок сосредоточились на его юных дочерях. Старшей из них ко времени смерти отца едва ли исполнилось пятнадцать лет.

Несмотря на свою молодость, Меритатон, старшая дочь фараона, была выдана замуж незадолго до его смерти. Это была тщетная попытка предотвратить кризис престолонаследия, который сам Эхнатон считал неизбежным. Однако Меритатон недолго пробыла у власти. Ее муж Сменхкара был убит враждебной партией вскоре после смерти Эхнатона. Трон фараона вновь оказался свободным.

Макератон, вторая дочь Эхнатона, не успела выйти замуж и умерла еще при жизни своего отца. Третья дочь, Анхесенпаатон, стала женой Тутанхатона — таково было при жизни Эхнатона имя Тутанхамона. В момент заключения брака супруги были совсем еще детьми.

Тутанхамон, чтобы сохранить власть, вынужден был покинуть еретическую столицу своего тестя — Тель-эль-Амарну — и перебрался со всем своим двором обратно в Фивы. Там он провел большие восстановительные работы в некоторых фиванских храмах, посвященных старым богам. До нас дошла одна стелла, которая хранится в Каирском музее. Некогда она стояла в одном из храмов Карнака. В высеченной на ней надписи Тутанхамон говорит: «Я нашел храм в развали-

нах: стены святилища были разрушены, дворы его заросли травой. Я вновь воздвиг святилища, я восстановил храмы и пожертвовал им всевозможные превосходнейшие вещи. Я отлил изваяния богов из золота и электрона, украсив их лазуритом и всевозможными драгоценными камнями.»

Вот те скудные сведения, которые имеются о Тутанхамоне. Мы даже не знаем, сколько лет продолжалось его правление — предположительно, шесть лет и относится примерно к 1350 году до н. э. Известно лишь то, что он жил, умер и был похоронен, когда ему было восемнадцать лет. Была ли это насильственная смерть или смерть в результате болезни, а может быть, несчастного случая — мы тоже ничего не знаем.

Но если у нас нет сведений о государственных деяниях Тутанхамона и о точном времени его царствования, то мы можем составить себе некоторое представление о чертах его характера и обстановке, окружавшей юного фараона.

В 1922 году среди мрачных скал «Долины Царей», на западном берегу Фив, была найдена нетронутая гробница Тутанхамона. Нашел ее английский археолог Говард Картер. Это событие всколыхнуло тогда весь культурный мир.

Впервые ученые получили возможность исследовать нетронутое погребение фараона. В четырех комнатах гробницы были обнаружены самые разнообразные предметы царского обихода: великолепные одежды, искусно орнаментированные алебастровые вазы, инкрустированная мебель, оружие, колесницы и т. д., а также погребальная утварь. В спальне археологи нашли вложенные один в другой ценные саркофаги, в которых покоилась мумия фараона. Эти ни с чем не сравнимые находки — от лежака «раскладушки» до пышных лож с украшениями в виде фантастических зверей и от веночка из васильков до гроба из чистого золота в 450 килограммов — заставили нас, людей XX века, с изумлением взглянуть на этот, более чем трехтысячелетней давности мир.

До нас дошел и скульптурный портрет Тутанхамона на золотом саркофаге. Он изображает фараона в очень юном возрасте. Голова и руки вылеплены объемно, тело же дано в плоскостном рельефе. В скрещенных руках фараон держит знаки царского достоинства: жезл и инкрустированное синим фаянсом опахало. Лицо сделано из чистого золота, глаза из органика и обсидиана, брови и веки из стекла цвета лазурита. Это лицо напоминает в своей неподвижности маску и в то же время оно словно живое.

Но, может быть, самое удивительное — трогательный скромный веночек на саркофаге, последнее «прости» любимому супругу от молодой вдовы. Вся царская роскошь, блеск золота и великолепие похоронного убранства меркнет перед этим увядшим букетом, не потерявшим, однако, еще окончательно своей естественной окраски. Цветы эти лучше, чем что-либо другое, свидетельствуют о мимолетности тысячелетий.

Что мы знаем о жене Тутанхамона? Тоже очень немного. Она играла значительную роль хотя бы потому, что благодаря ей Тутанхамон вззошел на трон фараона. Он считался с этим и воздавал ей должное; на погребальной утвари очень часто встречается имя и изображение его жены. Если верить портретам Анхесенпаатон, она была красива. Особенно прекрасны два изображения. На одном из них, представляющем собой рельеф на спинке трона, Анхесенпаатон умащивает своего мужа благовониями. На другом она сопровождает юного фараона во время охоты. Присев у его ног, она протягивает ему одной рукой стрелу, а другой указывает на самого жирного селезня, словно боясь, что муж его не заметит. Эти изображения прекрасны и одновременно трогательны, особенно если вспомнить, что юная супруга осталась вдовой, когда ей было 17—18 лет.

Продолжение истории Анхесенпаатон мы уже знаем из табличек, найденных в развалинах Богазкёйя. Попытаемся выяснить последнюю тайну: почему вдова Тутанхамона писала такие отчаянные письма хеттскому царю?

Анхесенпаатон обладала, вероятно, достаточно сильным характером. Мысль о том, что придется отступить на задний план и в дальнейшем зависеть от милости новой царицы, ей отнюдь не улыбалась. Поэтому тотчас же после смерти Тутанхамона она начала действовать. В ее распоряжении, как мы можем предположить, была лишь трехмесячная отсрочка: между смертью фараона и его погребением должно было пройти девяносто дней, нужных для бальзамирования тела фараона; пока прежний владыка не был погребен, новый претендент вряд ли мог взойти на престол.

Тутанхамон был возведен на трон верховным жрецом и управителем дворца фараона Эйе. Эйе был ближайшим личным другом Эхнатона.

Он заправлял всеми дворцовыми делами и был первым министром государства.

Вполне вероятно, что Эйе с самого начала стремился занять место Тутанхамона, но полагал, что время для этого еще не пришло, и предпочитал выжидать, с выгодой используя свое положение министра у слишком юного и неопытного фараона.

По закону Эйе не имел ни малейшего права на трон. Но сразу же после смерти Тутанхамона он стал вести интриги для захвата власти. С этой целью Эйе решил жениться на вдове Тутанхамона. Только в этом случае он смог бы узаконить свою власть.

Вероятно, Анхесенпаатон видела единственный шанс избежать брака со старым придворным, человеком намного старше, чем она сама: попросить себе в мужа одного из сыновей хеттского царя.

С ее стороны это был рискованный шаг, который мог иметь для Египта, как самостоятельного государства, губительные последствия. Дело в том, что с правления Аменхотепа III, то есть примерно с середины XV века до н. э., Египет не вел крупных войн. Города Сирии и Палестины платили дань египетскому фараону. Кое-где стояли египетские гарнизоны. И в это время начинает возвышаться другой древневосточный хищник — государство хеттов в Малой Азии. Оно возникло в XIX веке до н. э.

Во времена Тутмоса III хетты пытались скинуть дарами расположение великого завоевателя, однако уже при Суппилулиуме, современнике Аменхотепа III и Эхнатона, хетты начали действовать непосредственно на территории, завоеванной некогда египтянами. Они захватили и разграбили города Сирии. Некоторые сирийские князья пытались воспользоваться этим и освободиться от власти Египта, другие же слезно просили у Эхнатона помощи.

Но Египет, истощенный длительными войнами и занятый внутренними делами, не мог выступить против грозного противника, чтобы удержать в своих руках бывшие владения. Вот почему просьба вдовы Тутанхамона к хеттскому царю Суппилулиуме выглядит поистине странной.

Мы не знаем причин, побудивших вдову Тутанхамона вступить в переговоры с хеттским царем. Можно лишь предположить, что слова в ее письме о нежелании выйти замуж за своего подданного относятся к престарелому Эйе. Кто знает, не был ли Эйе замешан в смерти Тутанхамона?

К сожалению, не сохранилось никаких документов, которые рассказали бы о дальнейшей судьбе Анхесенпаатон. Только эти несколько глиняных табличек из развалин Богазкёйя, заставившие историков заново переписать одну из страничек истории Древнего Египта.

Б. КАЗАНКОВ

СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ

САМЫЙ ЮНЫЙ МОРЯК

Шестидесятые годы XX века были насыщены самыми разными, подчас невероятными путешествиями. Так, швед Пер-Эрих Пех в 1965 году пересек Атлантический океан на одномачтовой яхте «Реа». Мореплаватель ставил перед собой не спортивные, а сугубо житейские цели: будучи специалистом по постройке яхт и катеров, он решил изучить постановку этого дела в США и, чтобы сэкономить, решил добраться до Америки на собственном транспорте. Однако такой сугубо «коммерческий» подход к плаванию не помешал Пеху установить мировой рекорд: ни одно безмоторное судно до яхты «Реа» не пересекало Атлантический океан за 23 дня.

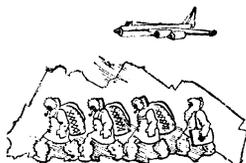
Любопытно, что весь экипаж яхты состоял из трех человек—самого капитана, его жены и сына Руди Пеха, записанного в корабельном журнале вторым матросом. Этому второму матросу во время плавания было всего... один год.

НА СВОИХ ДВОИХ — К ПОЛЮСУ

Как только ни пытались достичь Северный полюс. И на судах, и на собаках, и на самолетах, и на дирижаблях, и на подводных лодках. И, наконец,— пешком. Если бы такой поход был совершен во времена Амундсена и Пири — ничего удивительного. Но в наше время, когда до полюса можно добраться за несколько часов на самолете!

476 дней продолжался поход четверых англичан через Арктику. Трое из них — бывалые полярники, прошли суровую школу в Антарктиде, а четвертый — физиолог Кен Хеджес, проверявший на себе и своих друзьях приспособляемость человеческого организма к суровым условиям, — в высоких широтах оказался впервые. Экспедиция англичан носила научный характер.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДЛИТЬ ПОДПИСКУ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ МОЖНО ДО 1 ИЮНЯ. ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ОГРАНИЧЕНИЙ.

В июньской и июльской книжках журнала будет публиковаться приключенческая повесть Станислава ГАГАРИНА «Несчастный случай».

До конца года редакция предполагает опубликовать повесть Бориса ЖИДЕНКОВА «Петля тайги», повесть Льва ТРУТНЕВА о сельских подростках в годы Великой Отечественной войны.

В портфеле редакции фантастические рассказы и повести Александра и Сергея АБРАМОВЫХ, Дмитрия СЕРГЕЕВА и многое другое.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40. Копрекортор В. Бурангулова. Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 20125. Подписано к печати 24/III 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,17. Тираж 155 000. Цена 30 коп. Заказ 56.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

А кто-то третий...

Музыка Евгения РОДЫГИНА

Слова Ивана ДРЕМОВА

Задумчиво

Ря-би-ны лист ко-лы-шет ве - тер, тропинка вдаль у-во-дит нас.

А кто-то тре - - тий, кто-то тре - тий с тропинки той не сводит глаз. А кто-то

тре - - тий, кто-то тре - тий с тропинки той не сводит глаз. Лу-на над

8.....

Рябины лист колышет ветер,
Тропинка вдаль уводит нас.
А кто-то третий,
кто-то третий
С тропинки той
не сводит глаз.

Луна над речкой ярко светит,
Волна сливается с волной.
А кто-то третий,
кто-то третий
Один остался за рекой.

Мы завтра вновь с тобою
встретим
Заречной зореньки восход.
А кто-то третий,
кто-то третий
Вновь до рассвета не уснет.

Как не легко на белом свете
свою судьбу — любовь найти,
Еще трудней —
остаться третьим
На долгом жизненном пути!

В. МЕШКОВ

ВЕЧЕР НА ОЗЕРЕ

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

**Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора),
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный
секретарь), В. ШУСТОВ**